

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

СЕРГЕЙ ГОРЯИНОВ

БИТВЫ АЛМАЗНЫХ БАРОНОВ

Annotation

Сергей Горяинов – эксперт алмазного отраслевого информационного агентства Rough-Polished. В течение ряда лет входил в состав Совета по информационной политике акционерной компании АЛРОСА («Алмазы России – Саха»).

В книге «Битвы алмазных баронов» мировой алмазный рынок рассматривается как своеобразный «испытательный полигон», на котором англо-саксонские элитарные надправительственные структуры отрабатывали стратегию управления миром.

Зачем корпорация «Де Бирс» снабжала алмазами Третий Рейх, почему Советский Союз выполнял роль послушного сателлита англо-саксонских корпораций на глобальных сырьевых рынках, кто и как уничтожил «надежду белой расы в Африке»? Взгляд на алмазный рынок как на инструмент эффективного политического моделирования и прогноза позволяет найти ответы на эти вопросы.

- [Сергей Горяинов](#)
 - [От автора](#)
-

Сергей Горяинов

Битва алмазных баронов

От автора

В октябре 2002 года Анголу посетила делегация компании «Алмазы России – Саха» (АЛРОСА). Я входил в состав этой делегации в качестве члена Совета по информационной политике при президенте АЛРОСА и редактора одного из корпоративных изданий. Вечером 23 октября в Луанде в посольстве РФ состоялся прием, организованный по случаю визита руководства Российской алмазной компании. Под самый конец этого мероприятия ко мне подошел коллега, отвел в укромный уголок и

без дальних предисловий достал из бумажника фотографию. Снимок был не очень хорошего качества – скорее всего, он был сделан объективом с большим фокусным расстоянием из окна движущегося автомобиля. На нем был изображен столик уличного кафе, за которым сидели четверо – три негра и один относительно белый.

– Это 1995 год. Кафе на набережной, здесь недалеко. Вот эти двое – люди душ Сантуша, вот этот – человек Савимби. В 1995 они вместе обеспечивали канал Луанда – Антверпен. Сейчас все они – правительственные чиновники, по-прежнему связаны с алмазным

экспортом, вы их увидите завтра, когда будут встречи в министерствах. А вот этот – аль Гамди, сейчас известен как Абу аль Валид, саудовец, Служба Общей разведки. Мы полагаем – это то, что вас интересует?

Я кивнул и потянул за уголок снимка, но мой визави отрицательно покачал головой.

– Нет. Держать при себе такое не стоит, тем более в «Континентале». Просто запомните имена. Везде очень чувствительные глаза и уши.

– Даже в посольстве?

– Здесь особенно.

Ночью в своем номере в «Континентале» я смотрел телевизор

— в новостях ВВС шла первая информация о захвате Бараевым заложников на Дубровке. Конечно, тогда я еще не мог видеть связей между тем, что происходило в России, и снимком, который мне продемонстрировали в посольстве, и уж тем более не мог знать, что через пару лет мне придется взаимодействовать с некоторыми участниками событий в «Норд-Осте» при обстоятельствах почти неправдоподобных. Картина еще только начинала проявляться — слабыми неверными контурами, зыбкими штрихами, рождающими и глубокую тревогу, и безграничный интерес.

Внутренний дворик посольства РФ в Луанде. Справа от автора – главный военный советник Эдуарду душ Сантуша генерал-полковник Г. Касперович.

Через несколько дней, вместе с двумя тележурналистами из Якутии, я улетаю в Йоханнесбург. Уже при прохождении паспортного контроля

повышенное внимание к нашим персонам стало очевидным. А когда мы медленно двигались в очереди к трапу «Боинга», на полосе показался открытый джип с несколькими чернокожими господами в униформе. Джип лихо подкатил к нам, и ангольцы, увешанные какими-то аксельбантами и знаками различия веселых попугайских оттенков, довольно грубо отобрали портфели и сумки. Только у нас троих – из сотни пассажиров. Я догадывался, что они искали, и мысленно поблагодарил коллегу за предусмотрительность. Багаж наш прибыл в Москву через неделю, он был тщательно выпотрошен, но ничего не пропало,

за исключением пуховика одного из якутских журналистов. Зачем ангольской контрразведке понадобился пуховик, остается загадкой. Ну, разве что на стену вместо шкуры – как трофей.

Этот визит в Анголу положил начало цепочке событий, участие в которых, а особенно анализ их последствий, привели меня к пониманию, что алмазный рынок есть нечто более интересное и глубокое, чем просто рынок роскоши, и бриллиант является не только квинтэссенцией человеческого тщеславия и потребности в признании, но инструментом эффективного и

тонкого политического
моделирования и прогноза.
Парадоксальное на первый взгляд
утверждение, учитывая, что
современный алмазный рынок
относительно невелик по объему: в
докризисном 2008 году мировая
добыча составила около 163
миллионов карат на сумму примерно
\$12,7 млрд. Для сравнения – оборот
российской нефтяной компании
ЛУКОЙЛ составляет около \$80
млрд., а операционная прибыль
крупнейшей нефтяной компании
мира Exxon Mobil Corporation
превышает весь объем мирового
алмазного рынка более чем в 6 раз.

Свыше 95% добываемых в мире

алмазов (в стоимостном выражении) гранятся в бриллианты и используются в ювелирной промышленности. Доля натуральных технических алмазов в настоящее время продолжает сокращаться вследствие быстрого развития технологий синтеза, позволяющих получать искусственные алмазы для производственных нужд, по качеству и себестоимости превосходящие природные.

Относительно небольшой объем мирового алмазного рынка и превалирование (по стоимости) в обороте ювелирных алмазов над техническими неизбежно создает у стороннего наблюдателя иллюзию

«несерьезности»,
«второстепенности» алмазной
индустрии, ее неспособности
оказывать сколь-нибудь значительное
влияние на глобальные
экономические и политические
процессы. Между тем, именно
алмазный рынок послужил моделью,
на которой обкатывались методы
управления глобальными сырьевыми
рынками и первоосновой для
создания влиятельных
надгосударственных неформальных
структур – подлинных генераторов
масштабных программ, в
значительной степени определяющих
ход исторического развития с конца
XIX века.

И сегодня алмазный рынок продолжает оставаться инструментом, активно используемым при разработке криптотехнологий управления глобального уровня. По меткому выражению консультанта корпорации «Де Бирс» князя Никиты Лобанова-Ростовского: «Алмаз — магический кристалл, через который удобно рассматривать людей и целые народы».

Вот этим мы и займемся.

Глава 1 Формула Родса

*«Мы, люди
практичные, должны
завершить то, что
пытались сделать
Александр, Камбиз и
Наполеон. Иными словами,
надо объединить весь мир
под одним господством. Не
удалось это македонцам,
персам, французам.
Сделаем мы – британцы».*

*Сесил Джон
Родс*

OLD DE BEER'S

DIAMOND MINE.

VOORUITZICHT.

В 1870 году на юге Африки (на территории современной ЮАР) были открыты три крупных месторождения алмазов — Ягерсфонтейн, Дютойтспен и Коффифонтейн. Это были первые известные в истории коренные месторождения, т. н. кимберлитовые трубки взрыва. В 1871 году над этим алмазоносным районом был установлен британский протекторат, а в 1876 году он был формально включен в состав Капской колонии Великобритании. Руководил аннексией этих территорий министр колоний Великобритании лорд Кимберли. В его честь был назван поселок, основанный на открытом в

1871 году еще одним, выдающимся по характеристикам месторождения. Название поселка и месторождения вскоре стало обобщающим термином, а саму алмазную руду стали именовать кимберлитом.

До этих открытий алмазы добывались на россыпях в Индии, Бразилии и Африке в весьма незначительном количестве и ценообразование на алмазном рынке определялось балансом спроса и предложения. Алмаз, обладающий исключительными ювелирными качествами, прежде всего уникальной твердостью, высоким показателем преломления и дисперсией, был очень редким

товаром, а потому и чрезвычайно дорогим. Рынок был крайне узок — суммарная мировая годовая добыча алмазов, по ряду оценок, не превышала 0,3 млн. карат. Мизерный объем товара и запредельные цены определяли круг конечных потребителей — в то время украшения с бриллиантами могли себе позволить только представители высшей аристократии и крупной буржуазии.

Открытие колоссальных африканских коренных алмазных месторождений, отличающихся к тому же благоприятными горно-геологическими условиями добычи (алмазоносная порода выходила на

поверхность), вызвало «алмазную лихорадку», и в Южную Африку хлынул поток энергичных авантюристов. Объем стихийной добычи алмазов в Африке резко возрос: с 16,5 тыс. карат в 1870 году до 1080 тыс. карат в 1872 году. Стало очевидно, что алмаз вовсе не такой редкий минерал, как считалось ранее, напротив, он оказался наиболее распространенным из всех драгоценных камней I порядка (алмаз, рубин, сапфир, изумруд, александрит, благородная шпинель, эвклаз, по классификации М. Бауэра – А. Ферсмана). Не менее очевидно стало также и то, что если добыча будет расти такими темпами, то

рынок будет затоварен и цены на алмазы рухнут в самом недалеком будущем.

Лорд Кимберли.

Сесил Джон Родс (Cecil John Rhodes) появился в Южной Африке в 1870 году – в момент эпохального открытия коренных алмазных месторождений. Сын рядового англиканского священника, Родс не обладал ни связями, ни серьезным капиталом, но «алмазная лихорадка» давала некоторые шансы сделать состояние, и он не замедлил в нее включиться. Поначалу Родс проявил себя способным организатором и спекулянтom, сосредоточившись не столько на добыче алмазов, сколько на посреднических операциях и инфраструктурных проектах в районах алмазодобычи, а

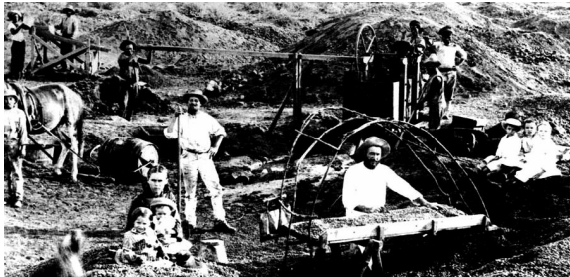
практически всю прибыль тратил на скупку алмазоносных участков. Одной из таких покупок стало приобретение участка на ферме, принадлежащей братьям-бурам Йоханнесу и Дитриху Де Бирс.

Сесил Родс.

В 1873 году Родс вернулся в Англию и поступил в Оксфордский университет (Ориел-колледж). Он справедливо полагал, что для развития его бизнес-проектов будут нелишними связи в среде влиятельной аристократии и финансовой буржуазии, а элитный университет давал такую возможность. Степень бакалавра Родс получил в 1881 году, формально пробыв студентом более восьми лет. Но, конечно, эти годы не были посвящены исключительно учебе. Пребывание в университете чередовалось с длительными командировками в Южную Африку –

руку на пульсе алмазного бизнеса Родс держал постоянно. В Африке делались деньги и ковались кадры, в Оксфорде нарабатывались связи и не только в научном мире — в эти годы «брат Родс» становится хорошо известен в масонских и парамасонских организациях, а также среди иезуитов. Изучение «изнутри» этих специфических организаций убедило Родса, что при всем своем богатстве и влиянии они «не видят ясной цели». Его же собственная цель стала приобретать все более четкие очертания.

Добыча алмазов в XIX веке на южноафриканских месторождениях.

В 1881 году Родс основал «Де Бирс майнинг компани лимитед». Стартовый капитал составил 200 тыс. фунтов стерлингов. Незадачливые братья Де Бирс, продавшие свою ферму за 6300 фунтов, растворились во мгле истории, но их аристократично звучащей фамилии была суждена

фантастическая судьба.

Основание «Де Бирс» сопровождалось формулировкой знаменитого тезиса: «Если бы на всем свете было четыре человека, то продавать алмазов нужно столько, чтобы хватало лишь на двоих». Принято считать, что этот тезис, иначе называемый «формула Родса», определил структуру алмазного рынка более чем на столетие. Отчасти это действительно так — Родс был одним из немногих, кто понял, что алмазный рынок может успешно развиваться лишь в условиях предельной монополизации, которая способна обеспечить искусственный дефицит алмазного сырья,

являющийся, в свою очередь, страховкой от неконтролируемого колебания цен. Но у «формулы Родса» есть и вторая часть, не озвученная публично, но, тем не менее, блестяще воплощенная на практике. Заключается она в следующем: «Если бы на всем свете было четыре человека, то необходимо сделать так, чтобы они постоянно чувствовали, что позарез нуждаются в алмазах, хотя на самом деле алмазы никому не нужны».

На абсолютную монополизацию рынка Родсу потребовалось около семи лет, если считать с момента основания «Де Бирс». Главным препятствием на этом пути был

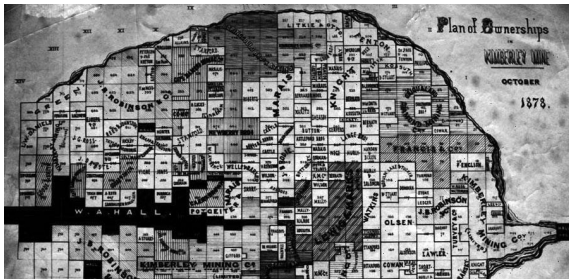
Барни Барнато (Айзен) – этнический еврей, способный авантюрист, практически одновременно с Родсом пришедший к пониманию, как следует организовать управляемый алмазный рынок. Барнато появился в Южной Африке чуть позже Родса – в 1873 году.

Барни Барнато.

Удачные спекуляции позволили ему купить несколько участков на месторождении Кимберли. В 1880 году Барнато создал компанию «Кимберли сентрал даймонд майнинг компани», которая вскоре получила полный контроль над месторождением Кимберли. Война между «Де Бирс» и «Кимберли сентрал» продолжалась несколько лет с переменным успехом и закончилась победой Родса. Сказались наработанные в Оксфорде связи — в 1887 году, когда потенциал обоих соперников был уже изрядно истощен, Родс получил значительный по тем временам кредит в миллион

фунтов от «Н. М. Ротшильд и сыновья», что позволило ему приобрести участки независимых алмазодобытчиков, вклинивающиеся во владения Барнато. Барнато сдался – в 1888 году «Де Бирс» поглотила «Кимберли сентрал» и образовалась «Де Бирс консолидейтед майнз», в которой Барни Барнато получил крупный пай, за ним также пожизненно сохранялась должность члена правления.

**План месторождения
«Кимберли», 1878 год.**

Таким образом, к началу 1890-х годов «Де Бирс» получила контроль над 90% мировой добычи алмазов и, соответственно, возможность управлять предложением. В соответствии с собственной формулой, Родс был готов продавать алмазы «двум из четырех», но как заставить «всех четырех» испытывать безумное желание эти алмазы

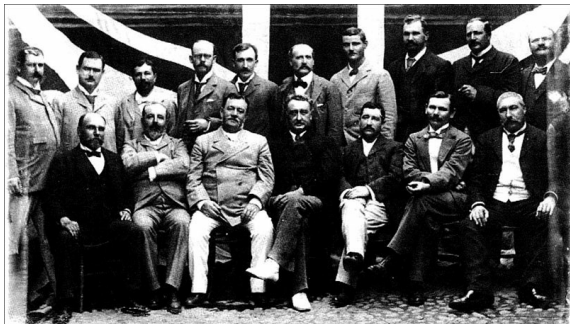
купить?

***Рудник «Кимберли» —
современный вид.***

Через пять лет с момента появления Родса в Африке добыча алмазов возросла в 14,5 раза и продолжала нарастать. Огромный поток алмазов с новых месторождений уже сбил цены примерно на 25%. И дальнейший ценовой обвал становился все более реальным: узкий круг традиционных конечных потребителей бриллиантов

— членов королевских семей, рафинированных аристократов, сливок финансовой, торговой и промышленной буржуазии, был просто не в состоянии поглотить столь резко возросшее количество товара. Ничтожная емкость рынка была очевидной и в соответствии с законом спроса и предложения, цена на алмазы неизбежно должна была упасть ниже себестоимости добычи, что, разумеется, означало крах «Де Бирс». Но создатель эмпирической формулы управляемого рынка изящно опроверг «объективные экономические законы».

Правление «Де Бирс» в 1896 году. В центре – Сесил Родс.

В то время на массовом ювелирном рынке, ориентированном на средний класс, безраздельно царил благородный опал, месторождения которого находились в Европе, на землях, не контролируемых британской короной. Примерно с 1873 года (что совпадает с появлением Родса в

Оксфорде) в европейской прессе стали появляться публикации, направленные на придание ювелирному опалу отрицательной потребительной стоимости — потребителей вкрадчиво информировали, что этот камень сказывается на судьбе обладателя самым несчастливым образом. Постепенно поток таких публикаций и сопровождающий их поток слухов нарастал. Одновременно нарастал поток информации о бриллиантах, окрашенной в самые позитивные тона.

Пик информационной кампании, направленной против ювелирного опала, пришелся на 1885

год. В Испании в возрасте 28 лет скоропостижно скончался король Альфонсо XII. Через несколько дней после его смерти в испанских газетах появились публикации о том, что причиной таинственной смерти короля стал фамильный перстень с опалом. Этот перстень был подарком короля его первой супруге Мерседес, дочери герцога Монпансье. Непродолжительное время спустя после свадьбы юная королева скончалась с опалом на пальце, король этот перстень передал своей бабушке Христине, которая тоже вскоре отошла в мир иной. Перстень попал к инфанте Марии дель Пилер, которая умерла через несколько дней

после получения подарка. Перстень вновь попал к Альфонсо XII, который подарил его инфанте Христине, сестре Мерседес. Через три месяца после получения подарка Христина скончалась. Зловещий перстень снова вернулся к королю, который решил его надеть в сентябре 1885 года — за два месяца до кончины. Эта печальная история становится хитом европейской прессы и подозрительно долгое время не сходит со страниц газет, обрастая леденящими душу сведениями не столько о страданиях королевской семьи, сколько о вредоносности опала и ювелирных изделий с этим камнем. Находится масса исторических примеров,

«убедительно доказывающих», что именно ношение опалов приводило к гибели членов королевских семей и многих выдающихся представителей рода человеческого. Всевозможные астрологи, экстрасенсы, профессора медицины и даже геологии сокрушенно покачивая головами, согласованным хором рассказывают ошеломленному потребителю о вредоносности проклятых опалов — тут и «смертельные излучения», и притягивание нечистой силы, и способствование страшным заболеваниям. И потребитель побежал прочь от «несчастливых» камней. Рынок опалов лопнул как мыльный пузырь.

Наиболее массовый сегмент ювелирного рынка был успешно «зачищен» от конкурента, а ничего сравнимого с опалом по объемам добычи (кроме алмаза, разумеется) не существовало. Грамотный маркетинг довершил блестящую операцию, и бриллиант прочно вошел в обиход европейской (самой значительной на тот момент времени) массовой ювелирной торговли. Случилась, однако, досадная неожиданность: в 1872 году в Австралии (британском доминионе) было открыто крупное месторождение ювелирных опалов. Пришлось проводить кампанию, смысл которой сводился к

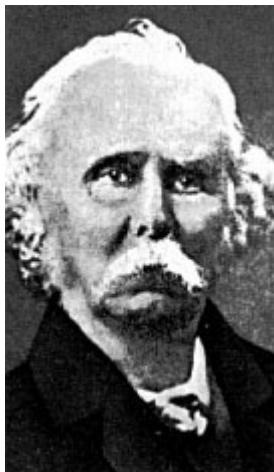
следующему неординарному тезису: вредоносны, оказывается, опалы из любых месторождений, кроме австралийских! Благородный австралийский опал – просто сказка: никаких вредных излучений, никакой нечистой силы, никаких болезней – аборигены носят и от холеры не мрут, в отличие от незадачливых испанцев. И эта кампания завершилась не менее впечатляющим успехом – австралийская продукция получила свою нишу на рынке, достаточную, чтобы обеспечить рентабельную эксплуатацию месторождения. Европейская же добыча опалов была уничтожена полностью. Все это случилось

задолго до появления телевидения, Интернета и спутниковой связи.

Блестящая реализация на практике обеих частей «формулы Родса» не могла не привести последнего к пониманию того, что тезис о цене товара как об объективной реальности, заданной балансом спроса и предложения, далеко не универсален. Предложением на сырьевом рынке можно управлять, сосредоточив в одних руках (физически или с помощью картельных соглашений) значительную долю добычи. Спросом можно управлять, манипулируя информационной оболочкой товара, его образом, не

только изменяя при этом объем традиционного рынка, но и создавая, по сути, новые рынки и уничтожая существующие. И все это — в планетарном масштабе.

Работа Родса по организации управляемого алмазного рынка была замечена и по достоинству оценена не только финансовой империей Ротшильдов, с которой у «Де Бирс» установились самые прочные и дружелюбные контакты. Идея о том, что сырьевые рынки — не стихия и ими можно управлять, стала быстро овладевать британским истеблишментом.

Альфред

Маршалл,

сформулировавший «закон спроса и предложения».

В 1890 году – всего через два года после создания «Де Бирс консолидейтед майнз», в Англии увидел свет роман сэра Артура Конан Дойля «Торговый дом Гердлстон».

Одна из сюжетных линий этой книги непосредственно связана с алмазным рынком, и здесь Конан Дойль сделал два удивительных пророчества: фактически предсказал возможность открытия в России колоссальных алмазных месторождений и популярно сформулировал положение о том, что глобальный рынок алмазов на самом деле является не классическим товарным рынком, описываемым известными на тот момент экономическими теориями, но рынком информации. Главный герой, крупный спекулянт из Сити, собирается устроить корнер на алмазах. «Корнер» в данном случае термин биржевого сленга,

означающий ситуацию на рынке, когда контроль над определенными активами полностью переходит к одному игроку, получающему таким образом возможность произвольно управлять ценой, остальные участники рынка вынуждены играть на его условиях, они как бы загнаны в угол, отсюда и corner (угол – *англ*). На вопрос изумленного компаньона: «Как же можно управлять ценами на алмазы, ведь для этого требуется по меньшей мере капитал Ротшильда?», герой отвечает элегантною комбинацией – в России организованная им экспедиция «открывает» огромное (разумеется, вымышленное) месторождение

алмазов, а вторая экспедиция интенсивно скупает реальные алмазы у старателей Капской колонии в Южной Африке, паникующих от известия, что рынок вот-вот будет завален русской продукцией, и поэтому готовых расставаться с кристаллами по бросовым ценам. После того, как известия из России в нужный момент окажутся блефом, цены вернутся на прежний уровень и искомый профит будет обеспечен. Главным инструментом в этом нетривиальном мероприятии является по сути правильно организованный информационный поток, создание которого герой берет

на себя, и для этого вовсе не нужно капиталов Ротшильда, поскольку корнер-то достигается не на алмазах, а на информации об алмазах, что с точки зрения финансовых и временных затрат принципиально разные вещи.

Вряд ли можно сомневаться, что к идее «алмазного корнера» Конан Дойль пришел, анализируя доступную ему информацию о деятельности Родса, который, как известно, был кумиром создателя Шерлока Холмса. По странной иронии судьбы в том же 1890 году британским экономическим классиком Альфредом Маршаллом был сформулирован

«фундаментальный» закон спроса и предложения. Практика, как обычно, обогнала сухую академическую теорию.

Итак, работа Сесила Родса в конце XIX века показала, что сырьевым рынком (или ценообразованием на нем — что, в сущности, одно и то же) можно управлять. Мировые цены на сырьевые ресурсы — не объективная реальность и даже в первом приближении не определяются спросом и предложением, это параметр, который можно произвольно изменять в широких диапазонах, если есть возможности манипуляции объемами добычи и

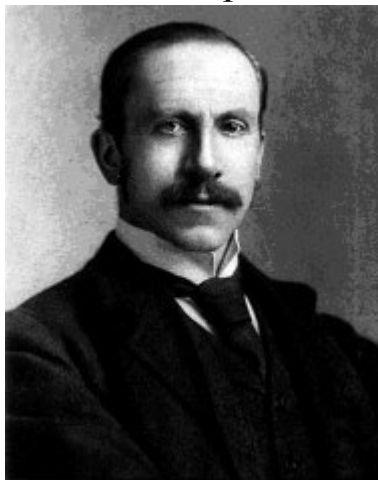
генерации специально организованного информационного потока. Впоследствии идея управления глобальными сырьевыми рынками (управления мировыми ценами на сырье) нашла свое воплощение в различных механизмах, таких, например, как ОПЕК (создана в 1960 году). Но пальму первенства, без сомнения, следует отдать Родсу и «Де Бирс».

Возможность управления глобальным сырьевым рынком – это, безусловно, власть, это способность влиять, и иногда самым радикальным способом, на судьбы многих стран и миллионов людей. Власть эта не законодательная, не исполнительная,

не судебная, она лежит за пределами известных государственных институтов и абсолютно не легитимна. Ее механизм сосредоточен в недрах добывающей корпорации, прозрачной до конца только для своих создателей и владельцев. Опыт с алмазным рынком был только начальным этапом, «эскизным проектом» грандиозного процесса, но, видимо, достаточным для понимания автором и его ближним кругом — какие блестящие геополитические перспективы могут открыться для владельцев нового властного механизма. И Родс сделал вполне логичный шаг — объединил вокруг

нового проекта наиболее способных представителей британской элиты. В 1891 году Родс, при участии лорда Бальфура, Ротшильда, Милнера и Эшлера, создал «Круглый стол» — некий неформальный клуб, экспертную площадку, которая объединяла представителей аристократии, влиятельных финансистов, высших чиновников, владельцев наиболее крупных промышленных и добывающих компаний. К моменту создания «Круглого стола» Родс уже прочно интегрировался в британскую элиту, он был не только обладателем крупнейшего состояния и владельцем компании — мирового

алмазного монополиста, но и
премьер-министром Капской
колонии Великобритании.

Альфред Мильнер.

Принято считать, что «Круглый
стол» времен Родса был клубом
единомышленников, одержимых
идеями максимально возможного

распространения в мире влияния Британской империи. Да, такие декларации были свойственны членам «Круглого стола», и было бы странно, если на публике они произносили что-нибудь другое, учитывая их положение и вес в британском обществе. Но на самом деле все было с точностью до наоборот — «Круглый стол» стал первой в истории надгосударственной структурой, которая использовала государственные институты и финансы Британии для реализации собственных целей, которые заключались, прежде всего, в установлении контроля над

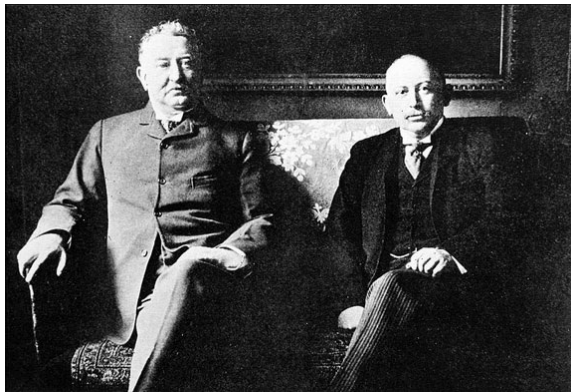
глобальными ресурсными рынками, т. е. в развитии нового механизма власти, спроектированного Родсом. Впоследствии «Круглый стол» станет организационным и идеологическим ядром «Совета по международным отношениям», Трехсторонней Комиссии, Бильдербергского клуба — тех неформальных объединений мировой элиты, в которых генерируются геополитические программы.

Подлинный смысл «Круглого стола» проявился достаточно быстро — эта организация сыграла решающую роль по использованию государственной машины и бюджета Великобритании в целях

установления контроля структурами Родса и Ротшильдов над мировым рынком золота и металлов платиновой группы, контроля, который будет окончательно оформлен в виде т. н. «лондонского фиксинга по золоту» в 1919 году.

В 1886 году в Трансваале были открыты крупнейшие в мире месторождения золота. В 1887 году Родс создает компанию «Голд филдз оф Сауз Африка», которая начинает скупать в Трансваале золотоносные участки. Достаточно быстро становится ясно, что мощность новых месторождений огромна, и они способны давать от 30% до 40% мировой добычи золота. Это был

«контрольный пакет» мирового золотого рынка. Обладание этим пакетом давало шанс выстроить глобальный рынок золота по «алмазной модели». Но Трансвааль — независимое государство, к тому же, дружественное Германии. И политического ресурса Капской колонии, и финансового ресурса «Де Бирс» явно было недостаточно, чтобы получить полный контроль над золотыми месторождениями Трансвааля. Проблема решалась только с помощью армии и бюджета Великобритании.

*Директора «Де Бирс» Сесил
Родс и Альфред Бейт,
организовавшие «рейд Джеймсона».*

Сэр Линдер Старр Джеймсон.

Противников силового варианта решения хватало. Внутри «Де Бирс» возникла серьезная оппозиция во главе с Барни Барнато, который продолжал оставаться крупнейшим акционером и имел высокий авторитет среди деятелей алмазного бизнеса. Барнато был категорически против использования потенциала «Де Бирс» в рискованной политической игре. В 1896 году Родс выкатывает пробный шар — небольшая армия наемников, сформированная и вооруженная на средства «Де Бирс», пересекает границу Трансвааля и делает попытку захватить Йоханнесбург

(т. н. «рейд Джеймсона»). Наемники терпят поражение от буров, Германия официально заявляет о готовности поддержать Трансвааль. Барнато, от которого скрывали участие «Де Бирс» в финансировании «рейда Джеймсона» выражает категорическое несогласие с подобными авантюрами, его отношения с Родсом резко обостряются. В 1897 году Барни Барнато, боксер и борец, отличающийся отменным здоровьем, выпал за борт корабля, совершавшего рейс в Англию. Погода была ясная, полный штиль. Барнато – человек №2 в алмазном бизнесе, членом

«Круглого стола» не был. Подготовка почвы в метрополии для решения проблемы золота Трансвааля началась сразу после организации «Круглого стола». Представительный состав его участников и восприимчивость ими идей Родса позволили задать нужный вектор как государственной машине Великобритании, так и общественному мнению. Главным итогом англо-бурской войны (1899—1902 гг.) оказалось установление контроля компаниями Родса над золотыми месторождениями Трансвааля и Оранжевой республики. Сам Родс не дожил до победы — скончался в марте 1902

года. Но дальнейшее развитие событий показало, что его стратегия по созданию управляемых сырьевых рынков, в основу которой легла «алмазная модель» «Де Бирс», будет востребована и развита надгосударственными структурами, прототипом которых стал «Круглый стол».

Глава 2 Эрнст Оппенгеймер и «Англо-Америкен»

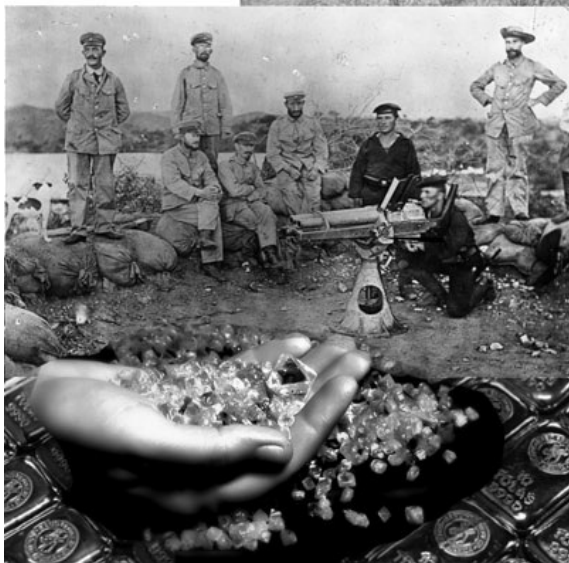
«Он (сэр Эрнст) успешно решал проблемы своего времени и оставил после себя в «Англо-Америкен» организацию, вобравшую в себя его дух, его силу и гибкий подход к работе, строительству и воплощению своих целей даже при обстоятельствах, которые он не мог предвидеть. И

*этим, безусловно, он
заслужил ту долю
бессмертия, о которой
любой смертный на земле
может только мечтать».*

*Гарри
Оппенгеймер*

**ANGLO
AMERICAN**

Сесил Родс скончался в возрасте 48 лет, на пике своего интеллектуального развития. Эта смерть нанесла серьезный удар как по компании «Де Бирс», так и по процессу создания управляемых сырьевых рынков в целом. Как и подобает настоящему гению, С. Родс опередил свое время, масштаб его личности и революционность его идей оказались недооцененными даже ближайшим окружением. Барни Барнато — единственный человек, не уступавший С. Родсу, по крайней мере, в глубине понимания проблемы, отправился в мир иной еще раньше, и теперь никто четко не понимал — что следует делать

дальше?

Между тем, в начале XX века открытия новых алмазных и золотых месторождений в Африке продолжались — в Намибии, Анголе, Конго. Особенную опасность для «Де Бирс» представляли открытия в Намибии — тогда германском протекторате (Германская Юго-Западная Африка 1883—1915 гг.). После того, как в 1883 году Адольф Людериц за 200 винтовок выкупил участок намибийского побережья (бухта Ангара-Пекена) у местных царьков и основал порт, названный его именем, немцы, с присущей им основательностью, приступили к созданию инфраструктуры,

позволяющей быстро продвигаться в глубь алмазоносных и золотоносных территорий.

В 1903 году в Намибии появились несколько германских дивизий под командованием Лотара фон Трота, сравнительно быстро ликвидировавшие все очаги туземного сопротивления и установившие предельно жесткий колониальный режим. В 1908 году вдоль трассы железной дороги, связывающей порт Людериц с внутренними районами, были открыты богатейшие россыпные месторождения алмазов. В 1909 году была создана компания «Дойче Диамантен Гезельшафт Мбх».

Одновременно указом кайзера Вильгельма II вся торговля алмазами в Юго-Западной Африке ставилась под контроль Имперского колониального ведомства.

Государственные инвестиции и контроль принесли фантастические плоды: с 1908 года по 1914 год в Юго-Западной Африке германская компания добыла 5 140 000 карат алмазов, ее прибыли достигали 3800%.

Контроль над алмазным рынком быстро уплывал из рук «Де Бирс», но корпорация, лишенная воли С. Родса, была не способна этому противостоять. По понятным причинам «Де Бирс» ничего не могла

противопоставить германскому алмазному проекту, но она также не делала попыток поставить под контроль новые месторождения, открываемые на других африканских территориях, в том числе и входящих в зону британского влияния.

Адольф Людериц.

Алмазный рынок возвращался в
прежнее хаотичное состояние. Идеи

С. Родса были восприняты членами «Круглого стола», но не было лидера, который бы смог их реализовать в новых, причем быстро меняющихся, условиях. Поиск такого человека начался сразу после смерти С. Родса, и искал его именно «Круглый стол».

Официальная биография Эрнста Оппенгеймера — это классический пример превращения «чистильщика сапог» в миллионера. Этнический еврей с немецким паспортом, пятый сын небогатого торговца табаком, он поступил в 1897 году учеником в одну из лондонских компаний, аффилированную с «Де Бирс», чтобы освоить профессию диамантера. После окончания англо-бурской

войны он переехал в Южную Африку, продолжая работать на лондонскую фирму в качестве сортировщика и оценщика алмазов. Став крупным профессионалом в алмазном бизнесе, Э. Оппенгеймер решил попробовать себя в политике, и в 1912 году был избран мэром г. Кимберли. Прекрасная карьера, учитывая более чем скромные стартовые позиции.

Но дальше биография Э. Оппенгеймера приобретает совершенно фантастические черты. В 1915 году он слагает с себя полномочия мэра г. Кимберли и возвращается в Лондон. Отказывается от немецкого

гражданства и получает британское. Как только из Африки выбивают немцев и Германская Юго-Западная Африка прекращает свое существование, Э. Оппенгеймер появляется в Йоханнесбурге и в сентябре 1917 года основывает «Англо-Америкен корпорейшен», которая начинает стремительно скупать алмазные участки в Намибии, богатейшие месторождения золота Витватерсранда и акции «Де Бирс». Разумеется, собственного состояния Э. Оппенгеймера не хватило бы и на миллионную долю этих масштабных операций. «Англо-Америкен» была создана на средства банкирского

дома «Джи Пи Морган». Представители семьи Морганов, так же как и семьи Ротшильдов, были членами «Круглого стола».

*Лотар фон Трот – крайний
справа.*

Германская медаль «За

кампанию в Западной Африке 1904—1906».

Когда именно Э. Оппенгеймер появился в поле зрения этой неформальной надправительственной структуры — неизвестно, но скорее всего молодой профессионал алмазного бизнеса обратил на себя внимание после избрания мэром г. Кимберли. Последующие консультации в Лондоне убедили членов клуба — достойный наследник С. Родса найден. Он не мог похвастаться ни аристократичным происхождением, ни огромным капиталом, ни связями мирового масштаба. Но по уровню понимания реалий алмазного

бизнеса, по волевым качествам и работоспособности он вполне соответствовал должности «главного инженера» клубного проекта по созданию глобальных управляемых сырьевых рынков. И сын табачного торговца возглавил крупнейшую в мире горнодобывающую компанию.

Уже в 1920 году Э. Оппенгеймер добивается полного контроля над алмазными месторождениями Юго-Западной Африки, в 1929 году к посту руководителя «Англо-Америкен» он добавляет пост президента «Де Бирс». В Рождество 1929 года на заседании Наблюдательного совета «Де Бирс» Э. Оппенгеймер заявляет, что в своей

деятельности компания должна руководствоваться принципами, разработанными С. Родсом. В 1933 году Э. Оппенгеймер создал Центральную сбытовую организацию (ЦСО), через которую проходило 94% добываемых в мире алмазов, и стал ее президентом.

Блестящая деятельность Э. Оппенгеймера окончательно доказала, что идеи С. Родса – не случайные озарения гения, но конструктивный принцип, которым можно руководствоваться в построении глобальных управляемых рынков. А контроль над рынками может быть воплощен в политический контроль над миром.

Но на пути к этой цели находилось
серьезное препятствие, в
преодолении которого «Де Бирс» под
управлением Э. Оппенгеймера
предстояло сыграть далеко не
последнюю роль.

Сэр Эрнст Оппенгеймер

Глава 3 Алмазы Третьего Рейха

Я испытал глубокое удовлетворение, когда во время открытия экономической конференции Британского Содружества 4 октября 1946 года – через несколько дней после моего оправдания в Нюрнберге – председатель Британской торговой палаты сэр Стаффорд Крипс заявил: «Шахт не примет участие в какой-либо из дискуссий на этой конференции, но

его дух мы все оцутим.
Вопрос состоит в том,
сможет ли развиваться
международная торговля, в
частности торговля
Великобритании, до
необходимого уровня без
внедрения на практике идей
Шахта».

Ялмар Шахт,

Главный
финансист Третьего
рейха,

М., 2011 г.

Большинство историков алмазного рынка категорично утверждают, что корпорация «Де Бирс» отказалась сотрудничать с гитлеровской Германией. Центральная сбытовая организация алмазного монополиста заблокировала продажи алмазов Третьему рейху, это обстоятельство крайне негативно сказалось на развитии германской оборонной промышленности и послужило одной из косвенных причин военного поражения нацистского государства.

Действительно, корпорация «Де Бирс» всегда была и остается жемчужиной британской короны, возглавлялась с 1929 года семьей

Оппенгеймеров — этническими евреями, выходцами из Германии, и традиционно имеет тесные связи с банкирскими домами Ротшильдов и Морганов. Это, безусловно, серьезные обстоятельства для возникновения неустранимых противоречий с автором «Майн Кампф». Как раз в 1933 году (к моменту прихода Гитлера к власти) Лондонский Алмазный Синдикат был преобразован в Центральную сбытовую организацию, президентом которой стал владелец «Де Бирс» Эрнст Оппенгеймер. В 30-х — 40-х годах через ЦСО осуществлялись продажи около 94% мировой добычи алмазов, так что «Де Бирс», без

сомнения, была в состоянии полностью перекрыть поставки Германии.

Германия же являлась пионером в применении технических алмазов — вначале в виде абразивов для шлифовки лучшей в мире оптики «Цейс». В 1927 году Крупп запатентовал материал «Widia» (wie Diamant — «как алмаз»). Этот агломерат карбида вольфрама и кобальта совершил революцию в металлообработке — скорость и чистота резки самых твердых сталей возросли на порядки. Но затачивать резцы из Widia можно было только алмазным инструментом. Примерно в это же время немецкие

машиностроительные фирмы создают и внедряют технологии и алмазный инструмент для финишного хонингования, позволяющего увеличить ресурс двигателей автомобилей, самолетов, танков и подводных лодок в несколько раз. На очереди были алмазные фильеры для проволоки для радиоэлектроники и еще десятки, если не сотни, областей применения алмаза в военно-промышленном комплексе. И все эти технологии в огромном объеме стали востребованы именно с 1933 года, когда Гитлер порвал Версальский договор и обеспечил Круппу, Тиссену, Сименсу, Цейсу и другим

грандам германской индустрии
небывалый в истории оборонный
заказ.

Krupp WIDIA.

Ну и конечно, нельзя не
вспомнить «Рыцарский крест» —
высшую степень «Железного
креста», с дубовыми листьями,
мечами и бриллиантами,

вожделенную мечту головорезов, энергично готовящихся к «прогулке» по Европе. Немцы были пионерами в алмазных технологиях, но и остальные участники предстоящей битвы оценили их возможности. В 1939 и 1940 годах мировая добыча технических алмазов составила 10,5 и 11,2 млн. карат соответственно. Это в три с лишним раза превосходило результат 1933 года. Впервые в истории рынка объем продаж технических алмазов по стоимости стал сравним с объемом продаж ювелирных. По качеству производимых вооружений Германия шла вровень с будущими противниками, а в некоторых

областях — артиллерия, оптика,
авиация, моторостроение —
вырвалась вперед.

*Рыцарский крест с
бриллиантами.*

Итак, 94% мировой добычи
алмазов контролировала «Де Бирс», а
Германия, располагая самыми

передовыми технологиями с алмазной компонентой, должна была за пятилетку произвести танковые, авиационные и корабельные армады – десятки тысяч самых совершенных на тот момент машин. И даже не за пятилетку – первые «Me-109» появились в небе Испании в 1937 г. Неужели такой технологический рывок был совершен на не подконтрольных мировой монополии 6% алмазов, разбросанных среди мелких дилеров на трех континентах? Или сумрачный германский гений справился с задачей без алмазов?

В марте 1935 года между Германией и СССР был заключен

кредитный договор на 200 млн. марок. Это был связанный кредит — на эту сумму Советский Союз должен был получить промышленное оборудование, необходимое, прежде всего, для развития ВПК, в частности более 1100 металлорежущих станков. По этому и другим аналогичным кредитам, а также по прямым закупкам СССР получил громадный парк немецких металлообрабатывающих станков, только в 1940 — начале 1941 года объем поставок составил 6430 штук! Первые партии этого оборудования стали устанавливать на оборонных заводах Москвы и Ленинграда в 1936 году. Для заточки

резцов, правки резьбошлифовальных кругов и т. п. станки были укомплектованы алмазным инструментом. Без него они работать не могли. Более того, аналогичные станки швейцарского производства, закупаемые в эти годы Советским Союзом, также комплектовались немецким алмазным инструментом. Германия была крупным экспортером алмазного инструмента! При колоссальных темпах развития собственной военной индустрии.

Фриц Тодт.

Хорошо известно, что министры

вооружений Третьего рейха Фриц Тодт и Альберт Шпеер добились поразительных результатов – германский ВПК непрерывно наращивал количество выпускаемых вооружений в течение всей войны: так, в 1940 году было выпущено 1803 танка и САУ, а в 1944 г. и начале 1945 года – 23 478, причем значительно более совершенных и технологически более сложных моделей. В «Воспоминаниях» Шпеера можно найти несколько горьких сетований по поводу дефицита вольфрама, молибдена или никеля. По поводу алмазов там нет ни слова. В алмазах фатерлянд нужды не испытывал –

прецизионные станки работали на полную мощность до весны 1945 года.

Альберт Шнеер.

Откуда же поступали алмазы в рейх? В 30-е годы прошлого века единственной страной – экспортером сырых алмазов, правительство которой было лояльно настроено к Гитлеру, была Бразилия. Остальные значимые экспортеры (прежде всего ЮАР) либо входили в состав Британского содружества, и здесь корпорация «Де Бирс» непосредственно контролировала добычу и сбыт, либо контроль осуществлялся через соглашения с ЦСО (например, компания «Форминьер» в Бельгийском Конго).

В Бразилии осенью 1930 года в результате военного переворота к власти пришел харизматический

диктатор Жетулио Варгас, исповедующий идеи, близкие к концепции «корпоративного государства» Бенито Муссолини. Варгас действительно предпринял ряд шагов к сближению с нацистской Германией, но одновременно интенсивно развивал связи с США, пытаясь балансировать между мощными игроками. Эта игра продолжалась относительно недолго: в 1938 году радикальные армейские круги предприняли попытку фашистского путча – и Варгасу пришлось сделать выбор. Подавив путч, он окончательно принял сторону США, и уже в 1942 году бразильские войска сражались в

Италии на стороне союзников.

Бразильские россыпные
алмазные месторождения
отрабатывались старателями, не
объединенными в сколь-нибудь
крупные компании.
Централизованно управлять такой
добычей, а тем более прогнозировать
ее, было невозможно. Ряд попыток
организовать промышленную добычу
с применением современного
горного оборудования потерпел
неудачу как по экономическим
причинам, так и из-за
нестабильности политической
обстановки в районах добычи. Кроме
того, в аллювиальных
месторождениях процентное

содержание кристаллов ювелирного качества обычно выше, чем в коренных, гаримпейрос интересуют именно такие алмазы, к техническим они относятся без энтузиазма. Поэтому теоретически Бразилия с 1933 по 1938 год могла быть источником технических алмазов для Третьего рейха, но источником крайне скудным и ненадежным. Масштабное производство современного оружия требует долгосрочного жесткого планирования поставок необходимых материалов, практика алмазодобычи в Бразилии этому требованию не удовлетворяла абсолютно.

Жетулио Варгас.

В период с 1939 по 1944 год мировая добыча технических алмазов составила 54,08 млн. карат. Считается, что военно-промышленный комплекс США израсходовал в годы Второй мировой войны около 30 млн. карат. Поскольку совокупная мощность ВПК США и союзников была сравнима с мощностью ВПК стран Оси (иначе война не продолжалась бы так долго), следует признать, руководствуясь соображениями здравого смысла, что ВПК Германии, Италии и Японии должны были ежегодно потреблять миллионы карат технических алмазов.

Очевидно, что доля Бразилии в этих поставках в лучшем случае исчисляется единицами процентов.

Тем не менее, ряд современных источников утверждает, что в германском металлообрабатывающем оборудовании, поставленном в СССР в 1936—1941 гг., использовались бразильские технические алмазы. Более того, утверждается, что Советский Союз получал бразильские алмазы и по прямым поставкам. Таким образом, скользкий вопрос снабжения тоталитарных держав стратегическим материалом получает внешне непротиворечивый

ответ — источником был также диктаторский режим. Чрезвычайно удобная точка зрения, тем более что точной информации об объеме и структуре добычи и каналах сбыта бразильских гаримпейрос не существует в принципе.

Два человека могли бы дать по этой проблеме исчерпывающие пояснения. Министр вооружений Германии Альберт Шпеер по должности был обязан знать, откуда, в каком количестве и на каких условиях Третий рейх получал алмазы. Он свободно пишет в «Воспоминаниях» о поставках, например, легирующих материалов из Норвегии, Финляндии, Турции, но

Бразилию в качестве источника стратегического сырья не упоминает ни словом. Шпеер опубликовал «Воспоминания» в 1969 году, после того, как свыше 20 лет провел в тюрьме Шпандау в качестве одного из главных нацистских преступников. Не подлежит сомнению, что эта книга носит отпечаток и внешней и внутренней цензуры. Неужели для Шпеера и его цензоров был так важен светлый образ бразильского диктатора Жетулио Варгаса – второго человека, который мог бы точно ответить на интересующий нас вопрос? Вряд ли, к 1969 году Варгаса давно уже не было на политической арене – он

застрелился в 1954 году.

Скорее всего, Шпеер не упомянул Варгаса по той простой причине, что поставки алмазов из Бразилии, если они и были, не играли никакой существенной роли для военной индустрии Германии. Единственный мировой рынок, на который Бразилия могла реально влиять в 30-е и 40-е годы, это рынок кофе. Ресурс важный, но бесконечно далекий от сферы интересов Шпеера. Попытка же придать бразильскому диктатору образ суперигрока, снабжающего стратегическим сырьем противоборствующие стороны мирового конфликта, выглядит как

«операция прикрытия», удачная маскировка реального процесса, в котором действовал совсем другой игрок, действительно обладающий такими возможностями. А вот этого игрока Шпеер упомянуть не мог, если (в отличие от Рудольфа Гесса) после перенесенных мытарств хотел тихо скончаться в собственной постели.

В начале нашего столетия на нескольких Интернет-сайтах, зарегистрированных в США, появилась информация, практически проигнорированная аналитиками алмазного рынка, но воспринятая аналитиками рынка финансового (в частности, на ее основе появилась

публикация на ресурсах валютного рынка «Forex»). Суть этих публикаций сводится к следующему. В 1940 году администрация Франклина Рузвельта провела ряд совещаний, посвященных вопросам мобилизации экономики США в условиях войны. Одной из тем этих консультаций была оценка роли технических алмазов в оборонной промышленности, прогнозирование их потребления и ревизия запасов. Было признано, что имеющийся у США запас может покрыть не более годовой потребности и необходимо в экстренном порядке закупить не менее 6,5 млн. карат у «Де Бирс». Особенное беспокойство вызывали

вполне реальные в 1940 году планы нацистов по захвату Британских островов (операция «Морской лев»), в этом случае хранящиеся в Лондоне стоки «Де Бирс» могли попасть в руки гитлеровцев, что по мнению ряда американских аналитиков вообще делало невозможным для США ведение боевых действий.

В результате последовало обращение американской администрации к владельцам «Де Бирс», в котором предлагалось срочно поставить 6,5 млн. карат технических алмазов и перевезти стоки «Де Бирс» в США, обезопасив их от угрозы захвата нацистами. Неожиданно американцы получили

категорический отказ. Эрнст Оппенгеймер заявил, что по его подсчетам у США вполне достаточно алмазов для текущих нужд оборонной промышленности и «Де Бирс» будет по-прежнему придерживаться ежемесячного графика поставок. Что же касается перевозки стоков в США, владелец «Де Бирс» оценил это предложение как «смехотворное» и вообще отказался обсуждать. Тогда Госдепартамент обратился непосредственно к Уинстону Черчиллю. При формальном согласии последнего с аргументами американцев, предложение подверглось саботажу со стороны

руководителей государственных структур, отвечающих за алмазный сектор. Американская разведка быстро выяснила, что эти правительственные чиновники являются бывшими высокопоставленными сотрудниками «Де Бирс». Рузвельту ничего не оставалось делать, как прибегнуть к самому весоному аргументу, находящемуся в его распоряжении, и пригрозить заблокировать поставки военной авиации в Британию. Это подействовало: «Де Бирс» согласилась поставить в США 1 млн. карат и перевезти стоки в Канаду.

*Цилиндры двигателей
«Майбах» немецких танков
хонинговались алмазным
инструментом.*

*Администрация Рузвельта
осталась недовольна таким
паллиативным решением и
продолжала настаивать на
первоначальных требованиях.
Корпорация «Де Бирс» всячески*

продолжала от этих предложений уклоняться. То утверждалось, что хранилища в Лондоне подверглись разрушению в результате немецких бомбардировок, то заявлялось, что для решения вопроса необходима полная инвентаризация стоков. Разведка США последовательно опровергала эти псевдопричины. В конце концов Рузвельт дал команду Управлению специальных операций (прототип ЦРУ) провести масштабное расследование в целях определения столь странного поведения союзника. Расследование продолжалось примерно два года и выявило множество любопытных аспектов тактики и стратегии «Де

Бирс» по монопольной регуляции мирового алмазного рынка. Хотя эти данные противоречили идее свободной конкуренции и вызывали раздражение у адептов классической рыночной демократии, в принципе они были понятны и объяснимы. За исключением одного обстоятельства.

От своей агентуры, внедренной в структуры управления ВПК Третьего рейха, американцы узнали, что в ноябре 1943 года Германия получила технические алмазы в объеме, достаточном для 8-месячного функционирования своей оборонной индустрии. Источник этой огромной поставки был установлен – Бельгийское Конго. Эта

страна управлялась правительством, находящимся в изгнании — в Лондоне. Добыча на месторождениях Бельгийского Конго, осуществляемая компанией «Форминьер», полностью контролировалась «Де Бирс». В Конго был направлен сотрудник разведки под агентурным псевдонимом «Teton», подлинное имя этого человека сегодня неизвестно. Teton смог установить маршрут доставки алмазов из Конго в Германию — через Танжер и Каир, он собрал доказательную базу, подтверждающую, что эти алмазы добыты именно» «Форминьер» под контролем «Де Бирс» и даже вскрыл легендирование этого канала —

алмазы провозились под видом посылок «Красного Креста». «Teton» совсем близко подошел к информации об интегральной мощности этого канала и о людях, им управляющих. Но эти данные он получить не успел — был скомпрометирован бельгийской полицией, объявлен персоной нон-грата и выслан из страны.

Работа американских спецслужб позволила предположить, что источником алмазного сырья для военной индустрии Третьего рейха могла быть «Де Бирс». Это отчасти подтверждало и странное нежелание Эрнста Оппенгеймера вывезти стоки «Де Бирс» в США. В этом случае их

точный состав и объем становился известен не только кругу избранных сотрудников корпорации, и вопрос, каким образом Германия в 30-е годы стала крупным экспортером алмазного инструмента – отпадал сам собой. После получения «бельгийского досье» Министерство юстиции США инициировало судебное преследование «Де Бирс». Но в 1945 году дело было закрыто безо всяких последствий, если не считать ликвидацию счетов «Де Бирс» в американских банках.

Это было не единственное дело такого рода, рассматривавшееся американской Фемидой. Спецслужбы США собрали

внушительное досье на крупнейшую мировую нефтяную компанию «Стандарт ойл». Подробности впечатляли: немецкие экипажи на танкерах «Стандарт ойл», перевалочные базы на Канарах, где нефть перекачивалась в германские танкеры, заправка немецких подводных лодок на специально созданных островных базах, прямые поставки синтетического каучука в Германию и до и после Перл-Харбора, передача нацистам технологии для производства синтетического горючего, финансовые связи с лидером нацистской оборонной промышленности концерном «ИГ

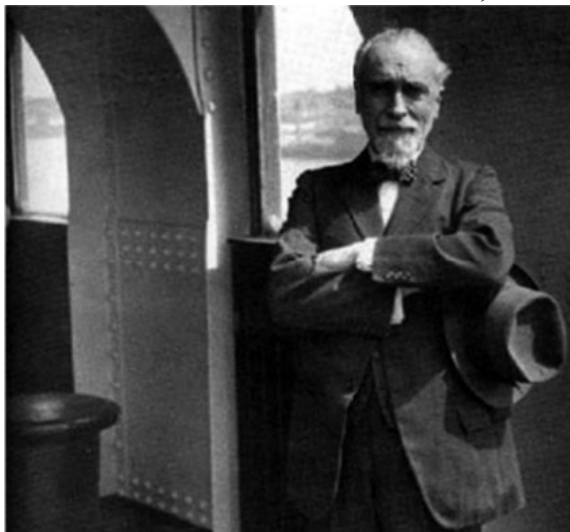
Фарбениндустри», поставка нефтепродуктов в Германию через Испанию и Северную Африку. Только через Франко нацисты получали ежемесячно 48 тысяч тонн тexasской нефти! И это – в 1944 году!

В результате сенатских и судебных расследований «Стандарт ойл» понес «заслуженное» наказание за сотрудничество с Гитлером – штраф в 50 000 (пятьдесят тысяч) долларов и конфискацию в пользу государства патентов, полученных от «ИГ Фарбениндустри».

Факты сотрудничества в течение Второй мировой войны крупнейших транснациональных корпораций с нацистами всегда были секретом

Полишинеля. Масштаб этого процесса был столь значителен и количество людей, задействованных в нем столь велико, что сохранить это прискорбное явление в тайне или, по крайней мере, предать забвению было невозможно. Фактура по поставкам стратегических товаров (и финансовому обеспечению этих сделок) англо-американскими корпорациями Третьему рейху многочисленна и достоверна, она изложена в сотнях статей и на страницах впечатляющих монографий, подобных труду Чарльза Хайема «Торговля с врагом» (Charles Higham. Trading With The Enemy: An Expose of The Nazi-American Money

Plot 1933—1949. New York, 1983).

Монтегю Норманн.

В чем же причина этого исторического парадокса, очевидно не совместимого с представлениями о морали, патриотизме и национальных интересах? На

протяжении почти всей второй половины XX века большинство исследователей достаточно категорично отвечало на этот вопрос — причиной были сверхприбыли. Действительно, Третий рейх был в состоянии время от времени оплачивать услуги поставщиков стратегических товаров, и оплачивать щедро. Несмотря на то, что к 1936 году золотовалютные ресурсы Германии почти обнулились, а с 1939 года немцы быстро теряли рынки для своего основного экспорта (промышленное оборудование, машины, продукция химпрома, оружие), захват европейских стран, начиная с аншлюса Австрии,

позволил Гитлеру оперировать награбленным золотом и прочими конвертируемыми ценностями. Такая возможность была нацистам предоставлена не без помощи английских госструктур. В ноябре 1938 года правительство Чехословакии, обоснованно предполагая скорую оккупацию страны немцами, переправило свой золотой запас – около 80 тонн благородного металла в подвалы Банка Англии. В марте 1939 года, полностью оккупировав Чехословакию, Гитлер попросил это золото вернуть. Руководитель Банка Англии Монтегю Норманн и министр финансов Джон Саймон с

просьбой фюрера любезно
согласились. Не менее странная
история произошла с 200 тоннами
бельгийского золота, также
возвращенного в рейх из
африканских колоний, куда
бельгийское правительство успело
его спрятать незадолго перед
оккупацией страны. Само
бельгийское правительство (и
секретная информация о месте
нахождения бельгийского золотого
запаса) в тот момент находилось в
изгнании — в Лондоне. При
оккупации Бельгии нацисты
захватили в Антверпене приличное
количество алмазов ювелирного
качества и бриллиантов. Этот

дорогостоящий товар отнюдь не был использован в технических целях. Через крупных алмазных дилеров он был реализован в США, в третьих странах были открыты долларовые счета, через которые оплачивались поставки стратегического сырья, в том числе и технических алмазов. Для подобных расчетов использовались также конвертируемые швейцарские франки, которые Германия получала, размещая в банках «цюрихских гномов» награбленное (в том числе и у жертв Холокоста) золото.

Так что у Третьего рейха было чем заплатить за миллионы карат технических алмазов для своей

оборонной индустрии. Некоторые источники утверждают, что «Де Бирс» осуществляла поставки Германии по цене \$26 за карат – в 30 (!) раз дороже, чем при поставках для США. Если это соответствует действительности, то можно согласиться с утверждением, что «Де Бирс» внесла неоценимый вклад в падение гитлеровского режима (разоряя его на корню), и одновременно блестяще доказать марксистский тезис о том, что за 300% прибыли капитал способен на любое преступление.

Подобное торжество диалектики все же оставляет место для сомнений в том, что именно

сверхприбыли были главной и единственной причиной сотрудничества англо-американских корпораций с Германией. Действительно, трудно скинуть со счетов этническую принадлежность владельцев, например, «Стандарт ойл» и «Де Бирс». Если автор «Международного еврейства» Генри Форд еще мог быть в какой-то степени солидарен с автором «Майн Кампф» по «еврейскому вопросу», то от Рокфеллеров и Оппенгеймеров этого ожидать сложно. Можно ли было искушенным бизнесменам мирового уровня уподобиться человеку, который станет продавать патроны гангстеру, приставившему

револьвер к его лбу, только потому, что гангстер готов платить втридорога?

Следует также учитывать, что в США и Великобритании во время войны были приняты чрезвычайно жесткие законы, карающие не только экономическое сотрудничество непосредственно со странами Оси, но и с фирмами нейтральных государств, заподозренных в таком сотрудничестве. Эти законы были хорошо обеспечены финансово и организационно, и превентивные службы вполне были способны получать соответствующую информацию (что можно наблюдать на примере того же алмазного

«бельгийского досье»). Неужели сверхприбыли оправдывали для корпораций риск конфронтации с государственными институтами в условиях войны?

И наконец, сверхприбыли еще как-то годятся в качестве причины сотрудничества с Третьим рейхом в тот период, когда он разбухал от захваченных территорий и награбленных ценностей. Но как объяснить поставки стратегических материалов в 1943 и тем более — в 1944 году? Когда уже у Германии не только были исчерпаны финансовые резервы, но даже ее армейская элита не испытывала иллюзий, что военное поражение — только вопрос времени?

Англо-американские

корпорации, практически всю войну сотрудничавшие с Третьим рейхом, должны были быть уверены: 1) военная победа Германии, а следовательно и глобальная реализация идеологических установок национал-социализма невозможны, 2) никаких репрессий со стороны государственных институтов за сотрудничество с врагом не последует, несмотря на то что сами факты станут известны, 3) Третий рейх должен иметь возможность вести боевые действия до строго определенного момента.

Что могло обеспечить такую уверенность?

В 2005 году в Лондоне была издана впечатляющая работа экономиста Гвидо Препарата «Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий рейх» (Guido Preparata «Conjuring Hitler. How Britain and America made the Third Reich» London, 2005). Основываясь на анализе многочисленных документов, в том числе из архива Банка Англии, автор убедительно показал, что англо-американская помощь Третьему рейху, включавшая как прямые инвестиции, так и «нелегальные» поставки, делалась «не из циничного желания получить доход», но ради будущей реконструкции Европы и прежде

всего Германии под эгидой элитарных англо-американских клубов, объединяющих владельцев и высший менеджмент крупнейших транснациональных корпораций, а также первый эшелон политических фигур, обслуживающих корпоративные интересы. Эта книга в известной степени развивает и дополняет работы профессора Стенфордского университета Энтони Саттона (Anthony Sutton) «Уолл-стрит и взлет Гитлера» («Wall Street and the Rise of Hitler»), «Уолл-стрит и большевистская революция» («Wall Street and the Bolshevik Revolution»), «Алмазная связь» («The Diamond Connection»), «Орден «Череп и

кости» («America's Secret Establishment: An Introduction to the Order of Skull & Bones») и ряд других, увидевших свет в 70-х – 90-х годах прошлого столетия.

Ялмар Шахт.

Работы этого типа (которых в

настоящее время становится все больше) по отношению к рассматриваемой проблеме можно интерпретировать следующим образом: Третий рейх был нечем иным, как тщательно изготовленным проектом, основной целью которого было окончательное и бесповоротное лишение стран континентальной Европы (Германии в первую очередь) каких-либо притязаний на долю в контроле над мировыми ресурсными рынками. Решить такую задачу можно было, создав на обломках Веймарской республики идеологизированный режим, достаточно сильный, чтобы ввязаться в войну с СССР, но изначально

обреченный на поражение в этой кампании. Именно поэтому помощь союзников Советскому Союзу (легальная) и одновременно Германии (нелегальная) была средством затягивания вооруженного конфликта между советским и нацистским режимами, конфликта, который бы максимально обескровил обе стороны. Экономическая сторона этого процесса (пресловутые сверхприбыли) была второстепенна по отношению к конечному результату: Германия и ее сателлиты навсегда теряли контроль над минерально-сырьевой базой Африки и Азии, СССР после победы превращался в замкнутую

автаркическую систему, выступающую по отношению к ресурсным рынкам исключительно в роли пассивного продавца сырья, добываемого на собственной территории. Причем такая роль СССР являлась органическим продолжением рассматриваемого проекта и достигалась комплексом мер — от построения «железного занавеса» до неформальных соглашений с некоторыми представителями элиты. При всей дискуссионности эта гипотеза вполне объясняет, почему корпорации, сотрудничавшие с нацистами, отделались чисто символическим наказанием, хотя

доказательств их вины было более чем достаточно. Находит объяснение также и то удивительное обстоятельство, что СССР за все время своего существования не предпринял ни малейшего усилия для установления контроля над минерально-сырьевыми ресурсами тех стран, где его мощное военное присутствие без труда могло такой контроль обеспечить. Хотя наиболее впечатляющим примером такого рода служит Ангола, но СССР не мог контролировать даже нефтяной комплекс Румынии – страны, входившей в СЭВ. Содержание неформальных переговоров элит противоборствующих государств,

конечно, не протоколируется, поэтому многие исторические загадки и трудно объяснимые парадоксы навсегда таковыми и останутся. Но сам факт таких контактов уже может быть достаточно красноречив. В конце XIX века создатель «Де Бирс» Сесил Родс основал «Круглый стол» — элитарный клуб, площадку для консультаций людей, располагающих финансовыми и политическими инструментами, позволяющими влиять на исторический процесс. Членами этого объединения, среди прочих влиятельных джентльменов были Монтегю Норманн (руководитель Банка Англии), Эрнст

Оппенгеймер (владелец «Де Бирс»),
Ялмар Шахт (министр финансов
Третьего рейха).

Глава 4 Советский алмазный проект

«Далее в своем выступлении на коллегии П. Ф. Ломако произнес характерную для этого времени речь. Вкратце она была такой:

– Начиная с 1954 года в капиталистическом мире руководители империалистических держав во главе с США стали создавать союзы, объединения и монополии. Такая международная

обстановка требует от нас сосредоточения всех сил и средств нашей Родины на укрепление и развитие валютного фонда нашего государства путем разработки алмазных месторождений в Якутии и доведения добычи до мирового уровня в кратчайшие сроки...»

*С. З. Борисов,
Алмазы и вожди, М.,
2000 г.*

В 1950 году в Западной Якутии был открыт ряд богатых алмазных россыпей. В августе 1954 года была открыта первая в СССР кимберлитовая трубка – «Зарница». В июне 1955 года было открыто крупнейшее алмазное месторождение «Мир» и еще 14(!) коренных месторождений алмазов, а также несколько россыпей промышленного значения. СССР стал обладателем алмазной минерально-сырьевой базы, практически равной на тот момент ресурсам, которыми располагала «Де Бирс». Потенциальная возможность установления контроля над мировым алмазным рынком со стороны

«коммунистической сверхдержавы» просматривалась вполне отчетливо. Но СССР за все время своего существования не предпринял ни единой попытки стать самостоятельным игроком на алмазном рынке, удовлетворившись ролью послушного сателлита «Де Бирс».

Советский алмазный проект всегда отличался высочайшей степенью секретности, едва ли не большей, чем проекты в области производства вооружений. Учитывая, что речь идет о минеральном сырье, на 95% (по стоимости) потребляемом ювелирной промышленностью, это выглядит

труднообъяснимым парадоксом, тем более что остальные мировые производители алмазов, и в первую очередь «Де Бирс», всегда публиковали данные по своей добыче в открытых источниках. Но если рассматривать алмазный рынок, прежде всего как модель управления глобальными ресурсными рынками, отрабатываемую неформальными надгосударственными структурами, этот парадокс находит объяснение: создание инструментов управления такого типа должно быть непубличным и малопонятным для людей и структур, не принимающих в нем участия.

После ликвидации СССР были

опубликованы воспоминания ряда функционеров и рассекречены некоторые архивные материалы, связанные с советским алмазным проектом. Хотя этих данных недостаточно для детального восстановления картины, они вполне способны дать представление об основном векторе развития советской алмазной индустрии и о том, кто был главным модератором этого процесса.

В декабре 1956 года на пленуме ЦК КПСС с резкой критикой в адрес руководства Министерства цветной металлургии СССР выступил Семен Борисов, первый секретарь Якутского обкома. Вот несколько цитат из

стенограммы этого выступления:
«До сих пор Министерство цветной
металлургии под руководством тов.
Ломако добывает алмазы на Урале,
причем, для получения одного карата
алмаза ему на Урале нужно
переработать 300 куб. метров
породы, или в 600 раз больше, чем в
Якутии. Фактически себестоимость
одного добытого карата алмазов на
Урале составила в 1955 году
3325 руб. и обошлась государству в
22 раза дороже, чем алмазы Якутии.
Ежегодно тов. Ломако на добыче
этих дорогих уральских алмазов
расходует более 30 млн рублей в год.
Наряду с производством геолого-
разведочных работ по

месторождениям Министерством геологии была организована попутная добыча алмазов в текущем году, в результате которой республика дала государству алмазов в пять раз больше, чем в 1955 году добыла их специальная алмазодобывающая промышленность всего Советского Союза. Еще в 1954 году Якутский областной комитет обратился к т. Ломако с предложением об ускорении промышленного освоения якутских алмазов. Когда мы притиснули его к стенке фактическими данными, тогда он говорит: «Это новая отрасль промышленности, этим нам заниматься еще рано». Таким

образом, отказался в 1954 году категорически. После этого мы вынуждены были в начале 1956 года обратиться к председателю Совета Министров тов. Булганину Н. А. Тогда Совет Министров Союза принял специальное постановление от 5 января 1956 года об ускорении промышленного освоения якутских алмазов. Там был записан конкретно обязывающий тов. Ломако пункт: «В ноябре 1956 года представить практические предложения о строительстве и мощности промышленных предприятий по добыче алмазов, имея в виду необходимость удовлетворения потребностей народного хозяйства в

отечественных алмазах в ближайшие годы». До сих пор это предложение не представлено тов. Ломако.»

Семен Борисов.

Номенклатурные «весовые категории» союзного министра, кандидата в члены ЦК КПСС Петра Ломако и секретаря провинциального обкома Семёна Борисова были просто несопоставимы. На первый взгляд может показаться, что Борисов, опьяненный ароматами хрущевской «оттепели» и вдохновляемый светлым образом алмазного будущего ЯАССР, совершил бюрократический подвиг, бросившись на административную амбразуру, защищаемую угрюмым сталинским ретроградом. (П. Ломако руководил цветной металлургией СССР с 1940-х

годов.) Но одно обстоятельство позволяет усомниться в якутском экспромте. С. Борисов в своем докладе достаточно свободно оперирует показателями добычи алмазов на Урале. В 1956 году эта информация имела гриф «совершенно секретно». А система оборота секретной документации была устроена следующим образом: союзные министерства имели т. н. «Перечень сведений, подлежащих засекречиванию по министерству.», который сам по себе имел гриф и определял состав и процедуру засекречивания информации, касающейся объектов, производственных, экономических

показателей и т. д., относящихся к ведению данного министерства. Любое лицо, в принципе обладающее допуском к секретной информации, но не работающее в отрасли, могло получить сведения, указанные в «Перечне.», исключительно в том случае, если разрешение выдавалось уполномоченным сотрудником министерства. Проще говоря — информацию о добыче алмазов на Урале С. Борисов мог получить только в ведомстве П. Ломако. Любой другой путь получения такой информации, тем более для ее публичного использования, таил в себе чрезвычайную опасность, которую опытный аппаратчик С.

Борисов не мог не учитывать. Скорее всего, П. Ломако был осведомлен о целях получения этой информации. А потому эмоциональное выступление якутского лидера министр никак не комментировал, аргументов в свою пользу не высказывал, защищаться не пытался.

Уже в начале января 1957 года коллегия Министерства цветной металлургии СССР приняла постановление о срочном разворачивании работ по промышленному освоению месторождений алмазов в Якутии за счет капиталовложений министерства и создании треста «Якуталмаз». Столь быстрое

воплощение якутских инициатив, особенно впечатляющее на фоне почти трехлетней предыдущей волокиты, позволяет предположить, что решение о старте алмазодобычи в Якутии было принято до декабрьского пленума, на котором, на самом деле, состоялся некий «алмазный концерт». Для кого же он предназначался и почему пришелся именно на конец 1956 года?

Петр Ломако.

Чтобы ответить на этот вопрос, надо несколько прояснить ситуацию с алмазной промышленностью, существовавшей в СССР до открытия

якутских месторождений. Относительно недавно был рассекречен доклад, адресованный Л. Берия и Г. Маленкову и включающий описание промышленных объектов, находящихся в ведении МВД на 1949 год. В нем, в частности, говорится: «Специальное главное управление (Главспеццветмет) МВД СССР. Имеет своей задачей обеспечение выполнения установленного Правительством плана по добыче золота, платины и алмазов. В системе Главспеццветмета имеются тресты и комбинаты, в состав которых входят приисковые, рудничные управления, отдельные

шахты и другие объекты, непосредственно занимающиеся добычей драгоценных металлов. При трестах и комбинатах имеются старательские артели, работающие по договорам. На работах Главспеццветмета используются заключенные, содержащиеся в 9 лагерях». (ЦА ФСБ РФ) В состав Главспеццветмета входил трест «Уралалмаз», образованный в сентябре 1946 года. На добыче алмазов работали заключенные «Кусьинлага», спецконтингент насчитывал более 3000 человек. Должности руководителя «Уралалмаза» и «Кусьинлага» были первоначально объединены. В марте

1953 года Главспеццветмет был передан в ведение Министерства металлургической промышленности СССР, куратором управления стал первый заместитель министра П. Ломако. В феврале 1954 года это министерство разделилось на Министерство черной металлургии и Министерство цветной металлургии. «Уралалмаз» перешел в Минцветмет, министром которого был назначен П. Ломако.

*Мемориальный крест на месте
бывшей центральной зоны
«Кусьинлага».*

Объем добычи «Уралалмаза» в

1940-е и 1950-е годы был небольшим – от 10 000 до 30 000 карат в год. Но не меньше трети добываемых алмазов имели массу более 2 карат при превосходном ювелирном качестве. Гранильной промышленности в СССР в то время не существовало, внутренний рынок бриллиантов был равен нулю. С трудом верится, что суровые сталинские соколы дробили эту роскошь в порошки для хонингования цилиндров танковых дизелей в Нижнем Тагиле. Впрочем, выступая на упомянутой коллегии Минцветмета, П. Ломако весьма недвусмысленно дал понять, что основное назначение вверенной ему

алмазной промышленности – давать экспортную продукцию: «Международная обстановка требует от нас сосредоточения всех сил и средств нашей Родины на укрепление и развитие валютного фонда нашего государства путем разработки алмазных месторождений в Якутии.». Вряд ли стоит сомневаться, что до открытия якутских алмазных месторождений «валютный фонд нашего государства» пополнялся «путем разработки» (руками спецконтингента «Кузьинлага») уральских месторождений.

История экспорта алмазного сырья Советским Союзом с 1946 по

1957 год не написана и по ряду причин вряд ли когда-нибудь найдет своего летописца. Официальных данных об этом экспорте не существует. Но в рассекреченных в начале 1990-х годов документах (в основном стараниями правозащитников, боровшихся за историческую правду о ГУЛАГе), изредка всплывает упоминание структуры, осуществляющей «оперативно-чекистское сопровождение» алмазной промышленности. В документах разных лет она упоминается то как «спецотдел МГБ», то как «спецотдел МВД» под разными номерами. Известно, например, что в 1949 году

эта структура насчитывала 221 сотрудника, из них офицеров – 208. Что входило в понятие «оперативно-чекистское сопровождение» алмазной промышленности в 1949 году? Охрана «Кусьинлага»? Вряд ли охраной лагерей занимались другие, хорошо известные, подразделения, да и не «оперативное» это дело. Внедрение агентуры в структуры теневого алмазного рынка? Так этого рынка в СССР тогда просто не существовало. Борьба с алмазной контрабандой? Говорить об алмазной контрабанде в СССР сталинского образца, окруженном «железным занавесом», просто смешно. Обеспечение сохранности продукции

«Уралалмаза»? Но тогда при чем здесь оперативная работа? Остается предположить, что в функции этого подразделения входил санкционированный, но никак не отражаемый официальной статистикой экспорт алмазов, являющийся одним из внебюджетных источников «валютного фонда нашего государства».

Если такое предположение верно, то следует признать, что с 1946 года, когда началась промышленная добыча алмазов на Урале, СССР выстраивал устойчивый экспортный канал алмазного сырья, о существовании которого «хозяин» советской алмазной

промышленности и номенклатурный «тяжеловес» П. Ломако, в отличие от секретаря Якутского обкома, был осведомлен (чему косвенно свидетельствует его рассуждение на приснопамятной коллегии). Кто был покупателем этих алмазов, достоверно неизвестно. Но в любом случае не таким мелким представляется этот поток (а главное — его источник), чтобы ускользнуть от внимания корпорации «Де Бирс», которая тогда прочно удерживала монопольное положение на алмазном рынке.

Для понимания дальнейшего развития ситуации важно отметить несколько событий, произошедших в

рубежном для алмазного рынка 1954 году. Открыто первое в Западной Якутии коренное месторождение алмазов (трубка «Зарница»). Министр профильного министерства П. Ломако жестко блокирует инициативы якутского руководства, направленные на «ускорение промышленного освоения якутских алмазов». Сэр Перси Силлитоу, бывший (до 1953 года включительно) руководитель британской контрразведки, по предложению «Де Бирс» приступает к созданию «Международной организации алмазной безопасности», ядро которой составили сотрудники МИ-5.

Приглашение

Силлитоу

возглавить спецслужбу «Де Бирс», безусловно связано с угрозой рынку, которую могли создать только якутские алмазы. Во-первых, «русское направление» было в те годы ведущим в деятельности МИ-5, и Силлитоу разбирался в тактике и стратегии советских спецслужб лучше, чем кто-либо. Во-вторых, на первой встрече Эрнст Оппенгеймер пояснил Силлитоу, что, если возникнет независимый источник сырья в объеме около 20% от существующего уровня добычи, монопольной организации рынка может быть нанесен непоправимый ущерб. Обсуждение этой цифры

показывает, что «Де Бирс» полностью владела прогнозными оценками якутских месторождений, которые, разумеется, имели гриф «совершенно секретно» по ведомству П. Ломако.

Из воспоминаний С. Борисова («Алмазы и вожди» М., 2000 г.) совершенно невозможно понять, какими мотивами руководствовался П. Ломако, занимая столь жесткую позицию в отношении сроков освоения алмазных месторождений в Якутии. Аргументация С. Борисова, касающаяся экономических сторон проекта, выглядит безупречной, а возражения П. Ломако, мягко говоря, представляются неконструктивными.

Представить же, что один из главных создателей советской горнодобывающей промышленности, занимавший министерское кресло в общей сложности более сорока лет, был просто тупым, ленивым и безответственным бюрократом — невозможно. Учитывая вышеизложенные обстоятельства, этот странный парадокс снимается следующей гипотезой.

Сэр Перси Силитоу.

Экспорт уральских алмазов, добываемых ведомством П. Ломако, шел в адрес «Де Бирс» или

аффилированной с ней компании. Канал обеспечивался неформальными соглашениями сторон на достаточно высоком уровне, технически осуществлялся спецслужбами СССР и контролировался британской контрразведкой. По этому же каналу проходила информация о развитии алмазного проекта в СССР. Открытие якутских месторождений и впечатляющий прогноз их мощности, по-видимому, вызвали дискуссию в советском руководстве — выйти на рынок самостоятельно или «лечь» под «Де Бирс». В частности, Никита Хрущев заявлял буквально следующее: «Агрессорам-

империалистам надо показать «кузькину мать», в скором времени наша Родина займет доминирующее положение на международном валютном рынке, увеличивая добычу алмазов в Якутии для ускорения создания материально-технической базы коммунизма в Советском Союзе».

Никита Хрущев.

Для таких «зубров», как П. Ломако, экономический идиотизм Н. Хрущева был, вне всякого сомнения, очевиден (кстати, после отставки Н. Хрущева П. Ломако продолжал оставаться министром цветной металлургии до 1986 года, пережив на этом посту и Л. Брежнева, и Ю. Андропова, и К. Черненко). И элитная группировка, к которой принадлежал П. Ломако, решила предоставить «Де Бирс» время для перегруппировки. В течение этого срока «Де Бирс» должна была решить следующие задачи: разработать маркетинговую стратегию для бриллиантового рынка, дабы он был способен

поглотить без критического перегрева товар, ограниченный из якутских алмазов, и обеспечить страховку на тот случай, если в СССР возобладает точка зрения сторонников самостоятельного выхода на рынок. Первая задача была решена с помощью маркетинговой программы «Eternity Ring» (эта программа включала мощные рекламные кампании в США и Европе, ориентированные на потребителей среднего и старшего возраста, «кольца вечности» с 25 бриллиантами, изготовленными из якутских алмазов, символизировали устойчивость брачных отношений и быстро завоевали популярность,

сравнимую с помолвочными и обручальными кольцами — традиционными бриллиантовыми хитами), а о решении второй позаботился сэр Перси Силлитоу, информация о деятельности которого, распространяемая по неформальному экспортному каналу, несомненно, создавала дополнительные аргументы против желающих «занять доминирующее положение на международном валютном рынке».

Видимо, двух с половиной лет хватило для выполнения этой работы, и к декабрю 1956 года П. Ломако получил позитивный сигнал. Стороны сумели договориться,

избежав губительной для рынка ценовой войны, угроза для монополии «Де Бирс» была снята. «Алмазная клоунада» на пленуме ЦК КПСС была своеобразным финальным аккордом переговорного процесса, понятным только посвященным. В 1957 году, одновременно с началом масштабной добычи на якутских месторождениях, прекратила существование «Международная организация алмазной безопасности», а в 1959 году было заключено первое официальное соглашение с «Де Бирс».

Дискуссия о сроках освоения якутских месторождений — далеко не

единственная «странность» в развитии советского алмазного проекта, не менее интересен вопрос – почему СССР не использовал для освоения алмазных месторождений ГУЛАГ, мощнейший трудовой ресурс «красной империи»?

Иван Никишов.

В 1948 году генерал-лейтенант Иван Никишов, начальник Главного управления строительства Дальнего Севера (Дальстрой) выступил с инициативой ликвидации ЯАССР как совершенно декоративного образования, служащего лишь бюрократическим препятствием для функционирования горнодобывающей промышленности, созданной в рамках МВД СССР. Следует отметить, что И. Никишов обладал весьма серьезным номенклатурным потенциалом: кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета, Герой Социалистического Труда. В течение почти десятка лет он руководил

множеством лагерей, входящих в империю Дальстроя, и даже удостоился на этой ниве полководческого ордена Кутузова I степени. Скоропостижный конец молодой якутской государственности был вполне реален, но в результате интриги в МВД И. Никишов вышел в отставку и его «якутская» инициатива развития не получила.

Тем не менее, практически вся добывающая промышленность в ЯАССР действительно имела корни в ГУЛАГе. На территории автономной республики насчитывалось десятки лагерей, входящих в Алданлаг, Джугжурлаг, Янлаг и т. д., обитатели которых использовались на добыче

золота, слюды, угля, олова, вольфрама и всевозможных строительных работах. Поскольку алмазная промышленность СССР также начиналась в ГУЛАГе (Кусьинлаг) было бы логично ожидать, что и после открытия алмазов в Якутии ее развитие будет происходить в рамках этой системы. И действительно, такой план был разработан. В 1950 и 1951 годах в среднем течении реки Марха были открыты несколько россыпей, содержание алмазов в которых было в 3 раза выше, чем в уральских. Как только эта оценка была сделана, в Вилуйский алмазоносный район прибыла комиссия МВД СССР с

целью подготовки предложений разработки этих месторождений силами главка, в который входили «Урал-алмаз» и «Кусьинлаг». В 1952 году МВД разработало достаточно детализированный план промышленной добычи алмазов в Якутии, который лег в основу проекта постановления Совмина СССР «О мероприятиях по увеличению добычи алмазов и расширению геолого-поисковых и разведочных работ по алмазам». Не подлежит сомнению, что если бы это постановление было принято, то Вилюйский алмазоносный район был бы превращен в «Вилюйлаг» и разработка якутских месторождений

пошла бы вполне традиционным для того времени путем.

Но практически сразу после смерти И. Сталина с МВД были сняты производственные функции: закрытыми постановлениями Совмина СССР от 18 и 28 марта 1953 года пятнадцать производственных главков и управлений МВД были ликвидированы. Их

производственные структуры были переданы в профильные министерства, а лагеря перешли в подчинение Минюста. В результате массовых амнистий и пересмотра «политических» дел резко снизилась численность заключенных: если в 1953 году их насчитывалось 2 650

747 человек, то в 1954-м – уже 1 482 297. На первый взгляд может показаться – вот они, плоды хрущевской «десталинизации», наступила эпоха, несовместимая с использованием рабского труда во имя мифического «коммунистического будущего». Но это иллюзия, ГУЛАГ никуда не исчезал – ни как идея, ни как структура. Уже в 1954 году наметился его ренессанс – было принято решение о возврате лагерей в МВД и восстановлении лагерно-производственных комплексов. Были восстановлены производственные главки МВД по атомному проекту, лесной промышленности,

реанимирована лагерная составляющая Дальстроя. Более того, освоение целинных земель — этого символа хрущевской «оттепели» не обошлось без создания в 1955 году в Казахстане новых лагерей для строительства инфраструктуры для вновь создаваемых совхозов.

С конца 1920-х годов и до развала СССР ГУЛАГ был инструментом, позволяющим быстро концентрировать в нужном направлении предельно дешевую рабочую силу. При создании горнодобывающей промышленности СССР этот механизм был использован в максимальной степени — никель и платина

Норильска, уголь Воркуты, золото Колымы и Якутии и еще многие десятки объектов были освоены ГУЛАГом, опыт такой разработки месторождений в СССР был огромным. Да и руководящие кадры профильных министерств были выкованы именно на таком опыте — деловая биография того же Петра Ломако, «хозяина» советской алмазной промышленности была неразрывна связана с ГУЛАГом.

Изначально было ясно, что освоение алмазных месторождений в Якутии — это большой проект, из разряда тех, которые до сих пор «поднимались» только с помощью ГУЛАГа. Тяжелые климатические

условия, полное отсутствие какой-либо инфраструктуры в алмазоносном районе означали, прежде всего, что людей, привлекаемых в проект на добровольных началах, придется хорошо стимулировать – задешево в таких условиях работать никто не поедет. Рабочая сила обещала быть очень дорогой. Кроме того, не было никаких гарантий, что ее вообще удастся мобилизовать в нужном количестве, да и опыта освоения таких месторождений руками «вольного» контингента тоже не было. Практика, кстати, подтвердила эти опасения – в 1957 году из Западной Якутии сбежало до 20%

кадров «Якуталмаза», призванных по партийному «оргнабору».

На другой чаше весов лежал проект МВД 1952 года, позволяющий минимизировать расходы созданием «Вилюйлага». К 1957 году в лагерях находилось 966 260 заключенных, проблем отобрать 20—30 тысяч рабов, включая обладателей нужных строительных специальностей, практически не было. Пример с освоением целинных земель — проекта не менее масштабного — показывает, что при выборе вариантов хрущевское руководство ориентировалось совсем не на идеалы гуманизма.

Но в итоге при создании и

развитии треста «Якуталмаз» пошли по самому затратному пути, который был только возможен: никаких лагерей, никаких вахт, высокие зарплаты, высокий районный коэффициент и надбавки, строительство городов и поселков с современной по тем временам инфраструктурой, нормы снабжения, соответствующие столичным, фантастически дорогой северный завоз, строительство ГЭС с заведомо энергоизбыточными характеристиками и т. д. Такая схема на долгие годы вперед обеспечила отрицательную рентабельность советского алмазного проекта.

Убыточность добычи алмазов в

Якутии автоматически
гарантировала принципиальную
невозможность ценовой войны с «Де
Бирс». Какой бы заманчивой ни была
для Н. Хрущева мысль «занять
доминирующее положение на
валютном (читай – алмазном)
рынке», продавая сырье в убыток
много не «надоминируешь». Была ли
суперзатратная стратегия освоения
якутских месторождений навязана
советскому руководству, или это был
независимый выбор – остается
только догадываться, но объективно
этот фактор, как никакой другой,
способствовал укреплению
положения «Де Бирс» в качестве
контролера мирового алмазного

рынка.

Это обстоятельство часто удачно маскируется весьма остроумным тезисом, что главной целью освоения якутских месторождений был вовсе не экспорт алмазного сырья, но получение технических алмазов, остро необходимых советской промышленности и прежде всего военно-промышленному комплексу. А стало быть, соображения экономики отступают перед требованиями безопасности. Безусловно, этот аргумент заслуживает самого пристального внимания.

*Кимберлитовая трубка «Мир»
– современный вид.*

Версия о том, что после окончания Второй мировой войны на поставки технических алмазов и алмазного инструмента в СССР было наложено эмбарго, достаточно широко распространена. Причем ее разделяют не только авторы популярных изданий, но и люди, имеющие самое непосредственное

отношение к российской алмазной промышленности. Так, В. Штыров (президент АЛРОСА в 1996—2002 гг.) в интервью «Российской газете» отмечал: «После начала «холодной войны» в 1946-м, когда Запад прекратил поставки стратегического сырья в СССР, мы испытывали огромную нужду в алмазах. Прежде всего, для оборонной промышленности. В СССР же были известны лишь небольшие россыпные месторождения драгоценного камня на Урале». А. Кириллин (президент АЛРОСА в 1993—1995 гг.): «Да, действительно, в годы советской системы и созданного «железного

занавеса» после Второй мировой войны для нашей страны практически было объявлено эмбарго на продажу алмазов, что и побудило провести целенаправленные поисковые работы на алмазы сперва на Урале, затем в Казахстане и Восточной Сибири». (журнал «Наука и техника в Якутии»). Н. Тимофеев (в 1996—2005 гг. заместитель генерального директора единой сбытовой организации АЛРОСА): «Во время «холодной войны» поставки алмазов в СССР шли нелегально по линии спецслужб КГБ и ГРУ» (журнал «Алмазы и золото»).

Итак, уральские месторождения были не в состоянии обеспечить

потребности советского ВПК, империалистические страны установили режим эмбарго на поставки алмазов в СССР, и до начала эксплуатации якутских месторождений алмазы импортировались по нелегальным каналам стараниями спецслужб. Увы, эту стройную картину портит одна деталь: 28 августа 1947 года приказом министра станкостроения СССР Александра Ефимова в составе министерства было создано новое структурное подразделение — «Всесоюзное бюро технической помощи по рациональному использованию алмазного инструмента и внедрению

алмазозаменителей» (ОРГАЛМАЗ).
Функции новой структуры были
определены достаточно ясно:
«Контроль за распределением и
использованием алмазов и алмазных
инструментов, закупаемых за
рубежом». «Холодная война» была
уже в разгаре – фултонская речь У.
Черчилля прозвучала за полтора года
до появления этого прозаического
документа, не содержащего, кстати,
ни малейших намеков на
вовлеченность в процесс закупок
алмазов каких-либо спецслужб. Если
бы вновь испеченная организация
была призвана контролировать
использование предприятиями ВПК
материалов, полученных нелегально

в обход международного эмбарго, ее деятельность отражалась бы в документах совсем иного уровня и иной ведомственной принадлежности.

Следует также отметить, что именно в конце 1950-х и начале 1960-х годов был достигнут технологический паритет СССР и США в области производства новейших образцов оружия. Более того, в ряде направлений СССР даже вырвался вперед: в 1956 году проведен первый в истории пуск ракеты с ядерной боевой частью (Р-5М), в 1957 году запущена первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета (Р-7), в 1961

году впервые было произведено успешное испытание противоракетной системы (система «А»). Совершенно очевидно, что достичь технологического паритета в таких сложных областях, как производство современных видов вооружений, невозможно без равного, или, по крайней мере, сравнимого, доступа к стратегическим материалам, составляющим необходимый элемент этих технологий.

Что же касается уральских алмазов, то их использование для нужд оборонной промышленности вызывает обоснованное сомнение, поскольку хорошо известно, что

экспериментальное создание
отечественного алмазного
инструмента началось ВНИЛАЛМАЗ
только в 1956 году, причем на
якутском сырье. А первый в СССР
Томилинский завод по производству
алмазного инструмента был пущен
только в 1958 году. Но промышленная
добыча алмазов на Урале велась с
1946 года — кто же и где делал из
этого сырья алмазный инструмент в
течение десяти лет?

Таким образом, реальная
картина представляется прямо
противоположной исходному тезису:
никакого алмазного эмбарго не было,
поставки алмазного инструмента в
СССР шли вполне цивилизованным

путем и в количестве, достаточном для обеспечения паритета с Западом в области оборонных технологий. Уральские алмазы, напротив, не имели ни малейшего отношения к нуждам ВПК и экспортировались в адрес корпорации «Де Бирс» (или аффилированных с ней компаний) действительно по каналам спецслужб.

Остается добавить, что басню об «алмазном эмбарго», которую с настойчивостью, достойной лучшего применения, повторяли как советские журналисты, так и советские функционеры алмазной индустрии, запустил в оборот некто Кирби (Kirby) статьей

«Промышленные алмазы
чрезвычайной важности» (Industrial
diamonds of paramount importance),
первоначально опубликованной в
отраслевом журнале.
в Йоханнесбурге.

В октябре 1959 года продажа
партии сырых алмазов объемом 13
000 карат положила начало
официальному торговому
сотрудничеству между СССР и «Де
Бирс». В 1960 году был подписан
договор, включавший два
принципиальных момента: СССР
лишался права самостоятельного
выхода на рынок, «Де Бирс»
обязывалась закупать все советские
алмазы, предназначенные для

экспорта. Таким образом, СССР, несмотря на обладание превосходной минерально-сырьевой базой, был интегрирован в одноканальную систему мирового алмазного рынка в качестве пассивного продавца, не обладающего никакими реальными возможностями влиять на цены, а, следовательно, не имеющего рычагов управления рынком.

Первоначально глубокая убыточность добычи алмазов в Западной Якутии, связанная с беспрецедентными расходами по созданию инфраструктуры алмазоносного района и с высокой стоимостью рабочей силы, служила достаточно надежной гарантией от

попыток советской стороны рассматривать идею «ценовой войны» как близкую перспективу. Но это позитивное (для «Де Бирс») решение таило в себе проблему, с которой рано или поздно мировому регулятору алмазного рынка предстояло столкнуться. С течением времени огромные затраты неизбежно стали воплощаться в быстро нарастающий поток алмазного сырья. В соответствии с семилетним планом 1959—1965 годов предполагалось увеличить добычу алмазов в Якутии в 25 раз, и характеристики минерально-сырьевой базы «Якуталмаза» вполне позволяли это сделать. Уже в 1961

году, вслед за трубкой «Мир», началась отработка трубки «Айхал», отличающейся высоким процентным содержанием алмазов в руде, а также нескольких россыпных месторождений. Причем темпы освоения месторождений с лихвой перекрывали все мировые рекорды: если для карьеров «Де Бирс» в Южной Африке считалась нормой отработка по 10 метров в год, то в Западной Якутии отработка в среднем вдвое превышала этот показатель, а на трубке «Интернациональная» превосходила 40 метров в год. Такая чудовищная интенсивность эксплуатации месторождений была главным

аргументом для «внутреннего потребления», оправдывающим само существование советского алмазного проекта — только такой темп давал возможность окупить затраты в более-менее приемлемые сроки. Но мировой рынок был не в состоянии безболезненно поглотить этот поток алмазов.

Алексей Косыгин (в центре) с

британскими коллегами.

В июне 1961 года Совмин СССР принимает решение о строительстве в Смоленске гранильного завода — первого из девяти, которые впоследствии войдут в состав производственных объединений «Кристалл» Министерства приборостроения СССР. Кроме Смоленска гранильные заводы были созданы в Москве, Киеве, Виннице, Гомеле, Барнауле, Ереване, Чите, Шахризабзе.

Таким образом, практически одновременно с масштабной программой наращивания добычи алмазного сырья, в СССР принимается программа

«многоканального алмазного экспорта», в соответствии с которой часть продукции «Якуталмаза» должна была продаваться «Де Бирс», часть перерабатываться на отечественных заводах и экспортироваться в виде бриллиантов, а часть изготовленных бриллиантов — экспортироваться в составе ювелирных изделий. Авторство этой незаурядной идеи принято приписывать советскому премьеру-«реформатору» Алексею Косыгину.

Ювелирная составляющая «многоканального экспорта» скончалась, толком не родившись. Советский опыт в ювелирном

маркетинге был ничтожным, и это обстоятельство сыграло решающую роль. По словам финансового эксперта и консультанта «Де Бирс» князя Никиты Лобанова-Ростовского: «В свое время «Алмазювелирэкспорт» старался продавать в Европе изделия с бриллиантами (а было огромное количество русского товара), но они не пошли. Думаю, что изделия воспринимались и как немодные, и как низкокачественные».

Ситуация с гранильной промышленностью СССР оказалась намного сложнее и интереснее. С начала 1960-х годов и до распада Советского Союза она устойчиво

развивалась, исправно поглощая значительное количество добываемого в Якутии сырья. Были разработаны строгие стандарты огранки, в соответствии с которыми производились практически идеальные бриллианты. «Русская огранка» стала синонимом качества на бриллиантовом рынке, своеобразным отраслевым брендом, и покупатели давали премию до 10% к розничной цене на этот товар. Но качество доставалось дорогой ценой — выход годного на круглых бриллиантах в среднем был около 30% — в полтора раза меньше, чем у конкурентов.

Но дело даже не в том, что

значительная (до 70%) часть высококачественного сырья превращалась в пыль. Во всем мире гранильный бизнес характеризуется низкой нормой прибыли — в стоимости готового бриллианта стоимость сырья составляет от 85% до 95%. Это хорошо известный факт, и тот, кто принимал решение о создании гранильной промышленности в СССР, должен был отдавать себе отчет в том, что маржа, практически никогда не превышающая 15%, будет не в состоянии окупить ни содержание многотысячной армии огранщиков (особенно учитывая вполне достойный «социальный пакет»,

полагавшийся трудящимся в государстве «развитого социализма»), ни организацию системы безопасности, необходимую для борьбы с неизбежно возникнувшим криминальным алмазным рынком, ни создание инфраструктуры новой отрасли, ни расходы на экспорт. Так оно и получилось — вся гранильная промышленность СССР от рождения и до кончины была нерентабельна. Продажа бриллиантов приносила денег меньше, чем стоило сырье, из которого эти бриллианты были изготовлены.

В стране с рыночной экономикой такая промышленность

моментально бы разорилась. Но СССР был хорош тем, что в нем в принципе не могло быть убыточных предприятий — манипуляции с внутренними, совершенно условными, оторванными от мировой практики ценами позволяли гранильным заводам выглядеть «передовиками социалистической индустрии». А реально они просто дотировались бюджетом.

Итак, «многоканальный алмазный экспорт» Советского Союза на самом деле был построен следующим образом. Часть сырья продавалась «Де Бирс» — этот объем устанавливался таким образом, чтобы не перегревать рынок и не

слишком обременять мирового регулятора содержанием излишних стоков. Вторая часть утилизировалась советской гранильной промышленностью, тотальная убыточность которой позволяет утверждать, что ее главной функцией было уменьшение давления на мировой рынок алмазного сырья. И наконец, третья часть просто сбрасывалась в стоки Гохрана, где лежала без движения. Разумеется, содержание этих стоков обеспечивалось советским бюджетом.

Следует признать, что труднообъяснимые события, связанные с советским алмазным

проектом, а именно: упорное нежелание Минцветмета СССР начать разработку якутских месторождений ранее 1957 года, применение максимально затратной схемы освоения и, наконец, создание убыточной гранильной промышленности, объективно «работали» в интересах «Де Бирс».

Успех «Де Бирс» в выстраивании отношений с СССР после эпохальных открытий алмазных месторождений в Западной Якутии столь очевиден, что невольно возникает впечатление – перед нами закономерное развитие доброго старого партнерства, а не уродливый альянс идеологически

непримиримых противников,
продиктованный сиюминутными
меркантильными соображениями.

Но российская
постперестроечная
специализированная литература (в
советских открытых источниках тема
взаимоотношений СССР и «Де Бирс»
практически не освещалась)
утверждает — контакты советского
руководства и владельцев «Де Бирс»
берут свое начало лишь в 1959 году.
Именно тогда состоялся визит в
Москву сэра Филиппа Оппенгеймера
(брат Эрнеста Оппенгеймера) и было
заключено соглашение о продаже
первой партии якутских алмазов.
Этой же даты придерживается и

подавляющее большинство зарубежных авторов, исследующих историю мирового алмазного рынка. Вопрос — где и как использовались алмазы Урала, промышленная добыча которых велась с 1946 года, при полном отсутствии в СССР производства алмазного инструмента и гранильной отрасли до 1958 и 1961 годов соответственно, остается открытым. Никаких следов уральских алмазов в открытых источниках нет, предположение об их многолетнем экспорте при участии «Де Бирс» — всего лишь гипотеза, имеющая ряд косвенных подтверждений, но пока не получившая прямых

доказательств. А до начала
эксплуатации уральских
месторождений никакого отношения
к рынку алмазного сырья СССР,
очевидно, иметь не мог.

Сэр Филипп Оппенгеймер.

Глава 5 Бриллианты и «диктатура пролетариата»

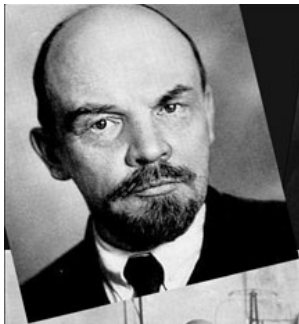
*«Эксперты Гохрана
«т. т. Фаберже (А. К.),
Масеев, Бос, Франц» в
письме от 19 мая 1922 г. на
имя Базилевича сообщили о
принципах произведенной
ими оценки драгоценностей
бывш. Императорского
Двора. Они подчеркивали,
что их оценка ни в коем
случае не является
завышенной, ибо в первую*

очередь бралась во внимание «действительная ценность камней», их подбор, художественность выполнения и лишь затем — «их историческое значение». Эксперты оценили в 375 млн. золотых рублей одни только коронационные регалии (большая и малая короны, скипетр, держава, цепь Андрея Первозванного, орден). Они подчеркивали, что даже при недопустимой оценке «как товар или лом» «этот сказочный подбор

бриллиантов во главе с историческим камнем «Орлов» (описанный в целом ряде научных изысканий) и крупным шпинелем (каковой по своей величине первый в мире)» пойдет за огромные миллионы. Из документа следует, что А. И. Рыков уже интересовался «возможностью реализации коронационных ценностей на заграничном рынке» у Фаберже и акад. Ферсмана. Он получил ответ, что это «безусловно возможно при

*особо осторожном подходе
к этой операции, не
торопясь».*

*АПРФ, ф. 3, оп.
39, д. 93, л. 63-об.*

К рынку алмазов – да, не мог. А вот мировой рынок бриллиантов находился в сфере самого пристального внимания руководства коммунистической России с первых лет ее существования. Дело в том, что в условиях охватившего страну послереволюционного экономического коллапса главными и практически единственными экспортными статьями молодого советского государства вначале 20-х годов XX века стали ценности, экспроприированные у «эксплуататорских классов»: драгоценные металлы в слитках, монетах, ювелирных изделиях, всевозможный антиквариат и

драгоценные камни, в первую очередь – бриллианты. Так, в 1921 году наиболее значительная выручка от внешнеторговых операций Советской России пришлась на антиквариат – 9 млн. золотых рублей, на втором месте оказались бриллианты – 7 млн. золотых рублей. Но это только по документально подтвержденным данным.

Георгий Базилевич. Как и подавляющее большинство операторов «красного

бриллиантового трафика» был расстрелян в конце 1930-х годов.

«Шипящая обывательщина уже давно соткала ряд нелепых сплетен о расхищении большевиками царских сокровищниц. И эта клевета в самые тяжкие и ответственные моменты борьбы всплывает то там, то здесь на обширной территории Республики, прорываясь, как злокачественный гнойник. Алмазы, бриллианты, жемчуга и самоцветы, стоившие бесконечных страданий трудящимся целых столетий, – теперь в надежных руках, и пролетариат сумеет их разумно использовать». Такими откровениями делился с читателями коммунистической прессы Георгий

Базилевич – бывший подполковник императорской армии, а в 1920-х годах правая рука Льва Троцкого, руководившего «учетом и сосредоточением ценностей Республики».

Вальтер Кривицкий.

«Надежные руки» трудились без

устали, и объемы и способы выброса российских бриллиантов на рынок были просто чудовищными. Вальтер Кривицкий (Самуил Гинзберг, в 1918—1921 году функционер Коминтерна, позже сотрудник советских спецслужб) вспоминал: «Обычной процедурой было указание Политбюро ОГПУ доставить в адрес Коминтерна мешок (sic!) с конфискованными бриллиантами.». И, судя по всему, «мешок» — отнюдь не гипербола.

Из воспоминаний Якова Рейха, главы Западноевропейского бюро Коминтерна: «Повсюду золото и драгоценности: драгоценные камни, вынутые из оправы, лежали кучками

на полках, кто-то явно их пытался сортировать и бросил. В ящиках около входа полно колец. В других золотая оправа, из которой уже вынуты камни. Ганецкий (Яков Фюрстенберг, в 1920-х годах — заместитель Наркома финансов и управляющий Народным банком РСФСР) обвел фонарем вокруг и, улыбаясь, сказал: «Выбирайте!» Потом он объяснил, что все эти драгоценности, отобранные ЧК у частных лиц, по поручению Ленина, Дзержинский сдал сюда на секретные нужды партии. Мне было очень неловко отбирать: как производить оценку? Ведь я в камнях ничего не понимаю. «А я, думаете,

понимаю больше? — ответил Ганецкий. — Сюда попадают только те, кому Ильич доверяет. Отбирайте на глаз — сколько считаете нужным. Ильич написал, чтобы Вы взяли побольше». Я стал накладывать, а Ганецкий все приговаривал: «Берите побольше». Наложил полный чемодан (sic!) камнями, золото не брал — громоздко.»

Бывший секретарь И. Сталина Борис Бажанов в своих «Воспоминаниях» упоминает некий «алмазный фонд Политбюро» — огромный сток бриллиантов исключительного качества — и сетует, что «судьба его неизвестна». Поскольку сегодня, спустя многие

десятилетия после публикации воспоминаний Б. Бажанова, судьба этого актива по-прежнему неизвестна, резонно предположить, что он не избежал общей участи и в «мешках», «чемоданах» и прочей экзотической для бриллиантового бизнеса таре переместился на берега туманного Альбиона.

Ганецкий (Яков Фюрстенберг).
Такой своеобразный экспорт

привел к закономерному результату – мировые цены на бриллианты быстро покатались вниз и крупные диамантеры – клиенты «Де Бирс» стали испытывать обоснованное беспокойство. В целях стабилизации цен «Де Бирс» была вынуждена в 1921 году существенно – не менее чем на 25% – сократить добычу алмазов в Южной Африке. Но экспорт российских бриллиантов по демпинговым ценам продолжал нарастать: предприимчивые большевики и их коминтерновские коллеги открывали все новые и новые «окна» и «каналы» в Прибалтике, Польше, Финляндии, на Дальнем Востоке, в Турции. Волна

бриллиантовой контрабанды захлестнула Европу и США: несмотря на то, что «красных» курьеров ловили десятками, число их умножалось в геометрической прогрессии. Объективно этот демпинг наносил серьезный ущерб всем участникам алмазно-бриллиантового рынка — процесс явно требовал упорядочения.

В 1920 году полпредом Советской России в Великобритании был назначен Леонид Красин. Этот видный функционер большевистской партии был вхож в круги английской элиты и, судя по всему, реалии алмазного рынка представлял себе весьма отчетливо. Во всяком случае,

так позволяют утверждать некоторые образцы его переписки с руководством Наркомфина: «До продажи драгоценностей организованным путем мы все еще не доросли, и падение цен, вызванное на рынке бриллиантов более чем неудачной торговлей ими Коминтерном и другими учреждениями, имеет и в будущем под собою достаточные основания».

Л. Красин абсолютно точно определил направление выхода из кризиса, охватившего бриллиантовый рынок: «Следует немедленно прекратить разовые продажи художественных ценностей и бриллиантов через сомнительных

лиц, рекомендуемых начальником
Гохрана Аркусом (некий швед Карл
Фельд и другие) или через
высокопоставленных «кремлевских
жен» (жена Горького актриса Мария
Андреева-Юрковская, жена
Каменева и сестра Троцкого Ольга
Каменева-Бронштейн, музейный
руководитель). Вместо этого
необходимо срочно создать картель
(СП) для совместной продажи
бриллиантов, лучше всего, с Де
Бирсом. Синдикат этот должен
получить монопольное право, ибо
только таким путем можно будет
создать успокоение на рынке
бриллиантов и начать постепенно
повышать цену. Синдикат должен

давать нам под депозит наших
ценностей ссуды на условиях
банковского процента».

Леонид Красин.

Предложение Л. Красина
направить поток советского

бриллиантового «конфиската» в адрес «Де Бирс» имело под собой веские основания. Во-первых, такой способ реализации действительно оберегал бриллиантовый рынок от обвала цен, в котором советская сторона была совершенно не заинтересована. Во-вторых, появлялась основа серьезных деловых контактов с банкирскими империями Ротшильдов и Морганов, с которыми «Де Бирс» была аффилирована, а соответственно экспроприированные бриллианты могли выступать уже не только в виде обычного товара, но как актив, обеспечивающий всевозможные кредитные сделки, в том числе

связанные с получением перспективных технологий и современного оборудования. И, наконец, только «Де Бирс» и ее влиятельные клиенты могли организовать оборот «красных» бриллиантов таким образом, чтобы он был невидим остальному миру. А это было важно не только для прекращения многочисленных скандалов, вспыхивающих по причине опознания бывшими владельцами своих драгоценностей, отобранных большевиками, а потом появляющихся в каталогах престижных европейских и американских аукционов. Неафишируемые договоренности о

совместных операциях с крупными партиями бриллиантов закладывали базу той финансово-организационной сетевой структуры, которая впоследствии сыграла важную роль в передаче СССР оборонных технологий, и открывали возможности непосредственных неформальных контактов представителей англо-саксонской и советской элит.

16 марта 1921 года был подписан первый в истории Советской России и Великобритании торговый договор. С советской стороны его подписал Леонид Красин. Это соглашение содержит одно крайне интересное условие.

Англия брала на себя обязательство «не накладывать ареста и не вступать во владение золотом, капиталом, ценными бумагами либо товарами, экспортируемыми из России в случае, если бы какая-либо судебная инстанция отдала распоряжение о такого рода действиях». Фактически это ограничение делало невозможным вмешательство английского государства (не говоря уже о зарубежных государствах) в деловые операции, проходившие под эгидой этого договора. А если учесть, что на момент заключения договора между Великобританией и Россией вообще не было дипломатических отношений, то

следует признать, что данный договор являлся лишь формальным прикрытием сотрудничества большевиков с силой более влиятельной, чем английские государственные институты.

За полгода до подписания договора Л. Красин открыл в Лондоне компанию АРКОС (аббревиатура от All-Russian Cooperative Society). Формально компания имела британскую регистрацию. Эта фирма стала первой в целом ряду компаний («Амторг» в США, «Весторг» и «Дерутра» в Германии и еще десяток более мелких), которые являлись центрами деловых операций с

основным экспортным товаром советской России 1920-х годов: золотом, антиквариатом и бриллиантами. Л. Красин создал также «Советско-Южноафриканское смешанное торговое общество» — весьма говорящее название, учитывая, что в это время единственным стратегическим партнером в Южно-Африканском Союзе, с которым России имело смысл работать в плане экспорта бриллиантов, была компания «Де Бирс». Компания АРКОС была не только исторически первой — она была наиболее мощной, подлинным «генеральным штабом» всей операции, и Л. Красин лично и

постоянно контролировал ее деятельность.

После заключения англо-русского договора экспорт российского золота и бриллиантов достаточно быстро вошел в цивилизованное русло. Советские биографы Л. Красина неизменно ставили ему в заслугу ликвидацию т. н. «золотой блокады» — иными словами переход от чисто контрабандной торговли ценностями к крупным оптовым сделкам, формально не противоречащим законодательству стран-импортеров. (Моральная сторона вопроса — по существу речь шла о торговле краденым, не интересовала ни

покупателя, ни продавца). Значительная часть бриллиантов вообще не выходила на рынок, становясь залоговыми активами. В результате цены на бриллианты устойчиво поползли вверх и 30% – 40%-ный провал, вызванный диким советским демпингом, был достаточно быстро компенсирован. С 1922 года «Де Бирс» начала наращивать добычу и уже через пять лет превысила довоенный уровень.

CATALOGUE
OF
AN IMPORTANT ASSEMBLAGE OF
MAGNIFICENT JEWELLERY

Mostly dating from the 18th Century

WHICH FORMED PART OF

The Russian State Jewels

And which have been purchased by a Syndicate
in this Country

They are now Sold in order to close the
Partnership Account

WHICH

Will be Sold by Auction by

MESSRS. CHRISTIE, MANSON & WOODS

*(A. Manson, C.B.E., M.B. Anderson, Esq., V.C.W. Anson,
J. G. Hanson, and T. M. Spence)*

AT THEIR GREAT ROOMS

**8 KING STREET, ST. JAMES'S SQUARE
LONDON**

On WEDNESDAY, MARCH 16, 1927

AT ONE O'CLOCK PRECISELY

May be viewed Two Days preceding, and Catalogues had,
at Messrs. CHRISTIE, MANSON AND WOODS' Offices, 8 King Street,
St James's Square, London, S.W.1

*Обложка каталога аукциона
Кристи, на котором продавались
бриллианты русской
императорской семьи в 1927 году.*

На что тратилась прибыль, получаемая большевиками от продажи конфискованных ценностей? Разумеется, приобреталось продовольствие для голодающей страны, покупалось промышленное оборудование, средства транспорта и т. д., оплачивалось содержание советских миссий за рубежом. Но это было не главное. Экспроприированные бриллианты превратились в стартовый капитал многочисленных «частных» компаний, конечным

бенефициаром которых был СССР, были инвестированы через третьих лиц в крупные пакеты акций ведущих мировых промышленных концернов и стали обеспечением мощных кредитных линий. Через эту сеть СССР беспрепятственно получал доступ к новейшим оборонным технологиям, благодаря этой сети он смог создать военно-промышленный комплекс, достаточный для того, чтобы в четырехлетней русско-немецкой мясорубке 1941—1945 годов уничтожить все шансы континентальной Европы на долю в контроле над глобальными сырьевыми рынками. Эта сеть, созданная в 1920-е годы, будет

устойчиво работать все время существования СССР, обеспечивая, в том числе, фантастические «успехи советской разведки» в получении ядерных секретов и удивительно легкое преодоление «ограничений КОКОМ». Создание сетевой структуры, предназначенной главным образом, для массивированной накачки оборонной промышленности СССР оборудованием и технологиями было завершено к концу 1920-х годов. Поток экспроприированных ценностей, вывозимых из СССР, еще не иссяк, его пик придется на 1930 год, но все необходимые условия для старта «сталинской

индустриализации» были созданы. Окончание грандиозной операции требовало соответствующего оформления.

Иван Майский (Ян Лиховецкий).

«12 мая 1927 г. около 4 часов дня отряды полисменов в сопровождении детективов (всего около 200 человек) неожиданно окружили здание по Мооргет-стрит, 49, которое занимали АРКОС и торгпредство СССР, и, ворвавшись внутрь, закрыли все выходы наружу. Несколько сот служащих обоих учреждений, в том числе немало англичан, были арестованы, и часть из них подвергнута личному обыску». Это цитата из «Воспоминаний советского дипломата» Ивана Майского (Ян Лиховецкий). И. Майский был заместителем Л. Красина, а после его смерти 24. 11. 1926 года оставался в составе советского

посольства на должности заместителя полпреда до 1929 года, в 1932—1943 годах – чрезвычайный и полномочный посол СССР в Великобритании.

Налет на АРКОС наделал много шума в дипломатических кругах и прессе и послужил поводом для многочисленных взаимных претензий английской и советской сторон. И. Майский утверждает, что англичане искали в АРКОСе некие документы, изобличающие подрывную «коминтерновскую» деятельность этой компании, но «потерпели фиаско». Английская сторона была вынуждена признать, что четырехдневный (!) обыск ничего

не дал — никакого компрометирующего архива найдено не было. Советская сторона в злорадных выражениях соглашалась — ничего не нашли, потому что ничего и быть не могло. Собственно, вот это «ничего не нашли» и являлось единственным «твердым осадком» грандиозного скандала — таким образом любопытствующих сторонних наблюдателей просили не беспокоиться, деятельность АРКОСА в Лондоне не представляет никакого конспирологического интереса.

Так бы и остался «налет на АРКОС» ярким свидетельством провокаций против молодой Советской республики,

инспирированных самыми консервативными кругами цитадели «загнивающего империализма», если бы в мае 2010 года Игорь Золотусский не опубликовал документальную повесть «Нас было трое», некоторое количество страниц которой посвятил деятельности своего отца. Отец И. Золотусского – Петр Золотусский с февраля по июнь 1927 года был легальным резидентом ИНО ОГПУ в Лондоне и имел к АРКОСу самое непосредственное отношение.

По рассказу П. Золотусского, его командировке в Лондон предшествовала личная встреча с И. Сталиным. Вождь был озабочен

судьбой архива АРКОСа. На П. Золотусского возлагалась задача эвакуации архива, поскольку Москва была заблаговременно предупреждена о готовящемся полицейском налете на АРКОС. П. Золотусский блестяще справился с поручением советского лидера — архив АРКОСа был вывезен из Англии. на эсминце британских ВМФ! Дословно: «Он сумел уговорить капитана британского эсминца помочь стране рабочих и крестьян и вывезти из Англии компрометирующие бумаги до того, как в АРКОС вошла полиция».

Итак, советский резидент вербует английского военно-морского

офицера на почве сочувствия «стране рабочих и крестьян», вместе они загружают эсминец секретным архивом, и в то время, как полицейский батальон штурмует офис АРКОСа, корабль на полных парах идет, например, в Мурманск. Бред? Конечно бред!

А теперь взглянем на ситуацию под несколько другим углом. К 1927 году финансовые потоки, в основе которых лежали экспроприированные золото и бриллианты, трансформировались в сетевую структуру, готовую начать «сталинскую индустриализацию». Детальная история этой блестящей операции, все «имена, пароли, явки»

содержится в архиве ее «генерального штаба» – в АРКОСе. Но есть серьезная проблема, и заключается она в том, что практически вся работа выполнена руками функционеров Коминтерна. То есть существует довольно большое количество людей, мыслящих в нелепых категориях «мировой революции», и слишком много знающих о связях, установленных государством «рабочих и крестьян» с «империалистическими» державами, о связях, мягко говоря, не укладывающихся ни в какие марксистские и даже околomarксистские теории. Конечно, знание каждого из них было слишком

фрагментарно, чтобы представить картину в целом, но вероятность правильно сложить пазл из этих фрагментов и понять — кому и для чего нужен на самом деле проект под названием «СССР», была высока. Слишком высока, чтобы авторы проекта могли позволить себе такой риск. Кроме того, некоторые технические участники проекта по недоразумению были склонны считать себя владельцами, или, по крайней мере, совладельцами созданной сети. То есть полагали себя игроками, имеющими право на принятие серьезных решений. Такая самостоятельность создавала угрозу снижения эффективности

управления сетью, вплоть до его полной утраты. Функционеры Коминтерна были явно лишние в новом раскладе. И архив АРКОСа, содержащий исчерпывающий перечень этих «лишних», должен был перейти к игроку, готовому радикально решить проблему доступными ему средствами. Перейти в целости и сохранности, так, чтобы ни одной бумажки, ни одного имени, ни одного банковского счета не потерялось. Для охраны такого ценного груза не только эсминца — авианосца было не жалко.

Вряд ли у Петра Золотусского возникала необходимость вербовать британского капитана — тот просто

выполнил приказ. Вряд ли к заслугам советской разведки можно отнести тот факт, что Москва была извещена о точной дате «налета на АРКОС» — эта дата была любезно сообщена «старшим партнером». Спектакль с «налетом» просто прикрывл операцию доставки архива на Лубянку, где он и был использован по полной программе. В течение последующих десяти лет были «стерты в лагерную пыль», покончили жизнь «самоубийством», погибли в автокатастрофах или при невыясненных обстоятельствах подавляющее большинство операторов процесса превращения экспроприированных бриллиантов в

сетевую структуру, связывающую «государство рабочих и крестьян» с экономикой «свободного рынка» и ставшую важнейшим элементом гибкого управления проектом под названием «СССР».

Некоторые пытались вырваться из этих жерновов, подобно упомянутому Вальтеру Кривицкому (ушел на Запад в 1937 г., «застрелился» в 1941 г.), и даже оставили воспоминания. Но большинство замолчало навсегда. И даже чудом выжив в лагерях, как тот же Петр Золотусский, они отнюдь не спешили просвещать современников об истинных пружинах процесса, в котором волею судьбы им довелось

принимать участие. Уцелел только самый верхний эшелон — единицы людей типа Ивана Майского, незаменимые посредники между главными участниками большой игры. Этот уровень вполне мог обслуживать решение конфиденциальных задач — будь то передача атомных секретов, организация экспорта уральских алмазов или весьма специфическое планирование освоения якутских алмазных месторождений.

Что же касается компании АРКОС, то она не только благополучно пережила упомянутый «налет» и прочие «притеснения» со стороны британских спецслужб. Это

наследство Л. Красина и И. Майского успешно функционирует и сегодня. Как и в 1920-е годы, современный АРКОС аффилирован с алмазным бизнесом и играет определенную роль в обеспечении контактов представителей англо-саксонской и российской элит. Штаб-квартира АО «Arcos Limited» по-прежнему находится в Лондоне, дислокация филиалов отражена в их названиях: «Arcos Hong Kong Ltd.», «Arcos East DMCC», «Arcos USA, Inc.», «Arcos Belgium N. V.», «Arcos Diamonds Israel Ltd.». Владелец этих предприятий является российский алмазный монополист — компания АЛРОСА. Прямые конфиденциальные

контакты советского руководства с владельцами «Де Бирс», установленные Л. Красиным в начале 20-х годов XX столетия, вышли на публичный уровень только в 1959 году. Исчерпывались ли эти контакты исключительно сферой алмазно-бриллиантового бизнеса? Учитывая вес клана Оппенгеймеров в системе глобальных неформальных надгосударственных структур, резонно предположить, что это взаимодействие распространялось на значительно более широкий класс управленческих задач. Документальных свидетельств этому не существует, в связи с чем полезно вспомнить один из принципов,

которого придерживаются крупные функционеры алмазного бизнеса со времен С. Родса и до настоящего времени: «Доверие не нуждается в документах». Действительно, даже сегодня, когда транспарентность бизнеса и строгость стандартов бухгалтерской отчетности возведены до уровня фетиша, крупные и очень крупные сделки на алмазно-бриллиантовом рынке часто фиксируются рукопожатием и кодовой фразой на иврите: «Мазал У 'Браха!» (благословение и успех, т. е. — мы договорились). А в первой половине XX века подобный способ «подписания договоров» на алмазном рынке был абсолютной

нормой. «Бездокументарная» практика алмазного рынка была одним из принципов, взятых на вооружение «Круглым столом» и более поздними организациями этого типа.

Глава 6 Последние годы СССР

*«Вот хороший пример
«козней монополистов» и
российско-советских
стереотипов восприятия.
Юрий Григорович,
директор Большого театра
и мой давний добрый
знакомец, был представлен
владельцам «Де Бирс» —
Оппенгеймерам. Они
познакомились, и сэр
Филипп Оппенгеймер даже
назвал одного из своих
знаменитых жеребцов*

Григоровичем. Надо заметить, что это редкая честь в таких кругах. Тем не менее, сам Григорович, не жеребец, пребывал в спокойной уверенности, что Оппенгеймеры грабят Россию, скупая якутские алмазы по дешевке».

Никита Д.
Лобанов-
Ростовский, Эпоха.
Судьба. Коллекция.
М., 2010 г.

«Моя деятельность была совершенно секретной, я отчитывался только перед тремя людьми: главой Центральной организации по сбыту Филиппом Оппенгеймером, Тэдди Доу и Монти Чарльзом. Сэр Филипп Оппенгеймер вел дела с СССР на протяжении 30 лет. За это время объем покупок советских алмазов увеличился с 56 000 долларов в 1959 году до одного миллиарда в 1991-м. Его правой и левой рукой были соответственно Тедди Доу и Монти Чарльз. Они, как и сам Оппенгеймер, – ветераны британской военной разведки, прошли Вторую мировую, каждый из них мог принимать решения, не ставя

об этом в известность других. При этом никакие решения не фиксировались на бумаге. Когда в 1988 году я хотел письменно изложить стратегию деятельности «Де Бирс» в СССР, мне дали понять, что писать ничего не нужно». Это цитата из интервью князя Никиты Лобанова-Ростовского, представлявшего интересы «Де Бирс» в СССР и РФ с 1988 по 1997 год.

Князь Н. Д. Лобанов-Ростовский.

Отпрыск древней русской аристократической фамилии, сын эмигрантов «первой волны», выпускник Оксфорда и Колумбийского университета, Н. Лобанов-Ростовский принадлежал к высшему эшелону посредников (класса И. Майского), связывающих советское руководство с глобальными надгосударственными структурами. Впервые он появился в Москве в 70-х годах XX столетия в качестве представителя банка «Уэллс Фарго». Это один из крупнейших мировых финансовых институтов с годовым оборотом более \$50 млрд. Наряду с

фондом Рокфеллеров, «Уэллс Фарго» является основным источником финансирования Трёхсторонней комиссии – одного из американских клонов «Круглого стола», созданного в начале 70-х годов под руководством Д. Рокфеллера и З. Бжезинского. В «Уэллс Фарго» Н. Лобанов-Ростовский занимал должность вице-президента, курирующего европейское, африканское и ближневосточное направления.

Статус Н. Лобанова-Ростовского был чрезвычайно высок: князь без проблем встречался с высшим руководством СССР, включая члена Политбюро ЦК КПСС, председателя КГБ, впоследствии Генерального

секретаря ЦК КПСС Ю. Андропова. По свидетельству Н. Лобанова-Ростовского: «В те поры от меня зависело многое в финансовом аспекте советско-американских отношений». Реалии советского политического процесса князь представлял вполне адекватно: «Насколько я понимаю, уже смертельно больной Андропов хотел сразу сделать лидером Горбачева, но опасался противодействия «партийных старцев» и пошел на промежуточный вариант Черненко (этот человек тоже был смертельно болен и умер через год, ничего не сделав)». После смерти Ю. Андропова князь вошел в «ближний

круг» М. Горбачева, установив
приятельские отношения с Р.
Горбачевой, на почве обоюдного
увлечения «русским духовным
наследием». Контакты

высокопоставленного представителя
финансового института,
обслуживающего Трехстороннюю
комиссию, именно с Ю. Андроповым
и М. Горбачевым вряд ли были
случайными и с большой
вероятностью могут рассматриваться
как прямой канал передачи
управляющих команд на демонтаж
советского проекта.

Итак, Н. Лобанов-Ростовский
стал официально представлять
интересы «Де Бирс» в СССР в 1988

году. В этом же году произошёл ещё ряд ключевых для алмазного рынка событий: истек и не был автоматически продлен срок очередного торгового соглашения СССР – «Де Бирс», решением Политбюро ЦК КПСС было создано «Главалмаззолото» на правах союзного министерства, функции экспорта алмазов перешли от Минвнешторга к «Главалмаззолоту». Как показало дальнейшее развитие ситуации, эти события свидетельствовали о переходе «на ручной режим» управлением советским алмазным проектом со стороны «Де Бирс». Необходимость в этом могла возникнуть только в

случае отчетливого понимания
Оппенгеймерами, что дни
Советского Союза сочтены.
Трансформация советской алмазной
промышленности в преддверии
близкой кончины СССР началась
намного раньше других отраслей: в
очередной раз алмазный рынок
выступал в роли модели для
англосаксонских клубов.

Раиса Горбачева и Филипп

Оппенгеймер (крайний справа).

«Главалмаззолото» возглавил Валерий Рудаков, заместитель министра цветной металлургии СССР. До прихода в Минцветмет он руководил «Якуталмазом» с 1978 по 1983 год. В. Рудаков был в то время одним из немногих представителей советской хозяйственной номенклатуры, кто был осведомлен о функционировании алмазно-бриллиантового комплекса СССР в мельчайших подробностях. Он отчетливо видел всю цепочку от горной добычи до экспорта в адрес «Де Бирс» со всеми ее труднообъяснимыми «странностями»: избыточными

темпами эксплуатации месторождений, в результате которых добывались алмазы, не востребованные рынком, нерентабельностью «русской огранки», бессмысленным содержанием огромных стоков Гохрана. Причиной такого состояния дел В. Рудаков считал административные разрывы в советском «алмазном трубопроводе» и общую его оторванность от мирового механизма ценообразования. Действительно, «Якуталмаз» добывал кристаллы и сдавал их в Гохран по условным ценам, Гохран часть полученного сырья складировал, часть отправлял

на гранильные заводы, опять же, по совершенно условным ценам, часть отдавал «Алмазювелирэкспорту», через который сырье попадало к «Де Бирс», на этот раз по ценам, близким к мировым, но полностью контролируемым транснациональной корпорацией. Мало того, что в этой громоздкой схеме участвовали предприятия четырех союзных министерств, что провоцировало перманентные бюрократические «пробуксовки», ее эффективность в принципе невозможно было оценить из-за того, что внутренние расчеты были построены на произвольно назначенных ценах, не имевших никакого отношения к реальным.

Манипуляции с такими ценами легко позволяли делать из реально убыточных предприятий рентабельные, но в целом, весь советский алмазно-бриллиантовый комплекс производил впечатление хорошо организованного хаоса, главной задачей которого было поддерживать и укреплять монопольное положение «Де Бирс».

Валерий Рудаков.

Получив возможность с высоты министерского кресла увидеть полную картину, В. Рудаков пришел к

закономерному выводу: хаос можно прекратить, если сосредоточить все звенья алмазно-бриллиантового комплекса – от добычи до продажи – в одной структуре, которая стала бы самостоятельным игроком на мировом рынке. А проще говоря – создать «советскую «Де Бирс». С такой плодотворной идеей новоиспеченный замминистра пришел к своему руководителю – престарелому сталинскому «зубру» П. Ломако. Реакция последнего была вполне предсказуема: «Знаешь, сынок, я к тебе очень хорошо отношусь. Но если ты еще раз заговоришь об отделении, я тебе башку оторву» (П. Вечерин. Горный

инженер Валерий Рудаков, М., 2009 г.). Такую фразу из уст бывшего комиссара отрядов по борьбе с бандитизмом следовало воспринимать серьезней, чем просто милую шутку, и на некоторое время инициатива В. Рудакова была предана забвению.

Идея В. Рудакова была совершенно правильная в коммерческом плане, но она имела один принципиальный недостаток — полностью противоречила той роли, которой отводили СССР англо-саксонские клубы, роли пассивного продавца сырья, не обладающего возможностью влияния на ценообразование на глобальных

рынках. Создание «советской «Де Бирс», безусловно, потенциально создавало возможность самостоятельной игры. Конечно, это понимал и многоопытный член ЦК КПСС П. Ломако. Но в отличие от В. Рудакова он также понимал, что хаос в советском алмазно-бриллиантовом комплексе не случаен, он спланирован, собственно говоря, это есть единственная форма его существования, согласованная со «старшим партнером». Шел 1983 год — демонтаж советского проекта еще только обсуждался, еще только намечались первые шаги на этом пути, и СССР пока должен был выполнять свою задачу в четко

определенных границах.

С началом «перестройки» положение коренным образом изменилось. В 1986 году М. Горбачев отправил П. Ломако в отставку. С 1987 года начинаются постоянные консультации В. Рудакова с представителями «Де Бирс». В апреле 1988 года выходит решение Политбюро ЦК

КПСС о создании «Главалмаззолота» со статусом союзного министерства. Кандидатура В. Рудакова на пост начальника «Главалмаззолота» вносится членом Политбюро ЦК КПСС Н. Рыжковым. Неожиданно кандидатура В. Рудакова встречает резкий протест со стороны

члена Политбюро Е. Лигачева, который заявляет, что располагает информацией о том, что В. Рудаков – «агент влияния». Назначается проверка КГБ, по результатам которой председатель КГБ В. Чебриков информирует Политбюро, что никаких претензий к В. Рудакову со стороны спецслужбы нет. Назначение состоялось. С огромной энергией В. Рудаков начинает собирать предприятия алмазно-бриллиантового комплекса под единой «крышей», фактически творчески адаптируя организационные схемы «Де Бирс» к российской действительности. «Де Бирс» весьма лояльно

относилась к революционным преобразованиям в советской алмазной индустрии. В июне 1989 года было заключено очередное торговое соглашение, содержащее ряд существенных отличий от предыдущих. Вводился постоянный контроль советской стороной за уровнем цен мирового рынка через продажи т. н. «контрольных отрезков»: от каждой экспортной партии отбиралось 5% и продавалось на свободном рынке. Цена оставшихся 95%, поступавших «Де Бирс», не могла быть ниже цены «контрольного отрезка». Кроме этого, была отменена комиссия, уплачиваемая российской стороной

за страховку, банковские гарантии, транспортировку и охрану доставляемых на склады «Де Бирс» советских алмазов. Такие договорные условия были исключительными в практике «Де Бирс».

*Филипп Оппенгеймер, Эдди Доу
и Н. Лобанов-Ростовский на
переговорах с «Главалмаззолото» в
1988 году.*

Поддержка «Главалмаззолота» со стороны «Де Бирс» достигла апогея в 1990 году и выразилась в уникальной сделке. «Де Бирс» выдавала гигантский несвязанный

кредит в миллиард долларов на пять лет под пять процентов годовых под залог 14,5 млн. карат ювелирного алмазного сырья, которое физически должно было быть доставлено в Лондон. Прецедентов такой операции в истории алмазного рынка не было. Операция завершилась блестящим успехом – огромный сток Гохрана «переехал» в Лондон, правительство СССР получило «живые деньги» для срочного латания дыр в стремительно разрушающейся экономике.

Не забывала «Де Бирс» и о прямом спонсировании ближайшего окружения М. Горбачева. Советский фонд культуры, в правление которого

входили Р. Горбачева и академик Д. Лихачев, получал через Н. Лобанова-Ростовского весьма крупные суммы, скрашивающие невзгоды «перестройки».

Чем объяснить такую либерализацию отношений между СССР и «Де Бирс» накануне закрытия советского проекта? Конечно, «Де Бирс» не пыталась спасти Советский Союз. Но в условиях «перестройки» управляемый хаос, в котором пребывал советский алмазно-бриллиантовый комплекс с момента своего создания, мог превратиться в хаос неуправляемый. С развалом союзных министерств могло

возникнуть множество мелких независимых компаний — в добыче, в огранке, в экспорте, через которые произошел бы неконтролируемый выброс на мировой рынок огромного количества советских алмазов. Единственным способом, позволяющим избежать этого крайне неблагоприятного для «Де Бирс» сценария, была предельная концентрация предприятий советской алмазной индустрии в одних руках, что и удалось сделать В. Рудакову. «Главалмаззолото», эта «советская «Де Бирс», в условиях быстрого умирания СССР была не опасна, а полезна для «Де Бирс» настоящей, и ее следовало

поддержать.

*Миллион долларов от «Де
Бирс» — советскому фонду
культуры.*

Одновременно с концентрацией отрасли вокруг «Главалмаззолота» осуществлялась ликвидация центробежных инициатив, часть которых была весьма серьезна: например, группа якутских депутатов пыталась организовать референдум об отделении алмазоносных районов от остальной Якутии. Жесткую оппозицию В. Рудакову составлял директор самого крупного (тогда около 80% годовой добычи «Якуталмаза») Удачнинского ГОКа Николай Уркин. Он прямо настаивал на превращение ГОКа в абсолютно самостоятельное предприятие с правом экспорта алмазов. 15 января 1991 года Н. Уркин, находясь в

командировке в Москве, выпал с 7-го этажа гостиничного комплекса «Измайлово». Это была далеко не единственная странная смерть в последние годы существования СССР среди людей, связанных с алмазной промышленностью. Якутский журналист Г. Окорокhov собрал досье по ряду таких случаев, и на основании этих материалов прокуратура РСФСР была вынуждена начать расследование. Однако вскоре Г. Окорокhov был насмерть сбит автомобилем — прямо у порога Якутского обкома КПСС. В конечном счете, ни одно из дел об «алмазных самоубийцах» не было расследовано, хотя в этот перечень попали не

только рядовые функционеры алмазной промышленности и офицеры КГБ, но и люди, входящие в номенклатуру ЦК КПСС, как, например, посол СССР в Ботсване Б. Асоян. В июне 1990 года было заключено очередное торговое соглашение между «Главалмаззолото» и «Де Бирс» – на сей раз на пять лет, в отличие от привычных трех. Условия соглашения предусматривали его исполнение независимо от любых политических обстоятельств. Судя по всему, судьба СССР договаривающимся сторонам была абсолютно ясна.

Глава 7 Создание АЛРОСА и якутская проблема

*«После развала
Советского Союза «Фонд
будущих поколений»,
Комдрагмет Республики
Саха (Якутия) и фонд
«САПИ» являются
главными внебюджетными
фондами, в которых
накапливаются доходы от
продажи золота и алмазов.
Слияние этих фондов с
бюджетом было бы*

желательным с точки зрения финансовой прозрачности, однако продолжать «прятать» эти средства от русских националистов в Госдуме в существующей ситуации представляется мудрой стратегией».

Джон Тихоцкий,
Алмазная колония
России:

Республика Саха
(Якутия), Якутск,
2001 г.

«Главалмаззолото» успешно консолидировало советский алмазно-бриллиантовый комплекс, но такая консолидация организационно и идеологически могла существовать только в условиях СССР, по сути, являвшегося унитарным государством. Амбиции региональных элит советских союзных и тем более автономных республик никогда не распространялись на минерально-сырьевую базу, имеющую экспортное значение, и соответствующие добывающие предприятия, находящиеся на их территориях, — это была вотчина союзных министерств. Развал СССР

принципиально изменил ситуацию, и «якутский фактор» стал играть существенную роль в дальнейшей эволюции российского, следовательно, и мирового алмазного бизнеса.

Еще в 1989 г. группой якутских национально-ориентированных интеллектуалов, входящих в ближнее окружение Председателя Президиума ВС ЯАССР М. Николаева, была разработана «Концепция самоуправления и самофинансирования ЯАССР». В этом документе содержались «доказательства» самодостаточности экономики Якутии, базирующиеся на «анализе» баланса экспорта-импорта

минерального сырья, рассчитанного по мировым ценам. Тезисы этой «Концепции» были более чем спорны – документ носил скорее характер политической декларации, а не экономической программы. Но вокруг идей «Концепции» стараниями М. Николаева началась быстрая кристаллизация кадров, преимущественно этнических якутов, отличающихся сепаратистскими и националистическими настроениями.

В сентябре 1990 г. ВС ЯАССР принял «Декларацию о государственном суверенитете Якутской-Саха ССР», в основу

которой легли тезисы «Концепции». Среди многочисленных выраженных сепаратистских положений «Декларации» содержалось следующее: «Земля, ее недра, воды, леса, растительный и животный мир, иные природные ресурсы, воздушное пространство и континентальный шельф на территории Республики являются ее исключительной собственностью». Таким образом, месторождения алмазов, эксплуатируемые ПНО «Якуталмаз», подчинявшимся союзному «Главалмаззолоту», объявлялись республиканской собственностью.

13 августа 1991 г. ВС Якутской-Саха ССР принял одностороннее

решение об объявлении
государственных предприятий,
объединений, организаций,
учреждений, расположенных на
территории республики, ее
собственностью. Так фактически
произошел захват якутской
управленческой элитой
имущественного комплекса
алмазодобывающей
промышленности.

Принятию «Декларации» и
захвату собственности ПНО
«Якуталмаз» предшествовали
сепаратные переговоры М. Николаева
и Б. Ельцина в июне 1990 г.
Содержание их не
протоколировалось, но ряд

источников утверждает, что М. Николаев, кроме публичной политической поддержки, предложил Б. Ельцину поддержку финансовую, основанную на денежных потоках, генерируемых якутской золотодобычей. С этого момента между М. Николаевым и Б. Ельциным установились дружеские отношения, сохранявшиеся все время пребывания Б. Ельцина на посту Президента РФ. Благодаря этим отношениям предложения М. Николаева по организации алмазно-бриллиантового комплекса в дальнейшем получали неизменный приоритет.

15 сентября 1991 г. Якутия

полностью прекратила отгрузку в адрес Гохрана СССР алмазов и золота. В течение довольно продолжительного времени (около 3-х месяцев) алмазы и золото, добываемые в Якутии, хранились на территории республики, не обладавшей в то время соответствующей инфраструктурой, не подвергались учету и контролю со стороны уполномоченных ведомств союзного подчинения, фактически находясь в полном распоряжении республиканского руководства. На основе этих ценностей вполне мог формироваться финансовый поток, направляемый на реализацию тактических политических целей Б.

Ельцина, включая подготовку Беловежского соглашения. Первый якутский алмаз, поступающий уже в Гохран РФ, был передан М. Николевым Б. Ельцину 11 декабря 1991 г. – через три дня после ликвидации СССР. В этот же день Б. Ельцин подписал указ «О полномочиях Якутской-Саха ССР в распоряжении природными ресурсами республики», что было своеобразной платой за политическую и экономическую поддержку.

На базе этого указа 19 февраля 1992 г. был принят указ «Об образовании акционерной компании (ЗАО) «Алмазы России»

(впоследствии – «Алмазы России – Саха» – АЛРОСА), на основании которого Якутия передавала в аренду новой компании месторождения и имущество «Якуталмаза». Российская сторона выделяла компании товарный кредит в 8 миллионов карат высокосортного алмазного сырья сроком на 7 лет, с условием погашения из текущей добычи. Этот кредит был своевременно погашен, однако большая часть его была возвращена не в российскую казну, а направлена в распоряжение правительства Якутии специальным указом Б. Ельцина от 1 ноября 1993 г. (С. Степанов, АЛРОСА: прошлое и

настоящее, М., 2002 г.)

*Михаил Николаев вручает
Борису Ельцину алмаз «Свободная
Россия» 11 декабря 1991 года.*

Доли в акционерном капитале
новой компании были распределены
следующим образом: 32% —
Мингосимущество РФ, 32% —
Мингосимущество Якутии, 8% —

улусы, на территории которых ведется алмазодобыча, 5% – фонд социальных гарантий военнослужащим, 23% – трудовой коллектив компании. Таким образом, контрольный пакет отсутствовал, Якутия de facto становилась самым крупным акционером, РФ довольствовалась блок-пакетом. В результате менеджмент компании получал потенциальную возможность оказывать на принятие стратегических решений решающее влияние. Вокруг формирования команды управленцев и развернулся первый конфликт акционеров.

***Алмаз «Свободная Россия»,
241,8 карата.***

Первым президентом АЛРОСА стал бывший руководитель «Главалмаззолота» В. Рудаков. Это назначение выглядело чрезвычайно удачным — вряд ли в то время в России был человек, разбирающийся

в алмазном бизнесе лучше и к тому же обладавший контактами с «Де Бирс» на самом высоком уровне. Но выдающийся профессиональный потенциал В. Рудакова не был реализован – уже в августе 1993 года он ушел в отставку. Причин было много – от разногласий с якутским акционером, чьи амбиции постоянно возрастали, до конфликтов с влиятельными функционерами из нового российского правительства, проталкивающими всевозможные варианты приватизации алмазной отрасли, часто имеющие откровенно криминальную окраску.

Андрей Кириллин.

Вторым президентом стал А. Кириллин, этнический якут, убежденный сторонник

национально-ориентированной политики М. Николаева, один из авторов вышеупомянутой «Концепции самоуправления и самофинансирования ЯАССР». Это назначение, разумеется, полностью устраивало якутскую сторону, но было скептически воспринято остальными участниками процесса, и в августе 1995 года А. Кириллин уступил президентское кресло бывшему премьеру Якутии В. Штырову. Последний оказался человеком, способным в полной степени реализовать возможности, заложенные в неординарном распределении долей акционерного капитала.

В полном соответствии с известной формулой Б. Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете», интересы якутского акционера в АЛРОСА обеспечивались в первую очередь. Якутия в соответствии с договором от 19 января 1993 г. получала в качестве арендной платы (за фактически неправомочно захваченный в 1991 г. имущественный комплекс «Якуталмаза») 25% от стоимости всех реализованных алмазов, плюс 5% за невозобновляемые природные ресурсы, плюс 2% за компенсацию экологического ущерба. Кроме того, АЛРОСА обязывалась продавать

Якутии 20% ювелирных алмазов из текущей добычи по себестоимости (позднее эта квота была увеличена до 25%). К концу 1990-х годов бюджет Якутии формировался на 80% за счет поступлений от АЛРОСА.

В Якутии был создан некий конгломерат из государственных структур (Комдрагмет, ЯПТА – Якутское предприятие по торговле алмазами, Алмазный совет при президенте Якутии), внебюджетных фондов («Фонд будущих поколений», фонд САПИ – Сахаалмазпровинвест) и аффилированных с ними банков и гранильных предприятий. В 1994 году было создано ОАО «Нижне-Ленское» (100% собственность

Якутии), которое занялось добычей алмазов на богатейших россыпных месторождениях, находящихся на севере республики. Этот конгломерат, практически не контролируемый федеральными властями, позволил Якутии стать крупнейшим игроком на мировом рынке алмазного сырья, спекулируя им по демпинговым ценам и тем самым отчасти подрывая рыночные позиции и деловую репутацию АЛРОСА. М. Николаев и его окружение, которое он настойчиво внедрял в алмазный бизнес, стали обладателями крупных состояний, значительные средства были направлены на развитие

инфраструктуры Якутска, на
культивирование якутской
национальной культуры, на создание
и поддержку всевозможных
атрибутов «независимости» и
«якутской государственности».

Но, в конечном счете, такое
«купание» якутского истеблишмента
в «алмазных» деньгах сыграло
позитивную роль. Когда с приходом к
власти В. Путина настало время
возвращать алмазный бизнес в
федеральное лоно, якутские
национальные лидеры, и прежде
всего – харизматичный М. Николаев,
сочли за благо не рисковать
созданными состояниями и довольно
легко распрощались с пресловутым

«суверенитетом». Дальнейшая
борьба за «якутскую
государственность» стала уделом
незначительного числа маргиналов
из среды творческой интеллигенции,
не обладающих реальным
политическим влиянием и
периодически используемых всеми
сторонами конфликта.

Топ-менеджмент компании,
вошедший в команду В. Штырова,
погрузил АЛРОСА в плотную
атмосферу дочерних предприятий и
контрагентов, конечным
бенефициаром которых он часто сам
и являлся. Это касалось и сбыта
основной продукции (особенно в
части алмазного сырья, выделяемой

на нужды «якутской гранильной промышленности»), и расходной части бюджета – капстроительства, диверсификационных проектов, закупок и т. д. Физическая удаленность производственных площадок АЛРОСА от Москвы, сама ее регистрация в Мирном (Якутия), тесные отношения топ-менеджмента (как правило – выходцев из «Якуталмаза» и из партийных и советских структур Якутии) с окружением М. Николаева делали малоэффективными любые попытки контроля компании со стороны федерального центра. А личная дружба М. Николаева и Б. Ельцина придавала устойчивость

сложившейся ситуации.

В результате федеральный акционер оказался в весьма жалком положении, довольствуясь более чем скромными дивидендами — около 3 млн. долл. в год. Это было все, что российская казна получала от алмазной отрасли.

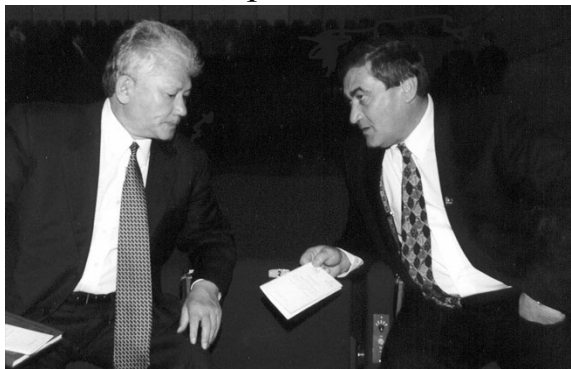
Вячеслав Штыров (в центре).

В отличие от А. Кириллина, В.

Штыров проявил себя весьма способным руководителем, а в отличие от В. Рудакова – довольно «выносливым» и гибким политиком. За время его президентства АЛРОСА сделала несколько существенных шагов в развитии, к которым следует отнести освоение Накынского алмазного поля, архангельский и ангольский проекты, «Алмазы Анабара» (дочернее предприятие АЛРОСА, работающее на россыпных месторождениях) и ряд других успешных начинаний. К числу «политических» успехов следует также отнести указ Б. Ельцина «О порядке ввоза на территорию РФ и вывоза с территории РФ

необработанных алмазов и бриллиантов» и «Закон о драгоценных металлах и камнях», кардинально укрепивших законодательную базу в интересах АЛРОСА. Опираясь на поддержку М. Николаева, В. Штыров не без потерь, но в целом успешно, отбил ряд атак, направленных на расчленение АЛРОСА на «добывающую» и «продающую» части, на срыв соглашения с «Де Бирс», на ограничение монопольного права АЛРОСА распоряжаться собственной продукцией и т. д. Эти атаки исходили от кругов, близких к А. Чубайсу и А. Волошину, недовольных превращением АЛРОСА de-facto в

республиканскую компанию и иницилирующих различные схемы ее расчленения, приватизации и федерализации, разумеется, не упуская из вида собственные интересы. Но пока существовал альянс Б. Ельцин – М. Николаев, команде В. Штырова такие попытки удавалось ликвидировать.

М. Николаев и В. Штыров.

Разумеется, коллизии в российском алмазно-бриллиантовом комплексе не оставались без внимания со стороны «Де Бирс». Бесспорно, «Де Бирс» была заинтересована в том, чтобы российская алмазная отрасль оставалась для нее прозрачной, прогнозируемой и была лишена малейшей возможности проводить самостоятельную ценовую политику. Между тем, в обстановке экономической и политической турбулентности «лихих 90-х годов» попытки дестабилизировать алмазный рынок с помощью розыгрыша «российской карты» возникали постоянно.

Наиболее серьезная из таких попыток связана с именем Евгения Бычкова – руководителя Гохрана в последние годы существования СССР и начальника «Роскомдрагмета» в РФ. Е. Бычков входил в ближнее окружение Б. Ельцина и был дружен с первым российским президентом еще с тех пор, когда возглавлял в Свердловске крупнейший союзный завод по переработке металлов платиновой группы (Б. Ельцин в те годы возглавлял Свердловский обком КПСС). Бычков позиционировал себя в качестве принципиального противника соглашения между СССР и «Де Бирс», утверждая, что в результате «кабального» договора

Советский Союз теряет не менее 20% от стоимости экспортируемых алмазов. Причем дело не ограничивалось теоретическими расчетами — ряд источников упоминает, что весной 1989 года Е. Бычков провел сделку в объеме около \$40 млн с бельгийскими компаниями в обход соглашения с «Де Бирс». Превентивная служба «Де Бирс» сделку засекла и предъявила претензии советскому руководству. Дело Е. Бычкова было рассмотрено Комитетом партийного контроля с объявлением ему выговора.

Конечно, для людей, достаточно близко знакомых с механизмом функционирования хозяйственно-

административного аппарата СССР, такая трактовка сделки, проведенной Е. Бычковым, выглядит невероятной. Советский чиновник высокого ранга в здравом уме и твердой памяти никогда бы не пошел на подобную авантюру без санкции свыше, причем санкции, согласованной в трех инстанциях: профильном отделе ЦК, Минфине (в который входил Гохран) и соответствующем управлении КГБ, на «плечи» которого ложилось техническое обеспечение сделки. Нарушить международный договор, без приказа снять с баланса ценности госфонда, нелегально, фактически контрабандой перебросить алмазов на \$40 млн

минимум через две границы, непонятно каким образом и на каких основаниях оприходовать полученные деньги — и все это советский бюрократ сделал по собственной инициативе? Мотив? Доказать, что договор с «Де Бирс» — «кабальный»? По всем признакам Е. Бычков совершил преступление — и должностное и уголовное, причем тяжкое, и в лучшем случае должен был надолго упрятан за решетку, а в худшем — расстрелян (в СССР тогда еще применялась смертная казнь). Но в качестве наказания последовал лишь партийный выговор. И оставление в должности с последующим расширением

ПОЛНОМОЧИЙ.

Евгений Бычков.

Столь странную «репрессию» можно объяснить исключительно наличием высшей санкции на незаконный экспорт. В 1989 году СССР уже откровенно дышал на ладан, вполне возможно, что советскому руководству срочно потребовалось заткнуть какую-

нибуть финансовую дыру, и соблазн прибегнуть для этого к огромным стокам Гохрана оказался непреодолим. В ряде источников есть упоминания и о других «параллельных поставках» алмазов из Гохрана, скорее всего, «Де Бирс» просто закрывала на них глаза, снисходя к финансовым трудностям эпохи «перестройки». Не исключено, что поставкой 1989 года Е. Бычков превысил некую неформальную квоту на такие операции, что и вызвало раздражение «Де Бирс». Но как бы там ни было, можно утверждать, что Е. Бычков убедительно продемонстрировал, что владеет техникой продаж помимо

соглашения с «Де Бирс». И когда СССР отошел в лучший мир, а Е. Бычков возглавил «Роскомдрагмет» в новом российском правительстве, позиции противоборствующих сторон обозначились вполне отчетливо. В 1993—1996 годах Е. Бычков ударными темпами распродал огромные стоки госфонда совместным российско-израильским и российско-бельгийским «гранильным предприятиям», которые появлялись и исчезали многими десятками, в большинстве своем огранкой не занимались, а были прикрытием санкционированного экспортного «параллельного» канала, мощность

которого составляла по разным оценкам от \$0,5 млрд до \$0,9 млрд в год. Как и в случае с «параллельными поставками» времен СССР подобные шалости были невозможны без разрешения руководства страны. Режим Б. Ельцина отчаянно нуждался в деньгах, и «Де Бирс» фактически согласилась «потерпеть» эту довольно болезненную для алмазного рынка экспансию. В эти годы Израиль стал крупнейшим экспортером сырых алмазов, не добывая на своей территории ни единого карата, а некоторые контрагенты Е. Бычкова сколотили значительные состояния и прочно утвердились в элите мирового

алмазного бизнеса. Наиболее яркий представитель этой плеяды Лев Леваев даже удостоился пышного заголовка в «Forbes»: «Человек, который взломал De Beers». Однако, по словам князя Лобанова-Ростовского, все было гораздо более прозаично: «Евреи, оказавшись между двух огней, все доносили «Де Бирс». Так было в 1988 году, когда Гохран через фирму АНТ провел экспорт через Менди Казирера, Самуила Векслера, Марселя Тугендхафта и Чарльза Ромнера. Так было в 1992 году, когда Якутия продала алмазы в Швейцарии. Так было в 1993 году, когда московская фирма «Голден АДА» продала

алмазы в Лондоне Джеку Роту. Так было и в 1994—1995 годах, когда они буквально выстраивались в очередь в лондонском офисе «Де Бирс», чтобы «настучать» друг на друга и на Бычкова».

Тем временем, вошедший во вкус «борьбы с мировым алмазным монополистом» Е. Бычков возглавил некое разношерстное лобби, поставившее своей задачей ликвидировать соглашение с «Де Бирс» и организовать самостоятельный выход России на мировой рынок. Но здесь шутки кончились: одно дело спонсировать режим, являющийся неким промежуточным этапом

определенного проекта, и совсем другое – позволить вмешаться, хотя бы и косвенно, в сам процесс геополитического проектирования. Весной 1996 года на Е. Бычкова было заведено уголовное дело, а летом «Роскомдрагмет» прекратил свое существование, даже личная дружба Е. Бычкова с Б. Ельциным не помогла. Впоследствии Е. Бычков неоднократно высказывался о том, что своим поражением обязан именно влиянию «Де Бирс» в российских коридорах власти. С этим вполне можно согласиться, особенно учитывая снисходительную оценку князя Лобанова-Ростовского: «К сожалению, такие люди, как

Бычков, местечковые. Они являются профессионалами только у себя в кабинете, но остального мира они не знают». Вряд ли князь имел в виду отсутствие у Е. Быčkova адекватных географических представлений. «Остальной мир». Если у вас нет доступа туда, где принимаются решения, попытка хотя бы на короткое время почувствовать себя самостоятельным игроком обходится дорого.

В июле 1997 года Б. Ельцин издал Указ № 740, первый пункт которого гласил: «Принять предложение Правительства РФ о дальнейшем сотрудничестве с корпорацией «Де Бирс». В октябре

1997 года было подписано очередное соглашение с «Де Бирс», сохраняющее одноканальную систему российского алмазного экспорта.

Несмотря на потепление отношений, проблема «параллельного экспорта» продолжала беспокоить высокие договаривающиеся стороны. И если к 1997 году стоки Гохрана практически были распроданы, то поведение якутского акционера АЛРОСА окончательно вышло за рамки приличий. В соответствии с заключенным в 1992 году Соглашением о разделении полномочий между республикой и

федеральным центром, 25% текущей добычи АЛРОСА поступало в распоряжение якутских властей и теоретически должно было обрабатываться республиканскими гранильными заводами. Причем сырье от

Подписание очередного договора с «Де Бирс». Сидят (слева направо): Г. Рэйф, Н. Оппенгеймер, В. Штыров.

АЛРОСА доставалось якутским гранильщикам по ценам в среднем на 20% – 40% ниже мировых и с отсрочкой платежей до 120 дней, т. е. в форме беспроцентного товарного кредита. На практике это сырье под видом давальческой обработки в массе своей покидало пределы Якутии и «якутская гранильная промышленность» попросту играла роль никем не контролируемого посредника, практикующего безбожный демпинг на мировом рынке. Почти 70% якутских гранильных заводов находились в состоянии перманентного банкротства, но продолжали исправно получать алмазы от

АЛРОСА, впрочем, эти кристаллы долго в Якутии не залеживались. Горькие стенания Счетной палаты РФ по поводу оригинального якутского «бизнеса» раздавались чуть ли не ежегодно: «. имеет место серьезная диспропорция между объемом оставляемых в РС(Я) на сортировку и оценку алмазов и их огранкой на предприятиях республики. Так, в год, предшествовавший проверке, гранильными предприятиями республики было обработано алмазов объемом 554,5 тыс. каратов общей стоимостью 117 945,6 тысяч долларов США. А количество оставляемых в РС(Я) алмазов

составило примерно 8,7 млн. карат».

Уход Б. Ельцина с поста президента РФ практически обнулил политическое влияние М. Николаева. Нового президента РФ В. Путина не устраивали ни фрондирующие «якутские государственники», ни «чисто якутская» АЛРОСА. Процесс федерализации компании de-facto стартовал вместе с президентскими выборами в Якутии. С помощью административных рычагов М. Николаев был отстранен от участия в выборах, а В. Штыров в январе 2002 года стал президентом Якутии, потеряв кресло президента АЛРОСА. Незадолго до этих выборов, в апреле 2001 г., В. Путин подписал

распоряжение Правительству РФ №Пр-642 о защите государственной собственности в алмазно-бриллиантовом комплексе Республики Саха (Якутия) и возвращению федеральной доли в уставном капитале компании АЛРОСА. Срок исполнения был установлен 1 июня 2001 года. Но единственное, что удалось сделать довольно быстро – присоединить к федеральному пакету акции фонда социальных гарантий военнослужащих, доведя его таким образом до 37% (2002 г).

Решение о федерализации АЛРОСА было принято задолго до аналогичных по смыслу решений в

других российских бюджетно-образующих отраслях (дело ЮКОСа, например). Фактически, это была «первая ласточка» путинской политики усиления госкапитализма и централизации власти. Такое стремление к ликвидации российской алмазной анархии вполне отвечало интересам «Де Бирс». В декабре 2001 года в Якутске было подписано очередное и последнее торговое соглашение между АЛРОСА и «Де Бирс». Соглашение подписали от российской стороны В. Штыров, а от «Де Бирс» – Н. Оппенгеймер и Г. Рэйф. Процедуру почтили своим присутствием вице-премьер

Правительства РФ, министр финансов А. Кудрин и М. Николаев. Беспрецедентный визит Никки Оппенгеймера в Якутск был одним из ключевых моментов PR-кампании В. Штырова и явным реверансом в адрес федеральных властей, которые эту кампанию активно поддерживали. Разрыв тандема М. Николаев – В. Штыров создавал потенциальную возможность возвращения алмазной отрасли под федеральное управление, что в том числе вело и к ликвидации всевозможных «параллельных» экспортных схем. Но, как показали дальнейшие события, от потенциальной возможности до

конкретного результата был долгий путь. После получения В. Штыровым поста президента Якутии, республиканский акционер стал тормозить федерализацию АЛРОСА всеми ему доступными силами и средствами: от соответствующих решений республиканского парламента (Постановление Государственного Собрания (Ил Тумэн) «О защите интересов Республики Саха (Якутия) в АК «Алроса» (ЗАО)» от 19. 04. 2004 г.) до создания специализированных СМИ и общественных организаций «возмущенных якутских граждан». Вначале 2003 года в Якутске была зарегистрирована «Якутская газета»

— издание, отличающееся
выраженной националистической
окраской. Финансировалась
«Якутская газета» через
алмазодобывающее предприятие
ОАО «Нижне-Ленское» (100%
собственность Якутии),
председателем наблюдательного
совета которого был в то время
премьер Якутии Е. Борисов.
«Якутская газета» выступала по
«алмазному вопросу» с крайних
националистических позиций,
угрожая превращением Якутии «во
вторую Чечню» в случае
федерализации АЛРОСА. Для
усиления этого эффекта редакторы
«Якутской газеты» вступили в

контакт с руководством сайта чеченских сепаратистов «Кавказ-Центр» и стали регулярно публиковать на этом ресурсе свои статьи антифедеральной направленности. В дополнение к «Якутской газете» было инициировано создание т. н. «Народного фронта Якутия-АЛРОСА», призывы и обращения которого также стали публиковаться на «Кавказ-Центре».

Егор Борисов.

Одновременно была сделана попытка оказать давление на федеральный центр, используя либеральную оппозицию. Сотрудники «Якутской газеты» вошли в контакт с «Объединенным гражданским фронтом» (ОГФ) Г. Каспарова и открыли в Якутске филиал этой организации. Используя связи ОГФ, им удалось привлечь

внимание к проблеме федерализации АЛРОСА крупных западных СМИ, корреспонденты которых приезжали в Якутию и снабжались соответствующей информацией через якутское отделение ОГФ. Результатом явился ряд публикаций выраженной антироссийской направленности, в которых взаимоотношения федерального центра и Якутии в алмазной сфере характеризовались как «грабеж», «захват», «колонизация» и т. п.

Владимир Калитин.

Медийная атака на федеральный центр, развиваемая как в направлении демонстрации сепаратистской и националистической угрозы, так и в направлении обвинения в «колонизации Якутии» со стороны крупных западных изданий, безусловно, способствовала затягиванию процедуры федерализации АЛРОСА. Одновременно В. Штыров пытался удержать позиции своей команды в АЛРОСА, поставив в качестве «технического» президента В. Калитина, неспособного к самостоятельным решениям и

первоначально во всем послушного В. Штырову. Представители команды В. Штырова продолжали полностью контролировать наиболее важные узлы хозяйственного механизма АЛРОСА: Центр сортировки алмазов (ЦСА), Единую сбытовую организацию (ЕСО), Якутское предприятие по торговле алмазами (ЯПТА), Мирнинский акционерный банк (МАК-банк) и ряд ключевых административных постов. Между тем, в компанию были инкорпорированы представители двух властных группировок: бывший председатель Гохрана Г. Кузнецов (от А. Волошина) и А. Ничипорук (от А. Кудрина) – оба рассматривались как

претенденты на пост президента. В результате длительной интриги В. Калитин вышел из-под влияния В. Штырова и в 2004 году уступил пост президента компании А. Ничипоруку. Г. Кузнецов, предлагавший крайне радикальные изменения в сбытовой политике (переориентацию сбыта на Ближний Восток) был вынужден компанию покинуть.

Герман Кузнецов (в центре).

С приходом А. Ничипорука на пост президента АЛРОСА ставки поменялись: для В. Штырова резко увеличился риск потерять свою команду в АЛРОСА, а с ней и контроль над значительной частью

финансовых потоков компании. Одновременно запущенный процесс федерализации рано или поздно грозил не менее резко сократить влияние якутского акционера в компании. В декабре 2005 г. В. Штыровым, А. Кудриным, Г. Грефом, А. Ничипоруком был подписан протокол «О защите государственной собственности в алмазно-бриллиантовом комплексе Республики Саха (Якутия)», регламентирующий порядок увеличения федеральной доли в уставном капитале АЛРОСА до 50% плюс 1 акция, а также устанавливающий процедуру возвращения имущественного

комплекса ПНО «Якуталмаз» в
федеральную собственность и
соответствующие компенсации
Якутии.

Александр Ничипорук.

Протокол был следствием
компромисса. Шаг по направлению к
федерализации АПРОСА
компенсировался для В. Штырова

сохранением ключевых фигур его команды в компании и возможностью контролировать значительную часть ее финансовых потоков. Попытка А. Ничипорука активно вмешаться в этот процесс закончилась его отставкой. В 2007 г. АЛРОСА возглавил С. Выборнов, а В. Штыров был переназначен на пост президента Якутии.

В июне 2008 г. А. Кудрин заявил, что сделка по увеличению федерального пакета в АЛРОСА до 50%+1 акция завершена. Между тем, команда В. Штырова продолжала контролировать значительную часть АЛРОСА. Попытки С. Выборнова ослабить этот контроль были

неудачны. В 2009 г. АЛРОСА возглавил Ф. Андреев.

В мае 2010 года новый президент РФ Д. Медведев подписал указ о досрочном прекращении полномочий В. Штырова на посту президента Якутии. Вполне вероятно, что одной из причин этого решения было намерение окончательно ослабить влияние якутской властной группировки на АЛРОСА, поскольку сменивший В. Штырова на посту президента Якутии Е. Борисов команду В. Штырова, еще остающуюся в АЛРОСА, не контролировал.

Попытки менеджеров, входящих в «штыровскую команду», удержать

контроль над значительными финансовыми потоками АЛРОСА продолжались еще некоторое время, внешне проявляясь то в медийных кампаниях, направленных против менеджмента, представляющего федеральную сторону, в первую очередь – против Ф. Андреева, то в своеобразных апелляциях к кремлевской администрации, исполненных в виде «писем возмущенных трудящихся», по стилю и аргументации живо напоминающих советские времена.

Сергей Выборнов.

На стороне федерального акционера выступили и влиятельные зарубежные клиенты АЛРОСА, очевидно сильно утомленные экзотическими сбытовыми схемами, практикуемыми старой командой. В декабре 2011 года влиятельный израильский портал ISRAland

сообщил, что озабоченность крупных израильских покупателей российского алмазного сырья стала предметом обсуждения на встрече Владимира Путина и главы израильского МИД Авигдора Либермана: «Израильские диамантеры указали на ряд коррупционных, по их мнению, механизмов, связанных с незаконным оборотом алмазного сырья в России, в которых участвовали менеджеры АЛРОСА, связанные с интересами LLD (Lev Leviev Diamond) еще с конца 1990-х годов. Эта информация вызвала резкую негативную реакцию В. Путина, который потребовал от руководства АЛРОСА исправить

положение самыми радикальными мерами. Указывалось, что источником «левого» сырья для LLD выступает Центр сортировки алмазов АЛРОСА, откуда наиболее качественные алмазы поступали в Якутск и далее напрямую российским компаниям Леваева по внутрироссийским ценам. Остальные израильские бизнесмены часто вынуждены были довольствоваться алмазами более низкого качества и по более высокой цене». Претензии в адрес «якутской команды» в экспорте алмазов по аналогичным серым и черным схемам, а также в диком демпинге уже давно поступали из

авторитетных зарубежных источников, к которым российская сторона не могла не прислушаться. И в 2011—2012 годах старая команда подверглась радикальной федеральной санации и практически перестала существовать. Одновременно с потерей позиций в алмазном бизнесе угас и якутский «суверенитет», окончательно превратившись в откровенную декорацию.

Федор Андреев.

Разумеется, было бы нелепо искать в частных эпизодах этой внутрироссийской борьбы за алмазные активы «руку «Де Бирс». Но также нелепо было бы отрицать, что якутская элита потерпела поражение, пытаясь действовать против мощного тренда, стартовавшего из алмазной сферы и затронувшего все без исключения добывающие отрасли РФ. Кто был самым заинтересованным в этом тренде игроком — догадаться несложно.

Борьба между федеральным центром и якутской элитой за контроль над АЛРОСА может рассматриваться как неотъемлемая

часть процесса построения специфического госкапитализма в России, процесса, начавшегося с приходом к власти В. Путина. В течение десяти с небольшим лет все сырьевые компании – генераторы бюджета РФ, были поставлены под жесткий централизованный контроль с помощью наработки соответствующей законодательной базы, а в ряде случаев – с помощью силовых методов. Возможность региональных элит контролировать сырьевой экспорт была практически сведена к нулю, «правильное» поведение владельцев и менеджеров частных компаний определялось отныне возможностью федеральной

власти «прислать доктора» в любой момент. Этот простенький эвфемизм, высказанный В. Путиным в 2008 году в адрес угольной компании «Мечел», в моменте обвалил ее акции на Нью-Йоркской бирже на \$ 5 млрд. Причина? «Мечел» пытался демпинговать на мировом рынке, продавая уголь по ценам ниже внутренних. Это была попытка, вполне самостоятельная, вмешаться в процесс ценообразования на угольном рынке, и она крайне не понравилась контролерам этого рынка, таким, как «Англо-Америкен». А потому была жестко и оперативно пресечена. Скорее всего, путинский

госкапитализм был единственной
возможностью избежать
политического и экономического
разложения России, сохранив ее в
качестве прозрачного управляемого
сырьевого экспортера, и в этом
смысле — подлинного наследника
СССР. Любые попытки
самостоятельной ценовой игры,
какими бы мотивами они ни были
вызваны, отныне пресекались
кремлевским руководством в
зародыше. И вряд ли можно
отрицать, что номинальные
владельцы российских добывающих
активов, «олигархи» — всего лишь
послушные исполнители воли
кремлевского руководства. Впрочем,

это вполне достойный способ существования для спутников подлинных контролеров мировых рынков. История знает куда более мрачные варианты.

Глава 8 Как и почему прикончили белую ЮАР

*«Когда англичане
открыли против нас
сильный огонь, один еврей,
подойдя к буру, лежащему
за камнем, сказал ему:*

*— Продай мне твое
место за полкроны.*

*— Уходи! — отвечал
тот. — Мне и самому тут
хорошо.*

*— Я дам тебе
пятнадцать шиллингов, —*

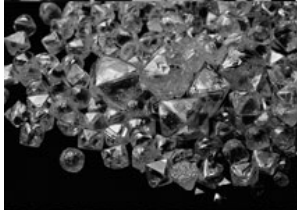
продолжал еврей.

Но, несмотря на то, что бур, может быть, первый раз в жизни признавал себя обладателем чего-то такого, что непомерно росло в цене, он не стал вступать в переговоры с евреем и отклонил торговлю».

*Х. Р. Девет,
Война буров с
Англией, М., 2010 г.*

End Apartheid

Практически одновременно с закрытием советского проекта прекратил свое существование режим апартеида в ЮАР. «Алмазная составляющая» в истории этого государства позволяет получить убедительную иллюстрацию тезиса о том, что контроль над сырьевыми рынками является подлинной основой власти, а идеологические конструкции — лишь тактические инструменты, этот контроль обеспечивающие. А также понять, что ликвидация СССР и белой ЮАР совсем не случайно совпадают по времени. Создатель алмазной монополии «Де Бирс» и первого неформального надгосударственного

элитарного клуба «Круглый стол» Сесил Родс был последовательным расистом и своих убеждений не скрывал. Афоризмы типа: «Ученый негр, господа, это крайне опасное существо!» частенько слетали с его уст, и карьера представителей чернокожего населения в «Де Бирс» тех лет строго ограничивалась уровнем кирки и тачки.

Гарри Оппенгеймер.

Основатель горнодобывающего гиганта «Англо-Америкен», член «Круглого стола» и президент «Де Бирс» до 1957 года Эрнст Оппенгеймер в публичных

выступлениях проблему расовых отношений старался не комментировать, но именно в период его руководства «Де Бирс» режим апартеида в ЮАР был сначала установлен de-facto, а потом и закреплён законодательно. А вот сын Эрнста — Гарри Oppenheimer (президент «Англо-Америкен» и «Де Бирс» в 1957—1984 годах) зарекомендовал себя пламенным борцом с режимом апартеида. Представители следующих поколений легендарного клана: Николас Oppenheimer и его сын Джонатан Oppenheimer — горячие поклонники «общечеловеческих ценностей», противники сегрегации,

борцы с ксенофобией и т. д. Столь радикальная смена взглядов на расовую проблему, произошедшая среди владельцев эталонного алмазного бизнеса, безусловно, заслуживает внимания хотя бы потому, что позволяет добавить к описанию механизма управления глобальными ресурсными рынками несколько ярких иллюстраций.

Николас Оппенгеймер.

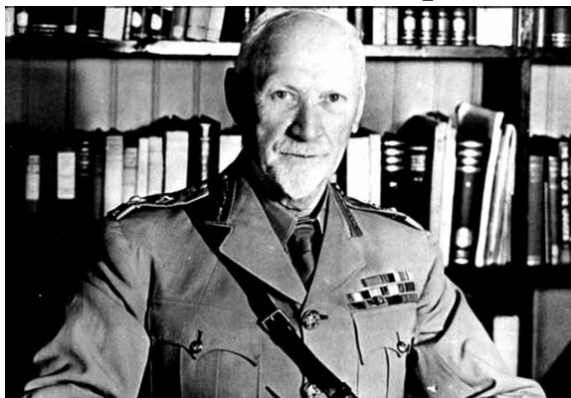
Честь изобретения термина «апартеид» (африкаанс *apartheid* – разделение) принадлежит близкому сотруднику и в известной степени ученику С. Родса, а впоследствии – соратнику Эрнста Оппенгеймера Яну Смэтсу. На биографии этого

выдающегося деятеля стоит остановиться подробнее. Я. Смэтс родился в 1870 году в Капской колонии, в семье фермеров-африканеров. После окончания Кембриджа вернулся в Южную Африку, занял весьма высокое положение в «Де Бирс» – стал личным юрисконсультom С. Родса и зарекомендовал себя принципиальным последователем и активным пропагандистом его идей: от монопольного управления алмазным рынком до расовой сегрегации. С подачи С. Родса Я. Смэтс стал членом «Круглого стола». Но вскоре произошла удивительная метаморфоза: с началом англо-

бурской войны (1899—1902 гг.) Я. Смэтс переходит на сторону буров и становится видным военачальником, приближенным бурского лидера П. Крюгера, непримиримого врага Британской империи и «Де Бирс».

Джонатан Оппенгеймер.

Ян Смэтс.

Этот странный порыв видного члена «Круглого стола» до сих пор вызывает неоднозначные трактовки. Весьма распространено мнение, что если бы у Крюгера была еще пара генералов, подобных Смэтсу, то англо-бурская война закончилась (разумеется, в пользу англичан),

толком не начавшись. Но гипотеза о том, что проекты С. Родса послужили моделями, на которых отрабатывались перспективные механизмы глобального управления, придает «бурскому патриотизму» Я. Смэтса значение, не исчерпывающееся банальным шпионажем. Действительно, англобурская война стала полигоном, на котором отрабатывались новые тактические схемы ведения боевых действий, новые виды вооружений, новые принципы тотального подавления сопротивления гражданского населения. Но кроме рейдов коммандос, пулеметов, униформы цвета хаки и концлагерей,

эта первая война XX века несла в себе новации, которые трудно переоценить. Заказчиком и идеологом войны впервые выступили надгосударственные структуры, ход, а главное – продолжительность боевых действий определялись не военной целесообразностью, а программой долгосрочного планирования, в которой собственно война составляла первый и самый незначительный по времени этап. Очевидной целью войны был захват корпоративными структурами С. Родса месторождений золота Трансвааля и Оранжевой республики. Военная машина Британской империи, подключенная

к решению этой задачи усилиями «Круглого стола», в принципе была способна обеспечить нужный результат максимум за полгода. За первые два месяца войны англичане перебросили в Африку контингент численностью свыше 120 000 солдат, увеличив, таким образом, свою армию почти в 5 раз. Причем ничто не мешало непрерывно наращивать мощь – резервов хватало, и к концу войны численность английского контингента в Южной Африке превышала 400 тыс. человек. Полевая армия буров, включая резервистов и ополченцев, в принципе не могла быть более 50 000 человек – просто количество боеспособного населения

исчерпывалось этой цифрой. Результат войны был изначально предрешен, несмотря на самоотверженность и высокие боевые качества буров, а также весьма посредственный уровень английского командования (боевые потери в среднем составляли 1:3 в пользу буров). Через полгода после начала боевых действий пала столица Оранжевой республики Блумфонтейн, еще через два с половиной месяца — столица Трансвааля Претория. Регулярная армия буров перестала существовать, города и дороги полностью контролировались англичанами, все усилия П. Крюгера по втягиванию в

вооруженный конфликт влиятельного союзника – Германии успехом не увенчались. Казалось бы – война проиграна вчистую, пора переходить к переговорам.

Пауль Крюгер.

Но бурское командование
развязывает беспрецедентную по

длительности, интенсивности и жестокости партизанскую войну. Едва ли не главным инициатором этой совершенно бессмысленной с военной точки зрения акции, гарантировано обреченной на поражение, выступил генерал Ян Смэтс – член «Круглого стола», ученик С. Родса. Если обратиться к мемуарам известных бурских генералов (например, «Война буров с Англией» Христиана Девета), то несложно заметить, что непосредственно в боевых действиях Ян Смэтс участия практически не принимал, однако в штабной и идеологической работе, а особенно – в переговорном процессе с

английской стороной его роль трудно переоценить.

На партизанские акции буров англичане закономерно ответили тактикой «выжженной земли», по сути — геноцидом бурского населения: массовыми расстрелами, концлагерями, присвоением статуса «военнопленных» восьмилетним детям. За год этого кошмара в английских концлагерях погибло 26 250 детей и женщин — гораздо больше, чем солдат на полях сражений (боевые потери буров не превышали в целом 6000 человек). Так была достигнута вторая цель этой войны: буры получили жесточайший урок, надолго

отбивший у них желание претендовать на контроль над минерально-сырьевой базой собственной страны. Но захват месторождений и подавление воли буров к сопротивлению отнюдь не являлись конечным результатом проекта — это были лишь стартовые условия. Впереди была кропотливая работа — нужно было создавать и в соответствии с меняющимися обстоятельствами непрерывно модернизировать благоприятную среду развития англосаксонских добывающих корпораций, главной базой которых стала Южная Африка, в этом был залог контроля над глобальными рынками, и это было

задачей грядущих десятилетий.

Бурские стрелки.

И «дравшийся как лев» против англичан, «перебежчик», «предатель» и идеолог партизанской войны Ян Смэтс не только не был подвергнут каким-либо репрессиям после заключения мирного договора в 1902 году, но получил ранг вице-премьера и букет министерских

постов (министр обороны, внутренних дел, горной промышленности) во вновь созданном Южно-Африканском Союзе (ЮАС – будущая ЮАР), в который вошли захваченные англичанами в ходе англо-бурской войны территории.

Заставить противника вести войну, истощающую его потенциал до уровня, не позволяющего восстановить ни при каких обстоятельствах конкурентоспособность в послевоенном мире: англо-бурская война была «лабораторным экспериментом», продемонстрировавшим такую

возможность. И эта же модель много позже была применена к самому грозному конкуренту англосаксонских транснациональных корпораций и контролирующих их надгосударственных структур. Как Смэтс у Крюгера, у Адольфа Гитлера появится свой ближайший советник – член «Круглого стола» Ялмар Шахт. Рейхсминистр экономики и президент Рейхсбанка, он был одним из главных архитекторов Третьего рейха. И одновременно партнером Монтегю Нормана, Эрнста Оппенгеймера, Яна Смэтса и прочих достойных джентльменов по «Круглому столу». Я. Шахт создал мощнейшую финансово-

экономическую систему гитлеровской Германии, настолько сильную, что Третий рейх смог на удивление долго противостоять союзникам и это затянувшееся противостояние в конце концов настолько истощило Германию, что она утратила все шансы на долю в контроле над мировыми ресурсными рынками в послевоенном мире. Как главный военный преступник Я. Шахт предстал перед Нюрнбергским трибуналом. Разумеется, он был полностью оправдан.

Система расовой сегрегации, энергично разрабатываемая Я. Смэтсом с момента его появления в окружении С. Родса и впоследствии

оформленная в режим апартеида (формально Я. Смэтс ввел этот термин в оборот в 1917 году), была ключевым фактором бурного экономического роста ЮАС и превращения его в сильнейшее государство на Африканском континенте. Не сложно предположить, что заказчиком такого проекта выступали «Англо-Америкен», «Де Бирс» и патронирующий эти корпорации «Круглый стол». Мощные силовые структуры ЮАС, а соответственно, способная содержать их мощная национальная экономика, были необходимы в первую очередь для вышибания из Африки германских

корпораций и предотвращения любых попыток их возвращения. Совершенно очевидно, что создать развитую экономику и эффективные силовые структуры в то время в Южной Африке могло только белое правительство и белое население, поскольку развитие чернокожего населения в лучшем случае соответствовало уровню 12-го века.

Я. Смэтс блестяще справился с задачей: экономический и военный потенциал ЮАС уже к 1914 году был существенно выше, чем у главного конкурента, что не замедлило сказаться на ходе боевых действий. После начала войны в Европе экспедиционный корпус ЮАС,

состоящий в основном из буров, тремя колоннами вторгся в Германскую Юго-Западную Африку. Операция была хорошо подготовлена и атакующим сопутствовала удача: уже 12 мая 1915 года пал Виндхук — столица германской колонии. 9 июля немецкие войска полностью капитулировали. Корпорация «Дойче диамантен» — самый опасный конкурент «Де Бирс» прекратила свое существование. Помимо Намибии, Я. Смэтс успел отличиться и в боях за Германскую Восточную Африку. Здесь немцы сражались более упорно, и окончательного их поражения удалось достичь только в 1918 году.

Годы между двумя мировыми войнами были использованы для наращивания военного потенциала ЮАС, в частности, по инициативе Я. Смэтса были созданы военно-воздушные силы, которыми в то время не обладала ни одна африканская страна. Интенсивно развивался военно-промышленный комплекс. Успехи в оборонном и экономическом строительстве тесно коррелировали с развитием системы расовой сегрегации. «Было создано Министерство труда, с целью проявлять заботу об удовлетворении требований белых рабочих и ограждения их от любой конкуренции со стороны цветных и

негров. Неквалифицированные африканские рабочие на железнодорожном строительстве и других государственных предприятиях были заменены белыми безработными. Был установлен «цветной барьер» на рудниках — некоторые категории квалифицированного и полуквалифицированного труда отныне резервировались только для белых. «Закон об арбитраже в промышленности» и вовсе исключил африканцев из категории рабочих и служащих. В 1927 году был принят закон, запрещающий «безнравственные отношения» между европейцами и африканцами»

(Д. Жуков . Апартеид. История режима М., 2007 г.).

4 сентября 1939 года ЮАС объявил войну Германии. В мае 1941 года премьер-министру ЮАС Я. Смэтсу британский парламент присвоил звание фельдмаршала. Войска ЮАС сражались с итальянцами в Кении, с корпусом Роммеля в Египте, принимали участие в высадке союзников на Сицилии в 1943 году. Южноафриканские пилоты составляли основу британских «пустынных» ВВС.

Экономика и демографический потенциал ЮАС существенно не пострадали в ходе Второй мировой

войны. И бурное развитие страны в течение первого послевоенного десятилетия способствовало резкому увеличению добычи алмазов «Де Бирс» (с 1946 года по 1956 год добыча в Африке возросла с 10 млн до 25 млн карат). Масштабное развитие инфраструктуры, технологий, в том числе – горных, высокое качество белой рабочей силы в ЮАС позволили «Де Бирс» совершить качественный рывок и обеспечить набирающую скорость мировую экономику всеми видами алмазного сырья.

Процесс экономического развития ЮАС приобретал экспоненциальный характер. Была

создана самая развитая в Африке сеть автомобильных и железных дорог, морские порты получили современное оснащение, построены международные аэропорты. Энергетика, машиностроение, автомобилестроение, химическая, пищевая промышленность, сельское хозяйство — в этих и многих других областях страна стала безусловным лидером континента. Уровень развития национального военно-промышленного комплекса хорошо иллюстрируется тем фактом, что уже к началу 1970-х годов в ЮАР была создана промышленная база для обогащения урана, потенциал которой позволял получить

несколько десятков ядерных зарядов. К началу 1960-х годов XX века уровень жизни белого населения ЮАР достиг первого места в мире, а уровень жизни чернокожих – первого места в Африке. Система расовой сегрегации постоянно совершенствовалась, как законодательно, так и в реальной практике. Это был сложный, часто драматический процесс, но в целом изобретение Я. Сметса продемонстрировало способность к эволюции, в конечном счете, обеспечивающую приемлемый баланс интересов белого и черного населения, являющегося основой уверенного развития страны. Именно

В это время со стороны представителей неформальных англосаксонских клубов началась жесткая критика режима апартеида и призывы к «защите прав чернокожего населения Южной Африки». Наиболее весомой фигурой этого процесса стал Гарри Oppenheimer, сменивший Эрнста Oppenheimera у руля «Англо-Америкен» и «Де Бирс» в 1957 году.

Причина, в сущности, была проста. Глобальные сырьевые рынки уже полностью перешли под контроль англосаксонских клубов, с исчезновением германского присутствия в Африке никакого реального конкурента на горизонте

не просматривалось. СССР привычно занимался братанием с туземными царьками на почве марксистских догм, но в механизмы управления рынками и не думал вмешиваться. В отсутствие реальной угрозы содержание такого мощного защитного механизма, как стремительно развивающаяся ЮАР, становилось накладным. И чем сильнее развивался и совершенствовался этот механизм, тем дороже и потенциально опаснее он становился для своих создателей. Дело было даже не в том, что быстро растущие численность и уровень жизни населения ЮАР увеличивали косвенные издержки «Англо-

Америкен» и «Де Бирс», вынужденных повышать зарплаты персоналу, расширять социальные пакеты и увеличивать затраты на инфраструктуру. В ЮАР сформировался широкий слой хорошо образованных, независимо мыслящих, состоятельных граждан, все ветви власти формировались на демократических (в отношении белого населения) принципах, госаппарат был эффективен и практически не коррумпирован, социальные лифты работали безупречно, влияние криминала на власть было минимальным. При таких предпосылках неизбежно должен был возникнуть с новой

силой извечный «бурский вопрос»: «А почему, собственно, население страны и ее государственные структуры не принимают ни малейшего участия в управлении финансовыми потоками, формирующимися за счет эксплуатации недр ЮАР?» Этот вопрос на самом деле никуда не исчезал со времен англо-бурской войны, но чем мощнее становилось государство ЮАР, тем большую взрывоопасность он приобретал.

Ответ у англосаксонских клубов мог быть только один: «Апартеид нарушает права человека, и он должен быть разрушен». У авторов этого тезиса вряд ли были сомнения,

что приход чернокожих к власти в ЮАР разрушит эффективное государство, превратит процветающую экономику в бардак, уровень преступности и коррупции станет запредельным. Такая перспектива просчитывалась без труда. Как и то, что содержание коррумпированного и безграмотного черного правительства обойдется несравненно дешевле, чем допуск излишне креативных и самостоятельных буров к управлению модельными сырьевыми рынками — алмазным и золотым.

Скорее всего, принципиальное решение о демонтаже режима апартеида в ЮАР было принято на

рубеже 50-х и 60-х годов XX века, и заметную роль в этом процессе должен был сыграть спарринг-партнер «Де Бирс» на алмазном рынке – СССР.

В 1956 году в СССР принимается решение о масштабной добыче алмазов в Западной Якутии, согласованное с компанией «Де Бирс». Парадоксально, но в этом же году СССР разрывает дипломатические отношения с Южно-Африканским Союзом (напомним – «Де Бирс» имеет южноафриканскую регистрацию), формальная причина – страна «победившего социализма» не может сотрудничать с режимом апартеида.

Совпадение по времени этих событий не случайно.

Дипломатические отношения между ЮАС и СССР были установлены в 1942 году в результате переговоров, которые с советской стороны проводил Иван Майский (Ян Лиховецкий) – в то время посол СССР в Великобритании. Однако рабочие контакты между СССР и ЮАС были установлены задолго до этого. В 1925 году в Москве было зарегистрировано «Советско-Южноафриканское смешанное торговое общество». Инициатором создания этой организации выступил Леонид Красин – создатель компании АРКОС, через которую

прошла львиная доля
экспортируемого Советской Россией
в 1920-е годы бриллиантового
конфиската. Поскольку известно, что
Л. Красин был горячим сторонником
сбыта экспроприированных
большевиками бриллиантов через
«Де Бирс», несложно предположить,
что упомянутое торговое общество
служило именно этим целям. Но не
только. В задачи общества входили
привлечение инвестиций и
организация геологической разведки
(в том числе на алмазы) в Сибири.
Понятно, что кроме «Де Бирс» никто
в ЮАС не мог выступать в качестве
такого инвестора и организатора.
Стартовая инвестиционная

программа имела объем 0,5 млн британских фунтов — весьма значительную по тем временам сумму. В 1929 году «Советско-Южноафриканское смешанное торговое общество» направило в ЮАС большую делегацию советских геологов, установивших контакты на профессиональном уровне с коллегами из «Де Бирс». Именно с этого момента все алмазные проекты СССР становятся прозрачными для «Де Бирс», несмотря на пугающие грифы секретности.

Дальнейшая деятельность «Советско-Южноафриканского смешанного торгового общества» не получила серьезного развития:

кураторами общества были Лев Троцкий и нарком финансов РСФСР Григорий Сокольников (Гирш Бриллиант), уничтоженные группировкой И. Сталина в ходе внутрипартийной борьбы. Но оперативные связи с «Де Бирс», наработанные в рамках этого проекта, а также в рамках деятельности АРКОСа, вполне позволяли Оппенгеймерам не только тщательно отслеживать развитие алмазной индустрии СССР, но и содействовать в организации теневого канала экспорта продукции треста «Уралалмаз», начиная с 1946 года.

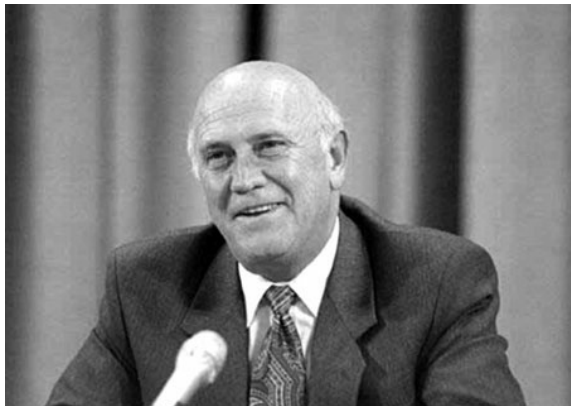
Конечно, И. Майскому, в свое

время выполнявшему функции заместителя Л. Красина по АРКОСу, не составило большого труда найти общий язык с окружением Я. Смэтса, и в июне 1942 года было открыто генеральное консульство СССР в Претории и консульство в Кейптауне. В ЮАС даже стал издаваться журнал «Советская жизнь».

Ни для кого в мире, включая советское руководство, не было секретом, что с момента основания ЮАС в 1910 году в этой стране последовательно проводится политика расовой сегрегации. Почему же «страна рабочих и крестьян» могла себе позволить закрывать глаза на это прискорбное

обстоятельство до середины 1950-х и внезапно прозрела лишь в год Пленума ЦК КПСС, санкционирующего добычу алмазов в Якутии? Ответ, на первый взгляд, выглядит фантастично: одним из условий доступа СССР на мировой алмазный рынок было участие в демонтаже белой ЮАР, а конкретнее — финансирование, вооружение и консультирование южноафриканских организаций черных расистов, в первую очередь — Африканского национального конгресса. Причем эту работу СССР должен был выполнить как можно более явно и шумно, возложив на себя привычную роль борца с «мировым

империализмом» в его наиболее мерзком проявлении — расовой сегрегации. Проще говоря, «Де Бирс» была готова покупать советские алмазы, но часть выручки СССР должен был направить на осуществление нового плана Гарри Oppenгеймера — ликвидацию апартеида, а следовательно — уничтожение выходящей из-под контроля «Де Бирс», слишком самостоятельной белой ЮАР.

***Последний белый президент
ЮАР Фредерик Вильям де Клерк.***

Именно дипломатический демарш СССР стал началом превращения ЮАС (ЮАР) в страну-изгоя. Позиция СССР (исключительный случай в дипломатической практике тех лет) была дружно поддержана странами

Британского Содружества, и в 1961 году ЮАР была вынуждена выйти из этой организации. Международное давление на белую ЮАР будет последовательно нарастать вплоть до ее кончины. С начала 1970-х годов – международное эмбарго на поставки нефти. 1974 год – Генеральная ассамблея ООН лишает делегацию ЮАР полномочий. 1977 год – международное эмбарго на поставки оружия и сотрудничество в области ядерных технологий. Вот только деятельность «Англо-Америкен» и «Де Бирс» не подвергалась никаким санкциям со стороны «возмущенного апартеидом» мирового сообщества. Продукция этих горных гигантов,

добытая на территории ЮАР, обращалась на мировом рынке без затруднений, добыча алмазов и золота нарастала, балансы компаний выглядели прекрасно. В 1970 году в ЮАР было добыто 1000 тонн золота – абсолютный рекорд. А самый радикальный борец с апартеидом – СССР – поставлял в адрес южноафриканской «Де Бирс» алмазы вовсе более возрастающих количествах. Правда, чтобы уж совсем не потерять лицо, поставки осуществлялись в адрес некой лондонской фирмы «City and West East Ltd». Но это был секрет Полишинеля – все хорошо понимали, какой бенефициар прикрыт этим

фиговым листком. Участие СССР (а также его сателлитов – Кубы и ГДР) в финансировании Африканского национального конгресса (АНК), в снабжении оружием и подготовке боевиков «Копья нации» – военизированного крыла этого черного расистского движения, сегодня известно достаточно широко. Мы остановимся лишь на одном эпизоде, проливающим свет на истинный смысл советского участия в южноафриканских политических разборках. Итак, начало 1980-х годов. В Лондон из ЮАР нелегально прибывает вице-президент АНК Юсуф Мохаммед Даду. Он встречается с сотрудником

дипломатической резидентуры КГБ, получает от него сотню тысяч долларов, распахивает пачки банкнот по карманам пальто и бредет на встречу с сотрудником Международного отдела ЦК КПСС, чтобы написать расписку в получении средств на борьбу с апартеидом. Покончив с бюрократическими формальностями, Юсуф Даду без проблем отбывает на родину — организовывать очередную диверсию против белых «колонизаторов». И такие вояжи неуловимый господин Даду проделывает регулярно, оставаясь вне досягаемости могущественных МИ-5 и МИ-6.

Джеймс Бонд нервно курит в
сторонке.

Юсуф Даду.

Теперь присмотримся к этой ситуации внимательнее. Г-н Даду —

правая рука президента АНК
Нельсона Манделы, который с 1964
года отбывает «пожизненный срок» в
весьма комфортабельных условиях и
которого интенсивно готовят на роль
первого президента
«освобожденной» черной ЮАР. Г-на
Даду как облупленного знают все
разведки мира — он в розыске, на
нелегальном положении, как лидер
запрещенной террористической
организации. И г-н Даду
неоднократно катается в Лондон на
встречу с советским резидентом и
беспрепятственно возвращается в
ЮАР с огромным количеством кеша!
Ну не было на планете более
удобного места для передачи денег

террористам из АНК, чем Лондон! А кто же этот мужественный советский разведчик, регулярно вручающий неуловимому г-ну Даду пачки долларов? А это Олег Гордиевский, полковник Первого главного управления КГБ и по совместительству агент британской разведки МИ-6 под агентурным псевдонимом «Ovation». Проблему неуловимости г-на Даду можно считать снятой, не так ли?

*Олег Гордиевский – кавалер
британского ордена и...*

Фантастическая неуловимость
финансистов АНК, работавших с
лондонской резидентурой КГБ,
должна была изрядно веселить
директоров «Де Бирс» Филиппа
Оппенгеймера, Тедди Доу и Монти
Чарльза, чей офис располагался

невдалеке от АРКОСа и советского посольства. Эти заслуженные ветераны британской разведки могли по достоинству оценить юмор ситуации. Приведенный пример, изложенный в мемуарах самого О. Гордиевского и в публикациях ряда историков спецслужб, убедительно свидетельствует о том, что канал финансирования Советским Союзом АНК находился под британским контролем. И не просто под контролем, а под патронажем — пожалуй, самый подходящий термин для описанной ситуации. И скорее всего, «вербовка» О. Гордиевского — это не удача МИ-6 в тайной шпионской войне, а результат

договоренности двух старых добрых партнеров. Что объясняет и фантастическое исчезновение «разоблаченного» О. Гордиевского из Москвы в 1985 году, и неисполнение заочно вынесенного ему смертного приговора (хотя возможности для этого возникали неоднократно). Орден Св. Михаила и Св. Георгия «за службу безопасности Соединенного Королевства» Олег Антонович заработал честно, как и многочисленные советские награды.

... офицер КГБ.

Накачка АНК и «Копья нации» советскими деньгами из Лондона, а оружием и подготовленными боевиками с территории Анголы, Замбии и Танзании постепенно погружали белую ЮАР в кровавый хаос. Силловые структуры ЮАР в ответ были вынуждены усиливать прессинг черного населения, что, разумеется, только способствовало разжиганию конфликтов. Но процесс шел достаточно медленно, в соответствии с принципами давно отработанной англосаксонскими клубами тактики – белую ЮАР нужно было не просто ликвидировать, нужно было уничтожить малейшие шансы на ее

восстановление. Проклятый «бурский вопрос» должен был исчезнуть навсегда. В некоторых публикациях, посвященных исследованию описываемых событий, можно встретить тезис о том, что «Запад предал белую ЮАР». Это не верно. Запад, а точнее неформальные надгосударственные структуры, члены которых представлены в наблюдательных советах «Англо-Америкен» и «Де Бирс», не предавал белую ЮАР, он сознательно ее уничтожил, в том числе руками своего младшего партнера — СССР. Процесс ликвидации белой ЮАР занял немногим более 30 лет, если

начинать отсчет с 1957 года, когда «Де Бирс» и «Англо-Америкен» возглавил «непримиримый борец с апартеидом» Гарри Oppenгеймер. В 1990 году был легализован АНК и Нельсон Мандела вышел на свободу — de-facto это означало окончательный разгром «надежды белой расы» в Африке. Может показаться, что 30-летний горизонт планирования — это нечто фантастическое, сродни астрологическому прогнозу, и все странные временные совпадения между советским алмазным проектом и превращением процветающего южноафриканского государства в криминальную клоаку всего лишь случайность. Но если

принять во внимание, что основной состав неформальных надгосударственных структур, начиная с «Круглого стола», составляют выходцы из глобальных добывающих корпораций и связанных с ними корпораций финансовых, то картина приобретает необходимую реалистичность.

Действующий президент ЮАР

Джейкоб Зума.

В глобальном горном бизнесе 30-летний цикл планирования – это норма. Именно столько требуется на освоение месторождения планетарного масштаба, эксплуатацию его на пике возможностей и безубыточное закрытие. Разумеется, такое планирование с необходимостью включает и политическую составляющую – иначе управление рисками невозможно. Поражающая стороннего наблюдателя чудесная способность англосаксонских клубов к столь долгосрочному планированию несколько утрачивает магическое очарование, стоит лишь

признать, что перед нами владельцы и управляющие минерально-сырьевой базой мировой экономики, для которых работа в тридцатилетних циклах — устоявшаяся практика со времен С. Родса. Ни одна политическая партия, ни один традиционный государственный институт не могут эффективно планировать свою работу на столь длительные сроки по очевидным причинам: нет традиции и опыта, нет необходимой информации, а главное — нет движущего мотива, нет экономической необходимости. И совсем не случайно агония белой ЮАР была четко синхронизована по времени с агонией СССР — в конце

1980-х — начале 1990-х годов
англосаксонские клубы завершали
оба взаимосвязанных проекта,
полностью исчерпавших свой смысл
в их понимании.

Глава 9 Алмазы, «международный терроризм» и новые способы управления глобальными рынками

*«Отсутствие
систематического
мониторинга в самой
алмазной отрасли говорит
о том, что компании не
отнесли к данной
проблеме с должной*

серьезностью, — заявила представительница «Международной Амнистии» Алессандра Маски. — Торговля кровавыми алмазами подпитывает некоторые из самых кровопролитных и затянувшихся войн в Африке. Алмазы подпитывают конфликты в Анголе, Демократической Республике Конго, Либерии и Сьерра-Леоне. Они приводят к уничтожению целых народов и миллионным жертвам».

Ликвидация СССР с
необходимостью ставила перед
надгосударственными структурами
задачу создания достаточно мощного
спарринг-партнера, на которого
могла быть возложена миссия
очередной «империи зла». В силу
целого ряда обстоятельств в качестве
такого противника был выбран
«международный исламский
терроризм». Мог ли алмазный рынок,
эта своеобразная лаборатория, в
которой уже многие десятилетия
моделировались и отрабатывались
методы глобального управления,
остаться в стороне от
захватывающего процесса
проектирования и производства

нового «исчадия ада», сравнимого по масштабу с германским нацизмом и коммунистической угрозой? Разумеется, нет. Детищу Сесиля Родса в очередной раз предстояло сыграть пионерскую роль в отработке новейшей стратегии надгосударственного управления.

Терроризм как способ решения политических задач был известен с незапамятных времен, но до исчезновения СССР с политической карты мира, никогда не претендовал на роль самостоятельного политического игрока. Это был инструмент, который при определенных обстоятельствах использовался практически всеми

серьезными участниками политической игры, независимо от идеологических оболочек, в которые они упаковывали свои стратегии. Террористическая деятельность, тем более в значительных масштабах, требует серьезного финансирования, поэтому конечным бенефициаром любой террористической организации могут быть только контролеры соответствующего бюджета — государства и (или) корпорации. Так оно и было до начала 90-х годов XX века. Террористические акты — убийства чиновников, общественных и государственных деятелей, захват заложников, взрывы

административных и оборонных объектов и т. д. осуществлялись радикалами всевозможных калибров и сортов, но рано или поздно за этими действиями неизбежно вырисовывались физиономии заказчиков: превентивных государственных или корпоративных служб. Правило не знает исключений — любая современная крупная террористическая организация инфильтрована агентурой спецслужб именно в той степени, которая подразумевает ее целевое использование в нужный момент. Сам по себе терроризм в принципе не мог быть самостоятельным игроком, поскольку никакой

идеологический флер не в состоянии прикрыть отсутствие экономической базы. Чтобы «международный терроризм» превратился из идеологической пустышки в реального глобального политического игрока, ему нужно было создать собственную экономику. Эту задачу и должен был решить алмазный рынок.

«Международный исламский терроризм» не мог финансироваться за счет бюджета одной или нескольких мусульманских стран, какой бы высокой степенью радикализма ни отличалось их руководство. Финансирование через государственный бюджет неизбежно

привлекает огромное количество глаз и ушей. Источники оплаты единичного акта «государственного терроризма» можно на некоторое время более-менее надежно спрятать, но финансирование «мировой террористической войны», ведущейся одновременно на всех континентах, кроме Антарктиды, и в течение пары десятилетий пропустить через госбюджеты невозможно. А если существуют надежные доказательства, что новая угроза всего лишь инициатива одного или нескольких радикальных исламских государств, этих политических изгоев и экономических карликов, то и

адекватное решение — короткий (слишком короткий!) межгосударственный конфликт с абсолютно прогнозируемым результатом. Убедительный пример — теракт на дискотеке La Belle в Западной Германии весной 1986 года, проведенный по заказу ливийских спецслужб и направленный против американских военнослужащих (погибло более 200 человек) и через месяц — ответная бомбардировка авиацией США Триполи и Бенгази.

«Государственный терроризм» со стороны известных исламских стран не мог обеспечить глобального конфликта требуемого уровня и

длительности, для этого требовалась надгосударственная исламская радикальная структура с оригинальными и непрозрачными для мирового сообщества источниками финансирования. Традиционные глобальные криминальные рынки: наркотиков, проституции, контрафакта — не годились для решения этой задачи в силу своей громоздкости, медленного оборота, а главное — тесной взаимосвязи с национальными бюрократиями, коррумпированность которых есть необходимое условие существования криминальных рынков. Проблема решалась только финансовыми

потоками быстрыми, почти невидимыми и принципиально недоступными для контроля со стороны национальных бюрократий.

Необходимо отметить, что исламский мир обладает превосходной теневой финансовой структурой, известной как «хавала». Ее история насчитывает несколько сотен лет, она построена на принципе отсутствия документирования финансовых операций и в наши дни позволяет перебрасывать денежные средства из страны в страну практически моментально — по телефонному звонку с кодовой фразой. Наличие такой системы было просто

подарком для проектировщиков «международного исламского терроризма», но «хавала» имела один существенный недостаток. Она была хороша как секретная платежная система, но не годилась как источник прибыли, которая могла бы быть инвестирована в мировую террористическую войну. Как известно, Коран запрещает брать проценты с финансовых операций. «Хавала» формально нарушает этот запрет, но только в объеме, необходимом для ее собственного функционирования, фактически только для содержания института операторов — «хаваладаров» и компенсации накладных расходов.

Реально это 1%-3% от суммы транзакции. Свободного денежного потока она практически не генерирует. Для создания независимой экономики «международного исламского терроризма» в «хавалу» требовалась впрыснуть свежую финансовую кровь, обеспечивающую необходимый для инвестиций в новый проект профит.

Сегодня невозможно назвать имя гения, который предложил скрестить «хавалу» с бездокументарным оборотом алмазов, с принципом «Мазал У'Браха». Был ли он хасидом или шахидом — кто знает? В конце концов, обе системы:

бездокументарных сделок с алмазами и бездокументарных переводов и платежей были изобретены в семитском мире, правда, на разных его полюсах. А, может, это был тот, кто блестяще знал алмазный бизнес и одновременно принадлежал к числу изобретателей «международного исламского терроризма», тот, кто понимал острую необходимость возникновения новой «империи зла», поскольку был одним из авторов ликвидации империи старой?

Как бы там ни было, но в самом начале 90-х годов XX столетия в алмазоносных странах Африки появились представители спецслужб

Саудовской Аравии – страны, которая со времен «пакта Куинси» являлась проводником интересов англосаксонских клубов на Ближнем Востоке и которой конструкторами «международного терроризма» отводилась роль непосредственного исполнителя этого проекта. Одним из главных действующих лиц в процессе освоения «международным терроризмом» алмазного трафика стал полковник Службы общей разведки Саудовской Аравии Азиз Бен Саид Бен Али аль-Гамди, позднее получивший известность в прессе под именем Абу аль-Валид. Абу аль-Валид прибыл в Анголу в самом начале 90-х, по одним

данным – в 1991 году, по другим – в 1993 году. Он работал в этой стране довольно долго – до конца 1995 года. Целью его командировки было установление контактов с людьми оппозиционной УНИТА, занимающихся нелегальным экспортом ангольских алмазов в Антверпен, и одновременно с функционерами законного правительства Эдуарду душ Сантуша, курирующими официальную добычу алмазов. Следует заметить, что «алмазный отдел» УНИТА в Антверпене и представители законного ангольского правительства в Бельгии находились между собой в нормальных деловых контактах, в то

время как их боевые подразделения жесточайшим образом уничтожали друг друга в ангольских джунглях.

Абу аль-Валид.

Направление Абу аль-Валида саудовской разведкой именно в Анголу не случайно. В Академии Национальной гвардии в Эр-Рияде его готовили как специалиста по

деятельности советских и российских спецслужб, а с 1975 по 1991 год Ангола находилась в зоне жизненно важных интересов Советского Союза, и значительное число функционеров как легального правительства, так и оппозирующей ему УНИТА, интересующих саудовскую разведку, являлись агентурой советских спецслужб, прошли профессиональную подготовку в СССР и свободно говорили на русском языке, которым Абу аль-Валид владел превосходно.

Пока Абу аль-Валид внедрялся в алмазный трафик в Анголе – стране-производителе, саудовская разведка интенсивно работала в Бельгии –

основной торговой площадке «свободного» алмазного рынка. В 1995 году ряд европейских газет с удивлением отметили, что из европейских стран именно Бельгия отчего-то является наиболее привлекательной для радикальных исламских организаций. Именно в Бельгии обосновалась штаб-квартира «Европейской арабской лиги», и эта организация стала оказывать постоянное давление на хасидскую общину Антверпена, традиционно занимающуюся алмазным бизнесом. «Европейская арабская лига» является филиалом «Всемирной исламской лиги», созданной еще в 1962 году саудовским королем

Фейсалом. Программа «Европейской арабской лиги» включала требования квот для мусульман в государственных учреждениях Бельгии, в первую очередь — в силовых структурах, ислам в качестве государственной религии, арабский язык в качестве государственного. В ее задачи входила также организация в Антверпене собственных силовых формирований — т. н. арабской общественной милиции. Сайты этой организации были переполнены антисемитскими материалами, были отмечены случаи нападения членов «Европейской арабской лиги» на евреев и попытки поджога синагог.

Беспрецедентная активность саудовцев в Бельгии заставила европейских журналистов именовать Антверпен «бельгийским халифатом», но истинный смысл этой экспансии в середине 90-х был ясен очень немногим.

К концу 1995 года внедрение саудовской разведки в алмазный трафик Луанда — Антверпен было успешно завершено. Абу аль-Валид из Анголы прибыл в Чечню, где занялся организацией и финансированием тренировочных баз боевиков: только в 1996—1997 годах им было создано четыре мощных лагеря подготовки диверсантов. Рабочим контактом Абу

аль-Валида в Чечне стал глава Службы внешней разведки Ичкерии Хож-Ахмед Нухаев. С подачи Абу аль-Валида Нухаев был представлен крупнейшему оператору глобального рынка оружия, саудовскому миллиардеру Аднану Хашогги, представлявшему в США интересы Saudi bin Laden Group, а на арабском Востоке – элиту американского ВПК, концерны «Локхид», «Нортроп», «Рейтеон». Весной 1997 года Хашогги представил Нухаева своему партнеру по инвестиционной компании Carlyle Group Джеймсу Бейкеру (Госсекретарь США в 1989—1992 гг., руководитель выборных кампаний Р. Рейгана и Дж. Буша-

старшего). В апреле 1997 года в Вашингтоне Нухаевым была зарегистрирована «Кавказско-американская торгово-промышленная палата». По протекции Бейкера Нухаеву было присвоено звание почетного гражданина г. Остин – столицы штата Техас. В июне 1997 года Хашогги выступил с заявлением о намерении создать «Кавказский инвестиционный банк», который должен был обслуживать операции «Кавказско-американской торгово-промышленной палаты». Должность вице-президента этой организации занял близкий к президенту Д. Бушу Фредерик М. Буш.

Несмотря на то что к проектам Нухаева проявили интерес немало VIP, например, М. Тетчер, Дж. Вульфенсон, А. Макальпайн и др., никаких легальных инвестиций он привлечь не смог. Однако структуры Нухаева стали превосходной ширмой, прикрывающей эффективную работу теневого алмазного трафика, организованного саудовской разведкой и использующегося для накачки Чечни высокоточным оружием, диверсионной и разведывательной аппаратурой, современными средствами связи, полевыми госпиталями, униформой, снаряжением, отлично подготовленными арабскими

инструкторами и диверсантами. По оценке главы контрразведки Ичкерии Лечи Хултыгова, общий объем этих поставок составил свыше 740 млн. долларов США. Так готовился один из самых кровавых раундов «мировой террористической войны».

Нухаев (в центре), Хашогги (справа).

Использование ангольского
алмазного трафика саудовской

разведкой – один из наиболее ярких примеров обслуживания алмазным рынком нужд «мирового терроризма», но далеко не единственный. По данным израильской контрразведки ШНАБАК, начиная с 1995 года в операции с алмазами были вовлечены ХАМАС, «Хезболла», «Бригады Изаддина аль-Касама», «Братья мусульмане» и другие радикальные арабские организации. Организационный триумф этого процесса пришелся на 2002 год, когда в Объединенных Арабских Эмиратах была создана Дубайская алмазная биржа. Это событие означало ликвидацию последних барьеров на

пути слияния «хавалы» и алмазного рынка.

Еще в марте 2001 года Госдепартамент США опубликовал ежегодный доклад International Narcotics Control Strategy Report. В нем отмечается, что Объединенные Арабские Эмираты (Дубай), Индия и Пакистан образуют так называемый «треугольник «хавалы», бездокументарной финансовой системы, пронизывающей мусульманский мир сверху донизу и по горизонталям. В качестве залоговых активов в «хавале» используются наличные деньги, драгоценные металлы и камни. С оценкой драгметаллов на Арабском

Востоке проблем не бывает, поскольку в качестве операторов «хавалы» обычно выступают владельцы ювелирных лавок. В Дубае находится один из самых больших в мире розничных рынков золота «Сук аз-захаб», на котором вне какого-либо государственного контроля работают тысячи мелких операторов. ОАЭ – мировой лидер по потреблению золота на душу населения. Примечательно, что после атаки США на Афганистан осенью 2003 года золото талибов было переправлено через Карачи именно в Дубай, поскольку Объединенные Арабские Эмираты были одним из трех государств мира,

установившие с талибами дипломатические отношения.

Несмотря на очевидную свободу действий радикальных арабских организаций в ОАЭ (по данным спецслужб США, организатор теракта 11 сентября в Нью-Йорке Мохаммед Атта большую часть денег на эту операцию получил из Дубая. Первый пилот, протаранивший южную башню ВТЦ, Марруан аль-Шеххи, был подданным ОАЭ), создание Дубайской алмазной биржи было с энтузиазмом встречено участниками мирового алмазного рынка, и она стремительно начала увеличивать обороты буквально с первых дней своего существования.

До сих пор использование алмазов в качестве залогового актива в «хавале» ограничивалось серьезной технической проблемой: оценка алмаза, в отличие от золота, требует чрезвычайно высокой квалификации. В арабском мире таких специалистов практически не было, с открытием Дубайской алмазной биржи эта проблема была снята. Теперь алмаз мог быть полезен арабским радикалам не только и не столько в качестве инструмента, концентрирующего в предельно малом объеме максимально возможную стоимость, к тому же легко транспортируемого и не обнаруживаемого никаким

детектором. Отныне окончательно исчезла необходимость возить кристаллы через границы — достаточно было внести алмазы как залог оператору «хавалы» в Дубае, чтобы в течение нескольких часов эквивалентная сумма была получена доверенным контрагентом, например, в Грозном, Нью-Йорке, Мадриде или Москве. «Международный исламский терроризм» получил свою экономику и, таким образом, стал реальным политическим игроком. Но создание новой «империи зла» означало решение лишь половины задачи. Теперь нужно было создать эффективный механизм

борьбы с новорожденным монстром. Создание глобального управляемого противника и адекватных средств его подавления является необходимым условием контроля над мировыми ресурсными рынками – эта аксиома лежала в основе проектов «Ш Рейх» и «СССР». И противодействие «международному терроризму» развивалось в точном соответствии с ней.

В конце 1997 года Энтони Оппенгеймер, президент Центральной сбытовой организации (ЦСО), сделал эпохальное заявление о том, что «Де Бирс» отказывается от монопольной организации рынка. Несколько месяцев спустя никому

доселе неизвестная британская некоммерческая организация (НКО) Global Witness (GW) опубликовала сенсационный доклад о внедрении исламских террористов в алмазный бизнес. В этом документе приводились многочисленные имена функционеров радикальных организаций, маршруты их передвижения по алмазоносным странам Африки, ксерокопии их личных документов и авиабилетов, состав контактов и содержание переговоров с представителями алмазного бизнеса. Объем и детализация доклада не оставляли сомнения в том, что источниками данных для него могли быть только

спецслужбы – как государственные, так и ведущих алмазодобывающих корпораций.

Едва алмазный рынок оправился от шока, вызванного докладом GW, как эта организация и ряд поддержавших ее НКО из стран Британского содружества, выступили с оригинальной инициативой: для того чтобы остановить проникновение «международного терроризма» в алмазный рынок, необходимо создать глобальную надгосударственную структуру, обладающую правами регулятора – возможностью блокировать алмазный бизнес в той стране, которую этот регулятор по каким-

либо причинам сочтет поддерживающей «международный терроризм», а также нарушающей «права человека» и т. п. Так было положено начало «Кимберлийского процесса» — «общественного движения», быстро трансформирующегося в транснациональную бюрократическую структуру, формальной целью которой является изгнание из цивилизованного рынка потока «конфликтных» или «кровавых» алмазов, способствующих финансированию криминальных и террористических организаций. Разумеется, такая благородная инициатива

моментально нашла поддержку ООН и уже через пару лет после упомянутого доклада GW мировой алмазный рынок перешел в новое качество — отныне государства, не включившиеся в «Кимберлийский процесс» и не выполняющие требования принятых в его рамках документов, исключаются мировым сообществом из международной торговли алмазами. Подобное прямое управление глобальным ресурсным рынком с помощью «общественного регулятора» ранее не имело прецедента — вновь алмазный рынок выступил в качестве полигона для клубного эксперимента.

Энтони Оппенгеймер.

Вскоре последовала закономерная попытка сделать опыт «Кимберлийского процесса» универсальным, перенести эту схему управления на другие ресурсные рынки, прежде всего на рынок нефти. Наиболее полно концепция управления ресурсными рынками через «борьбу» с «международным терроризмом» была сформулирована в программном документе GW «Нервы войны», на котором стоит остановиться подробнее.

Итак, инициаторы «Кимберлийского процесса» полагают:

— источником современных локальных конфликтов являются

природные ресурсы, находящиеся на территориях стран, вовлеченных в конфликт;

— этот же источник является финансовой базой «международного терроризма»;

— способность сторон конфликта к его продолжению и интенсификации зависит от возможности продвигать эти ресурсы на внешние рынки и получаемую прибыль использовать для приобретения оружия, боеприпасов и другого имущества, необходимого для вооруженной борьбы, в том числе для террористической деятельности;

— блокада со стороны цивилизованного мирового

сообщества доступа на мировые рынки природных ресурсов из зон конфликта однозначно ведет к прекращению этого конфликта в связи с потерей источников финансирования;

— приведенные посылки являются универсальными, распространяемыми практически на все современные локальные конфликты (в «Нервах войны» рассматривается около 20 стран) и на все виды ресурсов «конфликтных территорий», востребованных мировыми рынками.

Эта механистическая модель, удивительным образом напоминающая классические

марксистские работы, обладает несомненной привлекательностью в силу ее простоты и безупречной, на первый взгляд, логики. Она превосходна в качестве пропагандистского инструмента, но на самом деле является всего лишь ширмой, удачно скрывающей процессы, природа которых не может быть объяснена подобными примитивными посылками.

Действительно, в современном мире существуют многочисленные вооруженные конфликты, развивающиеся на территориях, либо вообще лишенных природных ресурсов, востребованных мировыми рынками, либо располагающих

ничтожным количеством таковых, ни в коей мере не соответствующим интенсивности и продолжительности конфликта. В «Нервах войны» содержится таблица «Гражданские войны, обусловленные природными ресурсами», где в первой строке приводится Афганистан, а в качестве «природных ресурсов», соответствующих вооруженному конфликту в этой стране — «драгоценные камни и опиум».

Если следовать этой логике, то необходимо признать, что дорогостоящая и масштабная война в Афганистане, продолжающаяся практически без перерыва уже более

30 лет, война, в которой принимали и принимают самое непосредственное участие СССР, Россия, Пакистан, Саудовская Аравия, США, вызвана странным желанием контролировать более чем скромные запасы дешевого лазурита и заросли опиумного мака. Последний «природный ресурс», кстати, не являются присущим исключительно Афганистану, а при известной сноровке участников этого специфического рынка может выращиваться, в том числе, в окрестностях Москвы, Лондона или Вашингтона. Очевидно, что реальные причины афганского конфликта имеют мало чего общего с «природными ресурсами», которые

Афганистан может предложить на мировые рынки.

В модель GW не вписываются, например, палестино-израильский конфликт (на этих территориях вообще нет никаких природных ресурсов, востребованных мировыми рынками), балканские конфликты, конфликты на постсоветском пространстве (какими значимыми природными ресурсами обладает Северная Осетия или Нагорный Карабах?). Тем не менее, в зоны подобных «безресурсных» конфликтов исправно в большом количестве поступает современное оружие, и незаконные вооруженные формирования подчас являются

самыми боееспособными соединениями в соответствующих регионах. Очевидно, что эти поставки оружия не могут быть прекращены с помощью блокады несуществующих ресурсных потоков.

Ангола и Демократическая Республика Конго (ДРК), в первом приближении вписываются в модель GW сегодня идеально. Но если взглянуть на ретроспективу вооруженных конфликтов в этих странах, становится очевидно, что их первоначальные причины лежат совершенно в иной плоскости. Группировки, участвующие в гражданской войне, вспыхнувшей в Анголе в 1974 году после получения

независимости, финансировались и вооружались СССР и Западом вовсе не в качестве платы за ангольские нефть и алмазы. Поставки современного оружия на миллиарды долларов в течение 15 лет, финансирование 40-тысячного кубинского экспедиционного корпуса, подготовка тысяч ангольских специалистов в СССР — эти колоссальные расходы искупались не ангольскими природными ресурсами, а возможностью использовать территорию Анголы (прежде всего протяженное атлантическое побережье) для обеспечения деятельности советской глобальной

системы Морской космической разведки и целеуказания (МКРЦ «Легенда») – асимметричного средства, позволяющего в известной степени нейтрализовать авианосные группировки США в Атлантике. И самое главное – конфликт в Анголе был прекращен вовсе не из-за блокады продаж алмазов, находящихся под контролем группировки УНИТА. В распоряжении этой организации находились ресурсы, позволяющие продолжать войну еще добрый десяток лет. Но в феврале 2002 года в результате хорошо скоординированной операции спецслужб трех заинтересованных

государств был уничтожен лидер УНИТА Жонас Савимби, а непосредственно перед этой акцией были достигнуты соответствующие договоренности с его потенциальными преемниками. Этого оказалось вполне достаточно для прекращения почти 30-летнего конфликта. Очевидно, что рассматриваемая модель GW здесь совершенно ни при чем.

Что же касается ДРК, которую населяют свыше 450 народностей и племен, то там межплеменная резня имеет многовековые корни и происходила задолго до появления первых европейцев в Африке. Искусственная тонкая оболочка

«демократической республики» скрывает систему отношений, характерную для Европы примерно XII века, с соответствующими ценностными представлениями. Безусловно, автомат Калашникова — существенно более эффективное оружие, чем лук и стрелы, но эксперты, хорошо знакомые со спецификой родоплеменных отношений в Конго, практически единодушны во мнении, что в случае блокирования поставок современного оружия (что даже гипотетически трудно представить, учитывая неконтролируемую границу с Замбией), в ход пойдет любое, вплоть до традиционного.

Приведенные выше соображения, конечно, не являются отрицанием того факта, что начиная с 90-х годов XX столетия и по сей день, многие вооруженные конфликты в Африке а также «международный исламский терроризм» подпитываются за счет нелегального алмазного трафика. Но это обстоятельство не объясняет ни историю, ни подлинные причины этих конфликтов и справедливо лишь для исторически короткого временного интервала.

Следовательно, нет никакой уверенности, что с ликвидацией нелегального алмазного трафика эти конфликты будут исчерпаны. Более

того, лишение населения этих стран доходов, которые дает им теневой алмазный трафик, способно спровоцировать эскалацию существующих конфликтов. Там, где сейчас убивают за алмазы, будут убивать за миску риса, предоставленного гуманитарными миссиями.

Наконец нельзя не коснуться ряда современных конфликтов, действительно тесно связанных с природными ресурсами, но в то же время окончательно опровергающими модель GW.

Нигерия входит сегодня в первую десятку мировых добытчиков нефти и является членом ОПЕК. Добыча

ведется в дельте реки Нигер компаниями Royal Dutch Shell, Agip и Total с нефтяных платформ, соответственно транспортировка осуществляется танкерным флотом. Уровень ежедневной добычи превышает 2 млн.

баррелей в сутки. В мангровых лесах дельты Нигера обитает племя айджо, традиционным занятием которого является рыболовство. Лидеры этого племени находятся в оппозиции к правительству Нигерии, декларируя, что айджо практически лишены своей доли национального нефтяного «пирога». Племя имеет несколько боевых организаций, крупнейшей из которых

«Добровольческие народные силы дельты Нигера» руководит Муджахид Докубо-Асари. Боевики айджо исповедуют ислам и с полным основанием могут считаться одним из передовых отрядов «международного исламского терроризма». Боевые организации айджо перманентно угрожают нефтяным платформам и на протяжении многих лет находятся в состоянии вооруженного конфликта с правительственными войсками Нигерии.

Казалось бы, классическая для модели GW ситуация: африканская страна, богатая природными ресурсами, с коррумпированным

правительством, нищим страдающим населением, незаконными вооруженными формированиями, и причина всему этому кошмару — крайне востребованная мировым рынком нефть. Все составляющие налицо. Но.

Племя айджо не экспортирует нефть. Даже если моджахеды айджо захватят нефтяные платформы и станут выкачивать из родной дельты Нигера лишний миллион баррелей, им просто некуда будет его деть — придется захватывать танкерный флот и т. д. Это, конечно, фарс. Но за этим фарсом кроется тщательно игнорируемая аналитиками нефтяного рынка загадка. Племя

айджо очень бедно — доходов от рыболовства хватает, только чтобы не умереть с голоду. И в то же время племя айджо прекрасно вооружено — едва ли не лучше, чем правительственные войска Нигерии. Племя айджо имеет стрелковое оружие бельгийского, французского и американского производства последних модификаций, быстроходные катера-охотники с моторами Yamaha и BMW самых совершенных моделей, крупнокалиберные пулеметы, гранатометы и даже ПЗРК. С таким арсеналом племя айджо действительно способно угрожать нефтяному бизнесу в дельте Нигера.

Кто и зачем поставляет племени айджо современное оружие? И какими «природными ресурсами» (не угрями же?) платит за него племя айджо?

Изучая эту проблему, некоторые эксперты пришли к довольно циничному выводу – неграмотное в целом племя айджо отчего-то прекрасно разбирается в нефтяных фьючерсах и каким-то образом держит руку на пульсе биржевой игры. Практика показывает, что племя айджо выезжает из мангровых зарослей на катерах Yamaha и подвергает интенсивному обстрелу нефтяные платформы (а за компанию и правительственных полицейских)

именно в тот момент, когда все остальные средства игры на повышение на мировых нефтяных биржах исчерпаны. Племя айджо неизменно добивается успеха — очередное громкое заявление Муджахиды Докубо-Асари о новом раунде гражданской войны в Нигерии, подкрепленное десятком гранат, выпущенных по нефтяной платформе, сотней-другой убитых правительственных солдат, а также несколькими публикациями в авторитетных деловых изданиях, неизменно подбрасывают биржевую стоимость сортов Bonny Light и Forcados на пару долларов вверх, что в итоге весьма позитивно

сказывается на балансе Royal Dutch Shell, Agip, Total и играющих на повышение биржевых спекулянтов. Учитывая последнее обстоятельство, вопрос «Откуда у племени айджо современное оружие?» представляется риторическим.

После окончания первой чеченской войны в 1996 году Чечня получила независимость defacto и все ее нефтяные ресурсы контролировались правительством Яндарбиева — Масхадова. Торговля чеченской нефтью шла свободно, и вся прибыль доставалась чеченским структурам. Ни Масхадов, ни Яндарбиев новой войны с Россией не хотели, они обоснованно считали ее

бессмысленной. Зачем потребовался провокационный рейд Басаева и Хаттаба в Дагестан в 1999 году? Кто развязал вторую чеченскую войну и с какой целью? Разве борьба за чеченскую нефть была ее причиной, а сама эта нефть — источником финансирования? Нет, Чечня в 1996—1999 годах была накачана оружием, деньгами, инструкторами и агентами саудовских спецслужб с главной задачей — развязать долгосрочный и масштабный гражданский конфликт в одном из крупнейших мировых экспортеров нефти — в России. Это было частью стратегии неоконгов, направленной на тотальное повышение биржевых

цен на углеводороды, цена рванула вверх именно с 1999 года. И никакая блокада продаж чеченской нефти не остановила бы эту войну.

Два приведенных выше примера являются убедительным доказательством, что современный локальный конфликт может использоваться как средство эффективной регуляции и управления глобальным рынком (в данном случае – нефти) в интересах известных транснациональных игроков. В этом случае блокирование продаж добываемых сторонами конфликта (или одной из сторон) природных ресурсов либо просто бессмысленно, поскольку не

является инструментом, влияющим на подлинную причину конфликта, либо соответствует интересам внешнего транснационального игрока, заинтересованного в эскалации конфликта как в средстве, влияющем на мировые цены ресурса, но ни в коем случае не служит средством, останавливающим конфликт, и тем более не способствует позитивному развитию «конфликтной территории».

В период становления «Кимберлийского процесса» некоторые авторитетные специалисты алмазно-бриллиантовой отрасли высказали ряд здравых суждений о подлинных

причинах этой инициативы. Например, в интервью изданию RBC daily, данном в октябре 2004 года по случаю открытия в Нью-Йорке Всемирного алмазного совета, вице-президент Ассоциации российских производителей бриллиантов А. Эвоян утверждал, что «уже сейчас появление на рынке конфликтных алмазов благодаря жесткому контролю крайне маловероятно. То есть сама проблема камней из горячих точек явно раздута непропорционально своему значению для алмазного рынка. Да и аргумент, согласно которому на деньги, полученные от продажи «грязных алмазов», покупается

оружие, также неубедителен. Ведь тогда гораздо логичнее бороться с незаконной торговлей оружием, однако этот рынок почему-то никто всерьез не трогает». По мнению Арарата Эвояна, «Кимберлийский процесс» был инициирован и продвигается через неправительственные организации, прежде всего, усилиями США. «В Америке продается 60% всей алмазной продукции, поэтому игнорировать мнение американцев никто не может. Тему «грязных» камней постоянно поднимают Amnesty International и другие неправительственные организации, «Кимберлийский процесс» тесно

связан с процессом глобализации. Алмазный рынок очень хорошо организован, и его легко контролировать. США хотят отработать на «Кимберлийском процессе» схему взятия под полный контроль движения товаров. Путем сертификации можно контролировать объемы «на входе и выходе». В будущем это может быть нефть, сталь и прочие товары. Это элемент американского проекта глобализации», — считает Арарат Эвоян. В принципе, эта точка зрения не далека от истины, особенно точно замечание в отношении оружейного рынка. Однако она требует некоторого уточнения, поскольку

«американский проект глобализации» — слишком расплывчатая характеристика, не позволяющая продвинуться в понимании интересов конкретных участников процесса.

В основании аргументов, высказываемых как pro, так и contra «Кимберлийского процесса», часто фигурирует цифра 4%. Якобы именно такова была доля «кровавых алмазов» в мировом обороте алмазного сырья на момент старта этого движения, и именно этот объем стал основой экономики «международного терроризма». Некоторые эксперты считали эту цифру внушительной, другие,

подобно А. Эвояну – напротив, мизерной, но вряд ли кто может ответить на вопрос, откуда вообще она взялась? Почему 4%, а не 14% или 0,4%? В многочисленных публикациях есть ссылки на экспертные оценки, но нам не удалось найти никаких расчетных методик, сколь-нибудь убедительно обосновывающих этот загадочный показатель.

global witness

For a Few Dollars More

How al Qaeda moved into the diamond trade

A Report by Global Witness, April 2003.

Обложка знаменитого доклада GW о внедрении Аль Каиды в алмазный рынок.

Здравый смысл заставляет предположить, что определить (хотя бы с точностью до процента) размер потока «конфликтных алмазов», потока, состоящего из очень многих крупных и мелких ручейков, могла только структура, которая специально ставила своей задачей этот поток как минимум «видеть» и как максимум контролировать. Такой мотив, а главное — такие возможности были только у одного участника мирового алмазного рынка — корпорации «Де Бирс». Действительно, в аналитическом

бюллетене ПИР-центра «Вопросы безопасности», изданном в сентябре 2000 года, в разделе «Россия и проблематика конфликтных алмазов» именно эксперты «Де Бирс» называются в качестве авторов подобных оценок.

Парадоксально, но подлинную ясность в проблему внесла сама Global Witness, обвинив в декабре 1998 года «Де Бирс» в закупках алмазов у африканских незаконных вооруженных формирований (НВФ) в период 1992—1998 годов на сумму \$3,7 млрд. Несложно определить, что эта цифра в пересчете на ежегодный объем рынка сырых алмазов в указанный период и дает

приблизительно 4%. Несмотря на то что «Де Бирс» публично отвергла сами обвинения, ее эксперты не оспаривали пресловутые 4% и все остальные участники рынка априори согласились с этой цифрой. Примечательно, что GW не раскрывает источники, сообщившие ей многолетние и точные данные о закупках «кровавых алмазов» «Де Бирс». Но совершенно очевидно, что эта информация не могла быть результатом собственного мониторинга GW, поскольку в начале исследуемого периода (1992) этой организации просто не существовало, да и алмазной проблематикой она занялась только с

1998 года. Остается предположить, что эта весьма скромная на тот момент неправительственная организация имела агентурные источники в недрах одной из самых закрытых транснациональных корпораций, известной среди специалистов соответствующего профиля выдающейся эффективностью своих превентивных служб. Причем эти источники находились в самой щепетильной и, соответственно, информационно защищенной области, где содержались данные о закупке сырых алмазов у африканских НВФ с целью регуляции давления на

монополизированный «Де Бирс» рынок. Очевидно, это предположение невероятно. Гораздо более правдоподобна другая гипотеза – данные в \$3,7 млрд за период в 7 лет (или 4% от ежегодного оборота рынка сырых алмазов) были любезно предоставлены британским правозащитникам самой корпорацией «Де Бирс» и реально характеризуют не объем трафика «кровавых алмазов», но долю «Де Бирс» в этом трафике, что, согласитесь, – несколько разные вещи.

Итак, 4% «кровавых алмазов» на рынке – это то, что «Де Бирс» закупала у африканских НВФ.

Исчерпывался ли реальный поток этой цифрой? На наш взгляд — нет. На этом рынке работали (и что печально — продолжают интенсивно работать) десятки бельгийских, израильских, украинских и прочих компаний, а также предприятий неопределенной принадлежности, типа фирм легендарного Виктора Бута. Кто может с достоверностью определить объем этого трафика? Может ли, например, статистика правоохранительных органов лежать в основе таких определений? Что, разве всех поймали? Или кто-то (может GW?) имеет внедренную агентуру в десятки организаций, практикующих «серый» и «черный»

алмазный бизнес? И эта агентура выдает данные в некий единый центр? Очевидно, что точный объем нелегального алмазного трафика не может определить никто.

В структуре мирового алмазного рынка существует много «серых» и «черных» каналов, финансовая энергия которых действительно активно используется криминальными и террористическими структурами. Но эти каналы странным образом ускользают от внимания «Кимберлийского процесса». В период 1992—1996 годов в России произошел массовый сброс стоков Гохрана через систему т. н.

«совместных ограниченных предприятий», которые использовали для доставки этого сырья на мировой рынок полукриминальные и откровенно криминальные методы. Объем этих операций оценивался экспертами примерно в \$0,5 – 0,9 млрд в год и мог бы существенно повлиять на пресловутые 4%, но не заинтересовал отцов-основателей «Кимберлийского процесса», несмотря на то что «Де Бирс» подвергла санкциям несколько сайтхолдеров, на которых пали подозрения по участию в «сером» экспорте из России.

Технология, с помощью которой

«Кимберлийский процесс» борется с «кровавыми алмазами», также вызывает недоумение. Так называемая «система сертификации КП» по сути, представляет собой бюрократическую процедуру, на самом деле эффективную только в развитых странах с законопослушным населением. Люди, знакомые с реалиями Конго, Анголы, Либерии, Армении и т. п. стран, согласятся, что подделка сертификатов КП и выстраивание соответствующего коррумпированного таможенного канала не представляет сколь-нибудь серьезной проблемы для действующих здесь мощных и

энергичных криминальных структур. Позволим себе сравнение с наиболее бюрократизированным и контролируемым оружейным рынком — здесь действует «сертификат конечного пользователя», который в известной степени можно считать аналогом «сертификата КП». Но никто не будет оспаривать тот факт, что, несмотря ни на какие сертификации и контролирующие усилия национальных и транснациональных бюрокраций, «горячие точки» планеты не испытывают ни малейшего недостатка в современном оружии. И это при том, что провести «черную» или «серую» оружейную поставку

неизмеримо труднее, чем алмазную, хотя бы просто в силу физических характеристик товара. Бюрократизация рынка на самом деле всего лишь увеличивает его коррумпированность. Для того чтобы по настоящему эффективно бороться с теневыми потоками (не важно — оружия, алмазов, наркотиков), нужна политическая воля и соответствующим образом подготовленные спецслужбы — история с ликвидацией Жонаса Савимби блестяще подтверждает этот тезис.

Таким образом, следует признать, что подлинный интерес «Кимберлийского процесса»

сосредоточен не на изучении реального мирового теневого алмазного трафика и разработке эффективных методов его блокады, но на регуляции стихийных поставок алмазов из совершенно определенных стран Африки, в первую очередь Анголы, Либерии, Сьерра-Леоне, ДРК, где запасы алмазов наиболее высоки, а добыча не подконтрольна «Де Бирс».

Если сопоставить хронологию (1997—2001) следующих событий:

- развитие проектов конкурентов «Де Бирс» в этих странах, прежде всего АЛРОСА, группы Леваева и группы Гертлера;
- получение GW данных о

закупках «Де Бирс» «кровавых алмазов» у африканских НВФ;

– экспансию «Де Бирс» в Канаде, включая установление контроля над месторождением Снэп-Лейк;

– декларацию «Де Бирс» о прекращении монопольной регуляции алмазного рынка;

– энергичный старт «Кимберлийского процесса, то можно вполне сочувственно отнестись к эмоциональному утверждению крупного эксперта алмазного рынка Мартина Рапапорта: «GW с их шокирующе провокационной кампанией «Blood Diamond» буквально гонит клиентов

к алмазам «Де Бирс» и Канады — прочь от старателей. Эта кампания GW убьет немаркированные алмазы, так что крупные горные компании смогут продвигать свои бренды и освободиться от мелких».

В период 2000—2006 годов благодаря инициативам прежде всего GW были действительно в той или иной степени блокированы потоки алмазов из Анголы, Либерии, Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуара. Не подлежит сомнению, что эти алмазы связаны с конфликтами, коррупцией, эксплуатацией детского труда. Но по странному стечению обстоятельств, средняя стоимость одного карата алмазов, добываемых в этих странах,

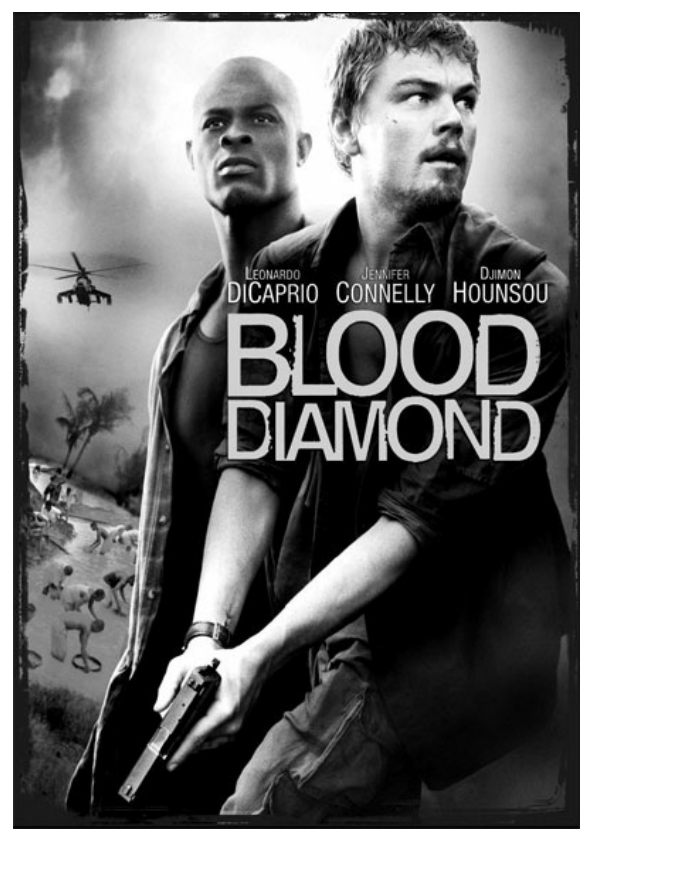
находится в том же диапазоне (\$120 – \$145), что и алмазов, добываемых «Де Бирс» на новых месторождениях Канады и в Танзании. Объективно получается следующая картина: интенсивный рост добычи на перспективных месторождениях, контролируемых «Де Бирс», одновременно сопровождался блокадой товара той же ценовой категории из стран Западной Африки, где присутствие «Де Бирс» практически равно нулю. Является ли это совпадение случайным? С кем на самом деле идет борьба – с гражданскими конфликтами и «международным терроризмом» или с конкурентами? За что идет борьба

— за гуманитарные ценности или за контроль цен?

Отчаянная борьба «Кимберлийского процесса» с «кровавыми алмазами» стала основой многочисленных телевизионных сюжетов и многомиллионных голливудских кинопроектов. Что, разумеется, не могло не отразиться на росте спроса на бриллианты. История алмаза насчитывает немало кровавых страниц. Так называемые «исторические алмазы», например «Шах» или «Регент», буквально выкупаны в человеческой крови. С алмазами прочно связаны захватывающие авантурные истории,

интриги, борьба, предательство, убийства, войны, стремительные и несправедливые обогащения и катастрофические разорения. Эти камни — лучшие друзья не только девушек и королей, но и кинематографических, литературных и реальных шпионов, диверсантов, гангстеров и террористов. Аура интриги — неотъемлемое свойство этого кристалла, она творение самой Истории, она реальная и возможно главная составляющая понятия «алмаз», эта аура создана десятками поколений, на нее поработал талант многих выдающихся мастеров пера и камеры. Если на одном аукционе выставить два практически

совпадающих по оценочным характеристикам бриллианта, но к одному приложить красивую сказку в виде сертификата о древнем происхождении, романтических приключениях и трагических насильственных смертях десятка бывших владельцев, а к другому – справку, что он изготовлен в прошлом году на заводе «Кристалл» (г. Гомель) из алмаза, добытого на месторождении имени XXIII Съезда КПСС, – какова будет разница в цене?

A black and white movie poster for the film 'Blood Diamond'. The poster features two main characters in the foreground: a Black man (Djimon Hounsou) on the left, looking off to the side with a serious expression, and a white man (Leonardo DiCaprio) on the right, looking upwards and to the right. The white man is holding a handgun in his right hand. In the background, a military helicopter is visible in the sky, and a group of people are seen in a muddy, war-torn landscape. The title 'BLOOD DIAMOND' is prominently displayed in large, bold, white letters across the center. Above the title, the names of the lead actors are listed: 'LEONARDO DICAPRIO', 'JENNIFER CONNELLY', and 'DJIMON HOUNSOU'.

LEONARDO
DICAPRIO

JENNIFER
CONNELLY

DJIMON
HOUNSOU

BLOOD DIAMOND

*Голливудский блокбастер
«Кровавый алмаз» с Леонардо ди
Каприо очень своевременно
появился на экранах.*

В наш век политкорректности
приведенные аргументы не могут
служить материалом для любовых
рекламных кампаний, да это и не
требуется — надежная основа
заложена предыдущими столетиями.
«Кровь» и «алмаз» понятия
неразделимые на глубоком уровне
подсознания потенциального
покупателя бриллиантов, это
сочетание — почти инстинкт. Энергия
эстетики крови, эстетики трагедии и
интриги была, есть и будет всегда
неизмеримо сильнее пресного

наслаждения условной красотой, вяло ассоциированной с банальными ухаживаниями. Массовый покупатель бриллиантов, тот кто делает рынок – современный американец, японец, европеец, китаец чья жизнь в постиндустриальном обществе жестко регламентирована и скучна настолько, что требует повседневного мощного допинга в виде компьютерных игр, голливудских сказок и телевизионных суррогатов, этот покупатель на самом деле глубинами своего подсознания ощущает в бриллианте вовсе не какое-нибудь дурацкое «северное сияние», обещанное примитивной рекламой.

Нет, там, внутри этого brutального кристалла идет англо-бурская война, там «Копи царя Соломона», Джеймс Бонд и родезийские наемники, там короли, фаворитки и мушкетеры, обольстительные красавицы, элегантные разведчики и лихие контрабандисты, там звездные Николас Кейдж и Леонардо ди Каприо. Там кровь. А без нее — это просто кусок кристаллического углерода. Не о чем говорить. Совпадение по времени отказа «Де Бирс» от монопольной организации алмазного рынка и рождение «Кимберлийского процесса» не случайность. Это лишь очередное свидетельство гибкой адаптации

идей, заложенных С. Родсом, к новым, быстро меняющимся реалиям современного мира. «Кимберлийский процесс» – эта оборотная сторона «международного терроризма» – есть не что иное, как новейший механизм регулирования рынка в интересах старого владельца, так сказать «ноу-хау эпохи глобализации». И вновь алмазный рынок выступил в качестве экспериментальной лаборатории – в 2010 году, через десять лет после старта «Кимберлийского процесса», в США был принят «Закон о конфликтных минералах» (Conflict Minerals Law), распространяющийся на публичные компании (как

американские, так и зарубежные, торгующиеся на американских биржах), добывающие и/или использующие в своем производстве золото, вольфрам, олово и тантал из месторождений, находящихся в 10 странах Западной и Центральной Африки: ДРК, Анголе, Бурунди, Центрально-Африканской Республике, Республике Конго, Руанде, Судане, Танзании, Уганде, Замбии. Этот закон построен на тех же принципах, что и «Кимберлийский процесс», причем база минералов, включенных в него, как и перечень стран, на которые распространяется его действие, могут быть расширены в любой

момент. Права человека – вот высшая ценность, и она должна быть защищена! А потому Африку ждут нелегкие времена.

Глава 10

Прогностическая ценность модели

*«Под «клубами» и
«элитами» я подразумеваю
укоренившиеся и
самовоспроизводящиеся
братства, правившие
англосаксонскими
государствами: они были (и
есть) образованы
конгломератами династий,
происходящих из
банкирских домов,
дипломатического корпуса,*

офицерской касты и
правлящей аристократии.
Этот конгломерат и по сей
день прочно вплетен в
ткань современных
«демократий».

Гвидо Джакомо
Препарата.

Как Британия и
США создавали
Третий рейх М.,
2007 г.

История алмазного рынка является убедительной иллюстрацией положения о том, что теории, аналогичные созданной Альфредом Маршаллом и его многочисленными последователями, не более чем умозрительные конструкции, мало пригодные как для объяснения, так и для прогнозирования глобальных экономических событий и соответствующих им политических процессов. Но если «объективные» законы, подобные «закону спроса и предложения», — это фикция, то следует признать, что мощные экономические кризисы и соответствующие им политические

КОЛЛИЗИИ являются не последствиями «объективного» хода событий, а инструментами, используемыми определенными элитарными кругами для решения основной задачи — захвата и удержания контроля над планетарной минерально-сырьевой базой. Имеет ли такой ракурс рассмотрения проблемы прогностическую ценность? В начале 2010 года мне довелось участвовать в дискуссии экспертов, посвященной прогнозу — насколько долго Китай сможет оставаться ведущим драйвером, как мировой экономики, так и собственно алмазно-бриллиантового рынка. Мои

рассуждения (опубликованные в апреле 2010 года в виде статьи на отраслевом портале Rough&Polished) сводились к следующему.

В 1966 году корпорация De Beers начала широкомасштабную рекламную кампанию, направленную на продвижение изделий с бриллиантами в Японии. Японский рынок раскручивался буквально «с нуля» – еще в начале 60-х годов потребление японцами бриллиантов было менее одного процента от мирового уровня. В 70-е годы Япония уже уверенно входила в «тройку призеров». В 1988 году Япония впервые выбилась в лидеры: объем розничных продаж изделий с

бриллиантами здесь составил \$14,4 млрд, а в США – \$14,1 млрд. Создание за относительно короткий срок бриллиантового рынка, эквивалентного по мощности американскому, да еще в стране, не имевшей изначально традиции потребления бриллиантов и отличавшейся весьма своеобразной ювелирной культурой, до сих пор является эталоном маркетинга.

Возможно ли повторение этого фантастического успеха в современных условиях в стране, на которую обращены сегодня надежды диамантеров – в Китае? Может ли растущее потребление изделий с бриллиантами в КНР

компенсировать падение спроса в США, вызванное текущим кризисом? И как скоро это произойдет, если произойдет вообще?

Успешный маркетинг бриллиантов в Японии базировался на фундаментальном основании в виде т. н. «японского экономического чуда» 50-х – 80-х годов XX века, имеющего весьма схожие механизмы и цели с «китайским экономическим чудом», стартовавшим в 1979 году. Возможно, параллели между этими двумя «чудесами» будут не лишними для поиска ответов на поставленные вопросы.

По окончании Второй мировой войны Япония представляла собой

экономический труп:
инфраструктура и промышленность
разрушены организационно и в
значительной степени – физически,
источники сырья и рынки сбыта
отрезаны, финансовая система
практически перестала
существовать. Казалось, что для
восстановления хотя бы довоенного
уровня экономики не хватит и
столетия. Но как только
политическая система страны
приобрела приемлемые, с точки
зрения победителя, черты и
стабилизировалась, на страну
обрушился золотой дождь кредитов и
технологий. Начиная с 1950 года
ЭКСИМбанк США открывает

многомиллиардные кредитные линии, а правительство и корпорации обеспечивают передачу патентов, новейшего оборудования и технологий новым японским отраслям, продукция которых рассчитана прежде всего на экспорт, который должен стать основной доходной частью бюджета страны. Мощнейший стартовый импульс этому процессу дает Корейская война 1950—1953 годов, в ходе которой Япония получает огромный заказ по линии Пентагона буквально на все, что необходимо южнокорейской армии и американскому экспедиционному корпусу – все, кроме оружия.

В 50-х – 70-х годах США разгоняют японскую экономику с удивительным альтруизмом: кредиты предоставляются на самых льготных условиях, цикл смены оборудования в экспортных отраслях не превышает 5 лет (в самих США – 9 лет), и при этом, согласно японскому законодательству, иностранцы не могли быть акционерами японских предприятий. Технологии, на разработку которых в США затрачивались миллиарды и десятилетия, достаются Японии почти даром. Рынки США и Европы щедро открываются для японской продукции. Рост ВВП Японии в эти годы стабильно самый высокий в

мире – в диапазоне 11—15%, доля в мировом экспорте возрастает практически с нуля до 6%. В экспортно ориентированной промышленности создается огромное количество рабочих мест, сельское население массово мигрирует в города. Бюджет профицитный, быстро растет покупательная способность населения. Процесс изготовления из Японии «экономики № 2» становится очевидно необратимым во второй половине 60-х годов (с этого времени здесь и начинается успешный маркетинг бриллиантов).

В соответствии с конституцией 1947 года Япония не может иметь

армии и участвовать в военных блоках — как «силовой» союзник для США она не существует. После Нюрнбергского и Токийского процессов вес Японии в международных организациях, по крайней мере, в 50-е и 60-е годы, мягко говоря, был невысок и сильным дипломатическим союзником она тоже не выглядела. Так зачем же было разгонять экономику, быстро становящуюся прямым конкурентом, причем в самых что ни на есть «американских» (тогда) секторах мирового рынка — автомобилестроении, радиоэлектронике, станкостроении и

т. п.?

С 1940 по 1950 год госдолг США вырос в 6 раз с \$43 млрд до \$257 млрд, что составляло 94,1% ВВП. Прогноз о том, что экономика страны — эмитента мировой резервной валюты может существовать исключительно в условиях непрерывного (и весьма быстрого) роста госдолга, был в неявном виде сформулирован еще в Бреттон-Вудсе в 1944 году и, как известно, блестяще подтвердился. К 1980 году госдолг США вырос почти в 4 раза от уровня 1950 года. Но сам долг может существовать только в том случае, если есть состоятельные кредиторы. И «японское

экономическое чудо» добросовестно выполнило свою главную задачу — «экономика № 2» стала главным иностранным покупателем американского госдолга — примерно в тот момент, когда доля Японии в мировом экспорте достигла исторического максимума.

С 1980 по 2000 год госдолг США вырос с \$909 млрд до \$5629 млрд. Для того чтобы такой впечатляющий результат стал возможен, в обойме кредиторов должен был появиться новый мощный игрок. В 1979 году в КНР стартует бурная экономическая реформа. Вновь льготные кредиты США и международных финансовых институтов, вновь передача задарма

новейших технологий и фактически с нуля создание новых отраслей, ориентированных на экспорт, открытие рынков (с 2001 года КНР – член ВТО), небывалый рост ВВП и столь же фантастическое увеличение доли в мировом экспорте – в 5 раз за 20 лет. Разумеется, «китайское экономическое чудо», став очередной мировой «экономикой № 2», заняло почетную первую позицию в списке иностранных покупателей американского госдолга, оттеснив «японское чудо» на второе место.

Идентичная схема была применена и в отношении Южной Кореи, Сингапура, Гонконга, Тайваня, Малайзии. В результате

чудесного превращения в «азиатских тигров» эти страны в совокупности стали держателями примерно 10% американского госдолга, размещенного среди иностранных кредиторов.

Во всех случаях функционирования подобных экономических «чудес» отчетливо видны следующие фазы:

– Экспоненциальное увеличение доли в мировом экспорте. В процессе этого роста «чудо» становится покупателем американского госдолга, причем максимальный объем этой покупки соответствует пиковому значению доли в мировом экспорте.

– «Плановая» остановка роста экспорта, вызванная внешними факторами – антидемпинговой политикой и (или) падением покупательной способности населения (из-за кризиса) в странах-импортерах.

– Снижение экспорта и попытка компенсировать потери активизацией внутреннего спроса, используя накопленные бюджетные резервы и (или) наращивая собственный госдолг.

Пик потребления изделий с бриллиантами в Японии пришелся на 1995 год (\$16,9 млрд), через два года после достижения страной максимальной доли в мировом

экспорте, т. е. на последнюю из вышеприведенных стадий. Действительно, компенсация потерь от сжимающегося экспорта за счет активизации внутреннего спроса неизбежно предполагает увеличение покупательной способности населения за счет роста зарплат, повышения доступности кредитов и т. п. Проблема, однако, в том, что увеличение доходов населения в свою очередь увеличивает себестоимость экспорта, тем самым способствуя его сокращению. И за обнадеживающим всплеском середины 90-х последовало длинное «плато», переходящее в снижение. Весьма вероятно, что Китай последует по

такому же пути.

Похоже, что экспортно ориентированная модель экономики, заложенная по схожим технологиям в основу как японского, так и китайского «чудес», рассчитана не на бесконечное и безграничное развитие благодетельствованного контрагента, а на достижение и поддержание им определенного уровня, позволяющего кредитовать бюджет создателя в объеме назначенной квоты. Причем размер этой квоты вряд ли может быть больше 25% – иначе эмитенту чрезвычайно трудно будет хеджировать риски, и сегодняшняя напряженная ситуация относительно

курса юаня к доллару это подтверждает. Доля Китая среди иностранных кредиторов США сегодня немногим более 23%, Японии – 21%, и скорее всего это близко к пределу. А если учесть, что пик китайского экспорта пройден два года назад и сегодня торговый баланс КНР уже дефицитен, можно предположить, что уровень покупательной способности населения в КНР сейчас если и не достиг, то близок к максимальной отметке. А соответственно доля КНР в потреблении бриллиантов вряд ли сможет измениться принципиально.

Итак, привязка темпов развития КНР к ее доле в госдолге США была

высказана в начале 2010 года. Осенью 2012 года ряд крупных операторов алмазного рынка, ориентируясь на собственные источники в отрасли, высказали мнение, что Китай достиг уровня, близкого к предельному, и если и можно ожидать увеличения его доли на алмазном рынке, то незначительного. Таким образом, наш прогноз оказался удачным и базировался он на тезисе, что китайское экономическое «чудо» — суть не продукт объективного развития, но элитарный проект.

Тезис о «рукотворности» китайского «чуда» вполне позволяет прибегнуть к аналогии с известными

событиями конца 20-х – начала 30-х годов XX века и тем самым попытаться объяснить истинную причину кризиса 2008—2009 годов.

Общеизвестно, что важнейшим процессом, предшествовавшим Великой депрессии, была реализация «плана Дауэса» – накачка Веймарской республики американскими инвестициями и размещение германских облигаций на американских биржах. В результате к 1929 году экономика Германии вышла в целом на второе место в мире, а по экспорту машиностроительных и химических отраслей – на первое, но ее финансовая система *de facto*

полностью контролировалась ФРС. Современным аналогом этого процесса и может служить создание экспортно ориентированной экономики КНР.

Китайское чудо состоялось за счет западных (прежде всего — американских) инвестиций; КНР по многим показателям вышла на второе место в мире и аналогично Веймарской республике попала в замкнутый круг: критическую массу бюджетного дохода приносит продукция, экспортируемая в страны-инвесторы, а сама КНР стала рекордсменом по вложениям в казначейские облигации США.

Биржевой крах 1929 года и

последовавший за ним в 1930—1933 гг. жесточайший финансовый кризис ликвидировали «план Дауэса», превратили в мусор акции германских концернов и германские облигации и уничтожили финансовую систему Веймарской республики. В результате к власти в Германии пришли национал-социалисты, политически способные обеспечить единственный возможный вектор развития страны в условиях рухнувшей финансовой системы — жесткую милитаризацию. С 1933 года стартовала всемирная милитаризация — подготовка к запланированной войне, главная экономическая цель которой и была

впоследствии зафиксирована в Бреттон-Вудсе. Проводя аналогию, можно предположить, что нынешний этап кризиса имеет своей целью снижение доходности китайского экспорта до критического порога, преодоление которого (или близкая угроза такого преодоления) вынудит КНР к решительным действиям по установлению контроля за сырьевыми и энергетическими источниками, необходимыми для обеспечения выживания страны. Развитие внутреннего спроса в КНР не может быть действенным средством преодоления кризиса, поскольку не обеспечивает валютной выручки, необходимой для закупки

энергоносителей и сырья, а лишь увеличивает стоимость рабочей силы, что только усугубляет ситуацию, поскольку работает на уменьшение доходности экспорта. Развитие кризиса предполагает только один вектор политического и экономического движения Китая – в направлении контроля над источниками сырья, энергии и, разумеется, территории, необходимой для «сброса» излишков населения, численность которого быстро приближается к отметке в 1,5 млрд и для существования которого скоро не хватит даже питьевой воды (94% населения КНР проживают на 46% территории страны – остальная

практически для жизни не пригодна, среднемировые нормы по соотношению запасов питьевой воды и численности населения превышены в 6 раз).

Если учесть, что наиболее серьезные попытки КНР цивилизованно приобрести контроль над сырьевыми транснациональными корпорациями жестко блокируются политическими средствами, то следует признать, что единственным реальным направлением китайской экспансии может служить практически ненаселенная Восточная Сибирь. Это подтверждается увеличением континентальной армии КНР в 4 раза

за последние 8 лет и пренебрежением к развитию военного флота, который был бы необходим, если объектом такого рода экспансии служила бы Африка.

Столкновение двух тоталитарных режимов в ходе Второй мировой войны, в явной и неявной формах организованное и поддержанное англоамериканскими элитарными клубами, надолго ликвидировало все потенциальные претензии континентальной Европы на контроль над сырьевыми рынками и мировыми финансами. Потенциальный конфликт КНР и России вряд ли может перейти в крупномасштабные боевые действия,

учитывая наличие ядерного оружия у обеих сторон. Скорее это будет достаточно длительный и жесткий торг, с небольшой степенью вероятности осложняемый «горячими» пограничными конфликтами. В результате КНР в том или ином варианте приступит к масштабному освоению Восточной Сибири, минерально-сырьевая база которой чрезвычайно богата, но климатические и горно-геологические условия на порядок уступают африканским. Доступ Китая к сырьевым и энергетическим источникам Восточной Сибири на много десятилетий превратит его в экономическом плане в то же, чем

был СССР, номинальный победитель во Второй мировой войне, а именно – в младшего партнера истинных контролеров мировой экономической системы.

Движение КНР в направлении Восточной Сибири – вынужденный тренд, и чтобы он реализовался в нужное время и в нужном объеме, нужно погасить китайские надежды на освоение африканской минерально-сырьевой базы. Эта задача решается разжиганием ряда локальных конфликтов, начало которых мы уже можем наблюдать в виде «арабской весны». Но блокирование китайской экспансии – лишь одна сторона этого процесса.

С конца 2008 года в ходе последовательной реализации двух программ т. н. «количественного смягчения» (quantitative easing – QE-1, QE-2) ФРС США «впрыснула» в экономику более 2,3 триллиона долларов, а QE-3 предполагает продолжить этот процесс с интенсивностью до \$40 млрд в месяц. В результате индексы фондовых рынков и цены на сырьевые товары вышли на докризисный уровень, а по ряду активов незначительно превысили его. Таким образом, попытка залить кризис ликвидностью не слишком удалась: цены на активы лишь вернулись к прежним значениям, но

денег-то стало гораздо больше. Доставшиеся практически даром деньги инвесторы предпочли обратить в сбережения, направить на погашение долгов и маниакально вкладывать в золото, раздувая и без того чудовищный спекулятивный пузырь. Доверие к реальному сектору экономики оставалось чрезвычайно низким, потребление тоже практически не растет – и э то при минимальных (фактически – даже отрицательных) кредитных ставках в США и ЕС.

Никто не станет отрицать очевидного факта, что в основе реального производства лежат сырьевые товары – углеводороды,

медь, железо, алюминий, никель, цинк и т. д., все то, что на биржевом сленге именуется commodities. Мировые цены на commodities номинируются в долларах США — это приз подлинного победителя во Второй мировой войне. Именно это обстоятельство делает доллар настоящей резервной валютой — без доллара биржевая торговля сырьем просто невозможна. В свою очередь, номинация мировых цен на commodities в долларах делает эту валюту бесконечно устойчивой, поскольку ее обеспечением являются не ВВП США и какие-либо американские активы, а все сырье, добываемое на планете. Эта посылка

приводит к следующим простым выводам, на которых, на самом деле, и основывается вера в доллар:

– ФРС может «печатать» сколько угодно долларов, они всегда обеспечены;

– размер госдолга США, номинированный, естественно, в долларах, может увеличиваться до бесконечности;

– биржевая торговля commodities за доллары США будет продолжаться до тех пор, пока американская военная машина способна подавлять любые посягательства на этот порядок.

Разумеется, «печатать» долларов не является самоцелью –

периодическая накачка экономики ликвидностью служит вынужденным средством для устранения проблем неплатежей, «плохих» кредитов, чрезмерных долгов, т. е. фактически средством уменьшения энтропии, неизбежно накапливающейся в результате деятельности мирового хозяйственного механизма. Но задача регулятора по выводу экономики из кризиса не будет окончательно решена, пока «впрыснутая» ликвидность не увеличит потребление и не будет инвестирована в реальный сектор — без этого невозможен рост.

Итак, на нынешнем этапе перед регулятором стоит парадоксальная

задача: ликвидность, появившуюся в результате QE-1, QE-2, QE-3 необходимо «перелить» в реальный сектор, или, что то же самое, заставить инвесторов вкладываться в «голубые фишки» и commodities, при том, что какие-либо объективные предпосылки для таких инвестиций отсутствуют, поскольку даже даровые деньги практически не стимулировали потребление. А между тем суммарный объем накачки таков, что биржевые индексы должны подняться на 15% – 20% от докризисных уровней, а цена Brent достичь уровня \$150 – \$170 за баррель.

Для того чтобы радикально

поднять цены на commodities, а вслед за ними — капитализацию добывающих компаний, за которыми потянутся и все остальные, необходимо быстро и значительно ограничить предложение сырьевых товаров на рынке. Это можно сделать, развязав несколько масштабных вооруженных конфликтов в Африке, внешне оформленных как «цветные революции» и гражданские войны. Собственно говоря, этот процесс уже развернулся в Северной Африке и в ближайшее время должен распространиться южнее. Вслед за Ливией, Алжиром, Суданом, Мали, Тунисом, Египтом настанет черед

Анголы, Нигерии, ДРК, Зимбабве, ЦАР.

Вряд ли кто-нибудь сегодня сомневается в подлинном авторстве пресловутой «арабской весны», как и в том, что возможности US AFRICOM и US CYBERCOM исчерпываются этой своеобразной разминкой. Разрушение добывающей промышленности в Западной и Центральной Африке гарантированно обеспечит требуемый взлет цен на углеводороды и металлы, а заодно обнулит китайские инвестиции в этот регион. Все необходимые условия для «революционных выступлений угнетенных трудящихся» здесь

имеются в избытке: многовековая межплеменная рознь, вожди, сидящие в президентских креслах по несколько десятилетий, высочайший уровень коррупции и уголовной преступности, огромное количество оружия у населения, агрессивная, многочисленная, в массе неимущая, радикально настроенная молодежь.

В 2012 году ряд африканских стран продемонстрировал уверенное движение к гражданской войне. В настоящее время полномасштабные военные действия ведутся уже в Мали, а по оценке Международной кризисной группы (International Crisis Group), угроза дестабилизации реальна в Нигере, Чаде, Буркина-

Фасо, Алжире, Мавритании, Центрально-Африканской Республике, ДРК и Судане. В зоне очевидной политической турбулентности находятся также Нигерия и Конго (Браззавиль). «Ливийский сценарий» сползает к югу. Разумеется, этот процесс получает соответствующее обрамление в глазах широкой общественности – в конце февраля 2012 года Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что «сегодня Западная Африка остается перевалочным пунктом для торговцев наркотиками между Южной Америкой и Европой, что представляет опасность для

населения и несет серьезные проблемы для миротворческих операций ООН в регионе». Конечно, наркодилеры Западной Африки ничуть не менее опасны, чем ОМУ Саддама Хусейна и попрание прав человека режимом Каддафи.

Гражданские конфликты, уже захватившие Ливию, Судан, Мали, Нигерию и с разной степенью интенсивности начинающие проявляться в ДРК, Зимбабве, ЮАР и соседних странах, чреваты как реальным падением экспорта минерального сырья (по всему спектру — от углеводородов до металлов, редкоземельных элементов и алмазов) на мировые рынки, так и

виртуальной угрозой такого падения, что неизбежно скажется на биржевых котировках. Даже в том случае, если реальные возможности горнодобывающих компаний в конфликтных странах не уменьшатся, всегда остается возможность использовать механизм санкций и наднациональных отраслевых организаций, подобных «Кимберлийскому процессу» и закону Додда-Франка, включающему «Закон о конфликтных минералах» (Conflict Minerals Law), в целях блокады экспорта. Именно Африка выступит (и уже выступает) в качестве основного механизма, способного наполнить гигантскую

«антикризисную» эмиссию ФРС и ЕЦБ реальным содержимым и привести в соответствие массу «впрыснутой» в экономику ликвидности и цены на сырье.

В ноябре 2011 года алмазный рынок испытал подлинное потрясение: семья Оппенгеймер выходит из алмазного бизнеса и продает свой пакет в «Де Бирс». Большинство комментаторов этого нетривиального события предпочли обсуждать якобы посредственные деловые качества Джонатана Оппенгеймера и присущее ему нежелание заниматься династическим бизнесом. Но среди подобных «версий», украсивших

гламурные журналы, прозвучали и более трезвые оценки: «Мы отчетливо видим, как нарастают экономические трудности в Зимбабве, ЮАР, Намибии, Ботсване, Конго, что создает у властей соблазн экспроприации частного бизнеса, — отметил в беседе со мной алмазный брокер из лондонского Сити. — Ясно, что при подобном повороте событий бизнес семьи Оппенгеймер находится под особой угрозой» (*В. Макарчев* . «Тихий закат алмазной империи», Геологический клуб, 24. 11. 2011 г.). Но дело не только и не столько в том, что бизнес Оппенгеймеров может пострадать в результате начинающейся

политической турбулентности в Африке. Дело в том, что сама эта турбулентность, вовсе не стихийная, а тщательно спроектированная, может быть слишком явно связана со знаменитой фамилией. А по понятным причинам такая персонификация, конечно, неуместна.

Впрочем, как выяснилось чуть позднее, семья не совсем удалилась от алмазных дел, оставив за собой «Element Six» — ведущую мировую компанию по производству синтетических алмазов и разработке соответствующих технологий. Да и сама «Де Бирс» не попала в посторонние руки, теперь 85%-ным

пакетом владеет «Англо-Америкен». Политическая турбулентность в Африке – наиболее вероятный путь преодоления мирового кризиса. Но есть и страховочный механизм, связанный с еще одним крупнейшим мировым экспортером минеральных ресурсов – с Россией.

*Владимир Путин и Никки
Оппенгеймер.*

Незадолго до триумфальной победы Владимира Путина на президентских выборах в России началась острая дискуссия о приватизации бюджетообразующих госкомпаний. Либеральное крыло российского истеблишмента, которое принято связывать с Дмитрием Медведевым, выступило за полный уход государства из капитала крупнейших добывающих корпораций, в то время как консервативное, олицетворяемое Игорем Сечиным, настаивало на необходимости сохранения в них государственных блок-пакетов. Хотя Путин, в свойственной ему манере, занял позицию арбитра в этом

щекотливом вопросе, и предпочел не слишком конкретизировать собственные взгляды, в марте 2012 года агентство Bloomberg заявило о том, что «победа на выборах является поддержкой предвыборного обещания Путина продолжить реализацию плана по приватизации государственных компаний». Конечно, в известной степени, очередные российские игры с приватизацией — это «извечный спор славян (весьма условных, впрочем) между собою», и с точки зрения макроэкономики, в сущности, безразлично, кому персонально достанется тот или иной кусок российской госсобственности. Но

ряд событий, среди которых стоит выделить успешное и быстрое продвижение в качестве «независимых директоров» в наблюдательные советы компаний, рассматриваемых как объекты грядущей приватизации, людей, явно и тесно связанных с лидерами российского либерализма, показывает, что этот процесс может выйти далеко за границы собственно российских проблем. «Либерализация» наблюдательных советов может означать скорый мощный старт процесса модернизации российских добывающих компаний, понимаемой как развитие минерально-сырьевой

базы, обновление производственных фондов, создание современной инфраструктуры. Именно для этого и требуется приватизация. Это, безусловно, позитивный процесс, особенно учитывая то обстоятельство, что продолжительное время российские добывающие госкомпании работали на заделе времен СССР, и модернизация им действительно необходима. Но также очевидно, что глубокая модернизация, особенно в таких капиталоемких областях, как майнинг, неизбежно снизит экспортный потенциал этих компаний в течение ближайших 2 – 5 лет. Это и будет тот вклад, который

Россия сможет внести в борьбу с кризисом. Существуют разные оценки объема «антикризисной эмиссии», предпринятой в 2008—2012 годах ФРС и ЕЦБ для спасения мировой финансовой системы. Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что в любом случае это многие триллионы долларов и евро. Между тем цены на commodities колеблются около докризисных уровней. Перелить «напечатанную» ликвидность в реальный сектор или — что то же самое — заставить инвесторов вкладываться в commodities и акции добывающих и так или иначе связанных с майнингом компаний (т. е. в начало всех производственных

цепочек) можно, лишь значительно ограничив предложение сырья на рынке. Из Африки – за счет локальных конфликтов, из России – за счет модернизации добывающих компаний. Причем для российского бюджета это не должно быть серьезным ударом, поскольку падение экспорта будет компенсироваться пропорциональным ростом цен на сырье. Это и есть антикризисное решение, контуры которого проглядывают с каждым днем все отчетливее.

Заключение

Идея управления глобальными сырьевыми рынками, сформулированная Сесилом Родсом и обкатанная на рынке алмазов, сегодня является подлинной основой мировой экономики и функционирующей на этом базисе политической надстройки — надгосударственных элитарных структур типа «Бельдербергского клуба». К началу XXI столетия на планете не существует ни одного сколь-нибудь значимого сырьевого рынка, цена на котором определялась бы на основании

баланса спроса и предложения. Лондонский «золотой фиксинг», ОПЕК, «бенчмарк» на железорудном рынке, система ценообразования на рынках цветных металлов — все это не имеет ни малейшего отношения к понятию «свободный рынок» и прочим легендам классического капитализма. Ценообразование на глобальных сырьевых рынках — это управляемый процесс с долгосрочным (30 и более лет) горизонтом планирования, осуществляемый в недрах гибких неформальных структур, объединяющих представителей ведущих добывающих корпораций, финансовых институтов и

политической элиты. А цена на сырье – абсолютный инструмент влияния на все производные рынки, вплоть до самого рафинированного хай-тека. Поэтому тот, кто контролирует глобальные сырьевые рынки, в конечном счете, контролирует всю экономику планеты.

Хорошую иллюстрацию такого контроля обеспечивает биржевая торговля. Во-первых, углеводороды и все «коммодитез» торгуются на основных мировых площадках только за доллары США. Без этого «продукта», производимого ФРС, никто не в состоянии приобрести на мировых биржах ни барреля нефти,

ни тонны железной или медной руды и т. д. (ни одного карата алмазов на алмазных биржах – тоже). Пока существует такая практика, приходится признать, что единственная мировая резервная валюта обеспечена не только и не столько ВВП США, а всей планетарной минерально-сырьевой базой. Что, собственно, делает принципиальную устойчивость доллара практически безграничной.

Во-вторых, ничто не свидетельствует убедительнее о призрачности понятия цены как справедливого баланса спроса и предложения, чем биржевая торговля сырьем. В 2008 и 2009 гг. мир

изумленно взирал на сумасшедшие ценовые скачки на нефтяном рынке: в течение 3 – 4 месяцев цена падала с \$140 до \$30 за баррель, а затем вновь взлетала до \$100. Совершенно очевидно, что попытка объяснить такие ценовые скачки сокращением или увеличением реального спроса на нефтепродукты лежит за гранью здравого смысла – потребление на таких коротких временных интервалах оставалось практически постоянным. Отчего же так летала цена? Кто ее так гонял? Ах да, проклятые биржевые спекулянты. «Проклятые спекулянты» – это хороший, емкий термин. Во всяком случае, ничуть не хуже, чем

«международные исламские террористы».

Но кто же является настоящим биржевым игроком? Неужели бесчисленные «лемминги» с парой сотен тысяч долларов (или парой миллионов — в данном случае это один порядок) на брокерском счету, сопящие над премудростями «технического анализа». Нет, это всего лишь «биржевое мясо», в лучшем случае они могут следовать за ценовым трендом, но никак не определять его. Кто же определяет, кто срывает банк? Любой грамотный трейдер скажет: «инсайдер». Тот, кто способен закачать в биржевую игру миллиарды и триллионы и при этом

без риска, ибо такими деньгами не рискуют. А это может быть только тот, кто знает (а на самом деле — определяет), насколько увеличит добычу ОПЕК через месяц, когда в Ливии произойдет «цветная революция», когда племя айджо атакует нефтяные платформы в дельте Нигера и какое решение по учетной ставке примет ФРС в мае следующего года. Вот этот «спекулянт» и определяет ценовые тренды на мировых сырьевых рынках. Остальным рекомендуется изучать классические труды по экономике и верить в то, что «невидимая рука рынка» устанавливает справедливый баланс

между спросом и предложением.

Если приглядеться к составам советов директоров корпораций вроде «Эксон Мобил», «Англо-Америкен», ВНР Billiton и т. п., можно заметить, что там присутствуют те же лица, что входят в состав банков, образующих ФРС и международные финансовые институты, а также присутствуют на заседаниях надгосударственных «клубов». Это и есть управляющие глобальными сырьевыми рынками — мировой минерально-сырьевой базой. Те, кто определяет цену — на все, из чего состоит планета.

Управление мировой минерально-сырьевой базой — это

основа мировой экономики и основа подлинной власти, все остальное лишь более или менее значимые надстройки. Со времен Сесила Родса эта модель постоянно эволюционировала: от примитивного монополизма, от линейного диктата цены, от прямого захвата месторождений с помощью государственной военной машины — к гибкому многофакторному влиянию на ценовые тренды с постоянным и быстрым ростом информационной составляющей, с расширением поля производных финансовых инструментов, с подключением «общественных», «некоммерческих» институтов, с

перетасовкой политических
спарринг-партнеров и созданием
новых «империй зла». Модель
блестяще доказала
жизнеспособность, готовность
адаптироваться к стремительно
развивающейся цивилизации.
Адаптироваться в средствах. Цель же
осталась неизменной: кто
контролирует глобальные сырьевые
рынки, тот правит миром. За это и
шла борьба с конца XIX века, это и
является поныне объектом
пристального внимания со стороны
подлинных обладателей власти.

В июле 2009 года, на пике
экономического кризиса, в отставку
был отправлен президент АЛРОСА

С. Выборнов. И хотя российскими и зарубежными аналитиками алмазного рынка был предложен целый спектр версий причин этого события, все они звучали не слишком убедительно, поскольку с финансово-экономических позиций АЛРОСА чувствовала себя в кризис гораздо лучше любой другой алмазодобывающей компании, включая «Де Бирс». А ларчик открывался просто — за несколько месяцев до отставки, на Всемирном алмазном конгрессе в Антверпене, С. Выборнов имел неосторожность предложить алмазному профессиональному сообществу перейти от расчетов в долларах США

к расчетам в швейцарских франках. И действительно — на дворе надвигающийся кризис, доллар лихорадит, он нестабилен, крупнейшие алмазодобывающие компании: южноафриканская «Де Бирс», российская АЛРОСА, австралийские Rio Tinto и BHP Billiton — не имеют отношения к США, почему бы и не перейти к расчетам между собой в бронебойных швейцарских франках? Предложение было встречено вежливыми аплодисментами, за которыми последовала отставка. В свое время Саддам Хусейн всерьез предлагал перейти к расчетам за нефть в евро вместо долларов —

судьба этого хабреца известна. Так что С. Выборнов еще легко отделался.

В 2010 году АЛРОСА впервые в истории мирового алмазного рынка обогнала «Де Бирс» по объемам добычи. Казалось бы – вот он, шанс! «Де Бирс» серьезно потрепана финансовыми неурядицами, большие долги, конфликт с правительством Ботсваны, болезненная смена высшего менеджмента. Предложи клиентам лучшие условия, закрепи их долгосрочными договорами, дай ценовые преференции, поддержи Ботсвану в конфликте с «Де Бирс» на межгосударственном уровне – и рынок твой, ты лидер, ты

определяешь ценовой тренд!
Впервые за полвека! Но нет.
АЛРОСА предложено заняться.
разработкой огромного
железорудного месторождения
«Тимир» в Южной Якутии. Проект
требует гигантских инвестиций и
стоит дороже самой АЛРОСА, у
которой к тому же нет ни малейшего
опыта таких работ — со времен
«Якуталмаза» это была
исключительно алмазная
монокомпания. Нужно влезать в
колоссальные долги, о лидерстве на
алмазном рынке можно забыть
надолго, если не навсегда.
Разумеется, предложение, от
которого нельзя отказаться, спущено

с самого верха — с правительственных высот. Гибкое опосредованное управление!

Неважно, кому формально принадлежит месторождение, неважно, сколько ты можешь добыть, важно — кто и как определяет цену. Если у тебя нет допуска к этому механизму — ты не владелец рынка. Ты лишь сателлит подлинного владельца. И ни вторая, ни третья, ни какая-либо еще экономики мира не являются исключением из этого правила.

Что из того, что Китай является крупнейшим в мире производителем золота и владельцем огромного золотого запаса? Настоящая цена на

золото определяется «лондонским фиксингом» в долларах США в помещении банка Rothschild. И именно здесь определяется — а рентабельно ли вообще добывать золото в Китае и сколько будет стоить золотой запас КНР. Что из того, что Китай — крупнейший мировой производитель стали? Мировая цена на железную руду определяется соглашением Vale (формально — Бразилия, на самом деле — США), Rio Tinto и BHP Billiton. И, в конечном счете, от этой цены зависит — сколько будет стоить китайская сталь и выгодно ли вообще ее будет производить. И так — на всех глобальных рынках.

Может ли положение поменяться, может ли смениться хозяин у минерально-сырьевой планетарной базы? Единственная попытка – германская кончилась неудачей, и с тех пор серьезного претендента не видно. Но ничто не вечно под луной, династии вырождаются, ошибки накапливаются, и, может быть, детище гениального Родса скончается вследствие роста энтропии. И мир вернется в счастливый хаос, где нет места конспирологии и криптоэкономике, где спрос определяется предложением, а политический процесс – классовой борьбой, где бурлят так понятные

«противоречия между трудом и капиталом».

Но рано или поздно из хаоса появится некто, кто откроет заново, а может быть, вспомнит: «Если на всем белом свете будет только четыре человека, нужно продавать алмазов столько, чтобы хватало лишь на двоих!»